

приоритет

Кажется, дождь собирается:
особенности и перспективы практики
ядерных зонтиков

Автор:

Илья Александрович Субботин, стажер ПИР-Центра

Рецензенты:

Дмитрий Витальевич Тренин, президент Российского совета по международным делам, директор Института мировой военной экономики и стратегии НИУ ВШЭ, член Совета ПИР-Центра;

Алексей Алексеевич Кривопапов, старший научный сотрудник Центра постсоветских исследований, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН

Научный руководитель: Владимир Андреевич Орлов, директор и основатель ПИР-Центра, профессор МГИМО МИД России

Целью настоящего доклада является определение особенностей практики «ядерных зонтиков» на современном этапе и выявление ее перспектив в обозримом будущем. В ходе его подготовки были обобщены академические дискуссии о сущности понятия «ядерный зонтик» и конкретизировано его значение. Затем была изучена история формирования и эволюции ядерных зонтиков до начала 2020-х гг. Наконец, был проведен комплексный анализ современных ядерных зонтиков и новейших тенденций в их развитии. Доклад состоит из трех глав. Первая глава предлагает концептуальный и исторический взгляд на практику ядерных зонтиков. Вторая глава является основной и затрагивает современные аспекты их функционирования. Заключительная третья глава содержит предположения о перспективах существующих ядерных зонтиков и вероятности возникновения новых подобных форматов.

Данный доклад подготовлен в рамках консорциума МГИМО МИД России и ПИР-Центра под эгидой Программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

Работа по подготовке данного доклада была завершена 30 мая 2026 года.

Серия «Доклады ПИР-Центра». № 50

Читайте этот и другие доклады на нашем сайте:

https://pircenter.org/category_editions/doklady/

ISBN 978-5-6053389-9-4

9 785605 338994 >

Оглавление

Введение	3
Глава 1. Ядерный зонтик: концептуальные и исторические аспекты	8
1.1. Понятие «ядерный зонтик»	8
1.2. История становления ядерных зонтиков.....	16
Глава 2. Практика ядерных зонтиков на современном этапе	36
2.1. Япония	36
2.2. Республика Корея	49
2.3. Австралия	61
2.4. НАТО	67
2.5. ОДКБ и Союзное Государство	83
2.6. Общее и специфичное в современных ядерных зонтиках	89
Глава 3. Перспективы практики ядерных зонтиков	100
3.1. Существующие форматы	100
3.2. Потенциальные «новички»?	110
Заключение	115
Приложения	119

Введение

Стратегические исследования, как и наука о международных отношениях в целом, изобилуют метафорами. «Ядерный зонтик» является одной из наиболее знаменитых, причем особая интенсивность употребления этой категории в последнее время побуждает даже филологов, а не только международников, проводить соответствующие исследования¹. В то же время высокая частота употребления этого термина не означает единства относительно его содержания – напротив, точного определения, с которым были бы согласны все, не существует. Другое дело, что ядро всех пониманий едино – речь идет об архитектуре ядерных гарантий, предоставляемых государствами, обладающими ядерным оружием (прежде всего – США), своим союзникам. Разумеется, данные гарантии сыграли исторически и продолжают играть определенную роль в сфере международной безопасности и, в частности, режима нераспространения. При этом они эволюционируют – где-то прекращают существовать, а где-то, как в случае нынешней ядерной политики Франции – приобретают более конкретную форму.

Изучение практики ядерных зонтиков в совокупности, без фокуса на отдельной стране и историческом периоде, представляет значительный научно-практический интерес и актуально в связи с рядом факторов. В первую очередь, мы можем выделить закономерности и нынешние тенденции, оттолкнувшись от которых удастся выдвинуть предположения о будущем не только самой архитектуры ядерных гарантий, но и режима нераспространения и военно-политических отношений ядерного государства с его неядерными союзниками в целом. В условиях неопределенности вокруг трансатлантических отношений и перспектив «европейского сдерживания» такой фундированный взгляд особенно необходим и может быть полезен для формирования политики безопасности Российской Федерации. Более того, коль скоро ядерный зонтик является в том числе продолжением национальной политики сдерживания, изучение соответствующих форматов, прежде всего американских, позволит лучше понимать современные подходы Вашингтона к (ядерному) сдерживанию и его дальнейшие планы. В то же время анализ ядерного сотрудничества России и Белоруссии позволит сформулировать ряд рекомендаций по его дальнейшему развитию. Наконец, настоящая работа сможет конкретизировать понятие ядерного зонтика и тем самым внести вклад в последующие исследования данной проблематики.

---

¹ Бородулина Н.Ю., Макеева М.Н. Оттеночно-коннотативный потенциал синонимичных метафор «ядерный щит» / “nuclear shield” / “bouclier nucléaire” и «ядерный зонтик» / “nuclear umbrella” / “parapluie nucléaire” // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2025. Т. 18, Вып. 5. С. 2029-2034.

Целью настоящего доклада является определение особенностей практики «ядерных зонтиков» на современном этапе и выявление ее перспектив в обозримом будущем. Для достижения цели были решены три основные задачи. Прежде всего были обобщены академические дискуссии о сущности понятия «ядерный зонтик» и было конкретизировано его значение. Затем была изучена история формирования и эволюции ядерных зонтиков до начала 2020-х гг. Наконец, был проведен комплексный анализ современных ядерных зонтиков и новейших тенденций в их развитии.

Под современным этапом нами подразумевается период с 2021 г. по настоящее время. Данная разграничительная линия между прошлым и настоящим во многом условна и необходима по аналитическим соображениям; в то же время, ряд сопутствующих факторов также обуславливает выбор такой «стартовой точки». Так, в 2021 году существенно обострилась ситуация в Азиатско-Тихоокеанском регионе в связи с созданием альянса AUKUS, направленного на усиление системы американского расширенного сдерживания против Китая. В этом же году началось серьезное ухудшение отношений России с западными государствами, вылившееся в начало специальной военной операции в начале 2022 г. и усиление ядерного фактора на европейском континенте. Наконец, период в 5 лет (2021-2026) наиболее оптимален для анализа тенденций развития современных ядерных зонтиков с той точки зрения, что он не слишком узок для выделения основных трендов и в то же время не слишком уходит в прошлое, что размывало бы современный фокус анализа. Подчеркнем, что указанные выше соображения выбора такой хронологической рамки основные, но не исчерпывающие.

Степень изученности тематики ядерных зонтиков (или расширенного ядерного сдерживания, употребляющегося часто синонимично), будь то сквозь призму непосредственно концепции сдерживания или ядерного нераспространения, очевидно, высока. Существует множество работ, число которых в последние годы экспоненциально растет. Ядерное измерение сотрудничества США и их союзников в АТР в целом подробно рассматривается, к примеру, в работах Т.Б. Аничкиной², Д.А. Селезневой³, Г.В. Торопчина⁴, Т. Рёрига⁵, Г. Синклейр⁶ и других авторов. Существует также множество исследований, посвященных взаимоотношениям США и их конкретного союзника в регионе – прежде

---

² Аничкина Т. Восточная Азия и ядерный зонтик США // Индекс Безопасности. 2012. Т. 18, № 2. С. 63-72.

³ Селезнева Д.А. Ядерное нераспространение в Азиатско-Тихоокеанском регионе // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. 2024. № 4. С. 73-83.

⁴ Торопчин Г.В. Пороговые страны АТР в режиме нераспространения ядерного оружия: диссертация на соискание ученой степени доктора политических наук. Томск, 2025.

⁵ Roehrig T. Japan, South Korea, and the United States Nuclear Umbrella: Deterrence After the Cold War. New York: Columbia University Press, 2017.

⁶ Sinclair G. The Targeting Debate and U.S. Assurances to Allies // On the Horizon: A Collection of Papers from the Next Generation / D. Horschig. New York: Rowman & Littlefield, 2024. P. 75-83.

всего Японии, Южной Кореи и Австралии. В качестве примера здесь можно отметить работы Н. Акиямы⁷, О. Масакацу⁸, А.В. Малолетко⁹, Кён Чжу Чона¹⁰ и П. Дина¹¹. В контексте вопроса о возможных новых государствах под ядерным зонтиком заслуживает внимания недавняя статья А.В. Волошиной о Тайване¹².

Ядерные зонтики в Европе являются тоже хорошо изученной темой. В первую очередь стоит отметить общие труды Х. Кристенсена и его коллег¹³, а также Л. Хоровиц¹⁴, затрагивающие широкую проблематику – в том числе современное состояние и перспективы диалога о европейском сдерживании и российско-белорусского сотрудничества. Л. Хоровиц при этом также занимается проблематикой сдерживания в АТР¹⁵. Из российских экспертов стоит отметить работы Д.В. Тренина¹⁶, Д.В. Стефановича¹⁷, А.А. Кривопалова¹⁸ и А.С. Зубенко¹⁹. Д.В. Тренин фокусируется на развитии российско-белорусского взаимодействия в ядерной сфере, Д.В. Стефанович и А.А. Кривопалов затрагивают более общие сюжеты ядерного сдерживания на европейском континенте, в то время как А.С. Зубенко уделяет первостепенное внимание роли ядерных сил и доктрин Великобритании и Франции.

---

⁷ Akiyama N. How Should Japan Consolidate the Credibility of Extended Deterrence? // AJISS-Commentary. 16.10.2023. No. 305.

⁸ Masakatsu O. Conceptual Twist of Japanese Nuclear Policy: Its Ambivalence and Coherence Under the US Umbrella // Journal for Peace and Nuclear Disarmament. 2018. Vol. 1, Iss. 1. P. 193-208.

⁹ Малолетко А.В. Военно-политические связи Республики Корея и США на современном этапе // Современные проблемы Корейского полуострова. 2025. № 1. С. 76-83.

¹⁰ Jeon K.-j. Making a Case for Flexibility in the ROK-US Deterrence Posture // Journal for Peace and Nuclear Disarmament. 2025. Vol. 8, No. 1. P. 57-75.

¹¹ Dean P.J., Frühling S., O’Neil A. Australia and the US nuclear umbrella: from deterrence taker to deterrence maker // Australian Journal of International Relations. 2024. Vol. 78, No. 1. P. 22-39.

¹² Волошина А.В. Американский «ядерный зонтик» для Тайваня: предвыборная риторика ДПП или реальный сценарий? // Россия и Америка в XXI веке. 2023. Спецвыпуск 3.

¹³ Kristensen H. et. al. Nuclear weapons sharing, 2023 // Bulletin of the Atomic Scientists. 2023. Vol. 79, No. 6. P. 393-406; Kristensen H. et. al. The changing nuclear landscape in Europe // Bulletin of the Atomic Scientists. 2025. Vol. 81, No. 6. P. 485-505.

¹⁴ Horowitz L., Wachs L. France’s Nuclear Weapons and Europe // SWP Comment 2023/C 15. 09.03.2023. URL: https://www.swp-berlin.org/publications/products/comments/2023C15_Frances_NuclearWeapons.pdf (accessed: 21.03.2026); Horowitz L., Suh E. Trump II and US Nuclear Assurances to NATO // SWP Comment 2024/C 17. 25.04.2024. URL: https://www.swp-berlin.org/publications/products/comments/2024C17_TrumpII_NATO.pdf (accessed: 21.03.2026); Horowitz L. US extended nuclear deterrence in Europe: Three scenarios // SWP Comments 32/2025. 10.07.2025. URL: <https://www.swp-berlin.org/en/publication/us-extended-nuclear-deterrence-in-europe-three-scenarios> (accessed: 21.03.2026).

¹⁵ Horowitz L., Suh E. Trump II and US Nuclear Assurances in the Indo-Pacific // SWP Comment 2024/C 36. 21.08.2024. URL: https://www.swp-berlin.org/publications/products/comments/2024C36_Trump_II_NuclearAssurance.pdf (accessed: 21.03.2026)

¹⁶ Тренин Д.В., Русакович А.В. Ядерная составляющая Союзного государства // Россия в глобальной политике. 2026. Т. 24. № 1. С. 119-134.

¹⁷ Стефанович Д. Ядерный «зонтик» для ясной погоды // Россия в глобальной политике. 16.04.2024. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/yadernyj-zontik/> (accessed: 15.02.2026).

¹⁸ Кривопалов А.А. Сигнальная функция ядерного сдерживания и её неочевидные исторические параллели // Россия в глобальной политике. 2026. Т. 24, № 1. С. 135–150.

¹⁹ Zubenko A. Beyond the Bilateral: Retrospective Analysis of the Issue of British and French Nuclear Arsenals Offset in US-Russian Strategic Stability Dialogue // PIR Center Reports Series. 2025.

Отдельно стоит выделить проведенные в контексте подготовки доклада интервью с Д.А. Даниловым и А.В. Загорским по проблематике европейского сдерживания²⁰ и Д. Санторо по проблематике американских ядерных зонтиков и нераспространения в Северо-Восточной Азии²¹. Тезисы и аргументы данных экспертов стали полезным подспорьем при оценке современного состояния ядерных зонтиков и их перспектив.

В целом, существует множество работ отечественных и зарубежных авторов более общего порядка, затрагивающих отдельные сюжеты режима нераспространения, контроля над вооружениями и ядерного сдерживания, которые в определенной мере пересекаются с тематикой настоящей работы. Особый интерес в этой связи представляют Ежегодники ПИР-Центра *Security Index Yearbook*²² и монография *Alliances, Nuclear Weapons and Escalation* под редакцией Ш. Фрюлинга и Э. О'Нила²³. Отдельные главы настоящих сборников, особенно за авторством В.А. Орлова²⁴, С.Д. Семенова²⁵, А. Маттеллаера²⁶ и Т. Сатаке²⁷ активно использовались при проведении настоящего исследования.

Научная новизна предлагаемого доклада, однако, состоит в том, что ни в отечественной, ни в зарубежной литературе не было найдено комплексного исследования практики ядерных зонтиков в целом, с упором на выявление общих закономерностей и новейших тенденций – без привязки к конкретной стране, региону или историческому периоду. В качестве исключения стоит отметить статью Т. Эресте (SIPRI), где как раз рассматриваются ядерные зонтики как таковые в их исторической и современной перспективе²⁸. Однако работа была выпущена в 2023 г., и в силу стремительно

---

²⁰ Данилов Д.А., Загорский А.В. Старый Свет – новые проблемы. Дмитрий Данилов и Андрей Загорский об актуальных вопросах безопасности в европейском регионе // ПИР-Центр. 19.02.2026. URL: <https://pircenter.org/editions/old-continent-new-problems-dmitry-danilov-and-andrey-zagorsky-on-pressing-issues-of-european-security/> (дата обращения: 01.03.2026).

²¹ The U.S. «nuclear umbrella» in Asia: How reliable is it for Japan and South Korea? Interview with Dr. David Santoro by Ilya Subbotin // PIR Center. 18.03.2026. URL: <https://pircenter.org/en/editions/%e2%84%96-3-17-2026-the-u-s-nuclear-umbrella-in-asia-how-reliable-is-it-for-japan-and-south-korea/> (accessed: 21.03.2026).

²² Security Index Yearbook 2024-2025 Vol. 1 / V. Orlov, E. Karnaukhova (Eds.). PIR Library Series No. 37. Moscow: Aspect Press, 2024; Security Index Yearbook 2026-2027 Vol.2 / V. Orlov, L. Tsukanov (Eds.). PIR Library Series No. 40. Moscow, 2026.

²³ Alliances, Nuclear Weapons and Escalation: Managing Deterrence in the 21st Century / S. Frühling, A. O'Neil (Eds.). Acton: ANU Press, 2021.

²⁴ Orlov V., Semenov S., Tsukanov L. “Nuclear Newcomers Club”: Main Trends in the Sphere of Nuclear Weapons (Non)Proliferation // Security Index Yearbook 2026-2027 Vol.2 / V. Orlov, L. Tsukanov (Eds.). PIR Library Series No. 40. Moscow, 2026. P. 56-69.

²⁵ Semenov S. Scenes from Nonproliferation: Disengagement and Signaling in Russian Policy // Security Index Yearbook 2024-2025 Vol. 1 / V. Orlov, E. Karnaukhova (Eds.). PIR Library Series No. 37. Moscow: Aspect Press, 2024. P. 47-68.

²⁶ Mattelaer A. Nuclear Sharing and NATO as a ‘Nuclear Alliance // Alliances, Nuclear Weapons and Escalation: Managing Deterrence in the 21st Century / S. Frühling, A. O'Neil (Eds.). Acton: ANU Press, 2021. P. 123-132.

²⁷ Satake T. Japan: The Political Costs of Deterrence. Nuclear Sharing and NATO as a ‘Nuclear Alliance // Alliances, Nuclear Weapons and Escalation: Managing Deterrence in the 21st Century / S. Frühling, A. O'Neil (Eds.). Acton: ANU Press, 2021. P. 89-100.

²⁸ Erästö T. The Role of Umbrella States in the Global Nuclear Order // SIPRI Insights on Peace and Security. 2023. No. 2023/06.

развивающихся событий в сфере расширенного ядерного сдерживания как в Европе, так и в АТР она требует актуализации. Более того, в силу объема она не погружается в проблематику так глубоко, как настоящий доклад, и содержит некоторые неточности, требующие корректировки.

Помимо литературы настоящий доклад основан на широкой источниковой базе, в которую вошли три основные группы материалов. В первую очередь, речь идет об актуальных ядерных доктринах и иных основополагающих стратегических документах государств, обладающих ядерным оружием и предоставляющих соответствующие гарантии своим союзникам (США, Россия, Франция и Великобритания), а также, с другой стороны, стратегических документах самих этих союзников. Во-вторых, были изучены совместные заявления, коммюнике и другие типы совместных документов, принятых в рамках дву- или многосторонних форматов, касающихся взаимодействия в области расширенного сдерживания. В-третьих, для подкрепления анализа актуальной фактологической базой мы обращались к новостным материалам как отечественных, так и зарубежных СМИ.

Методологическую базу исследования составляют преимущественно общенаучные методы, а также сравнительный анализ и системный подход. Сравнительный анализ применяется для сопоставления современных ядерных зонтиков по ряду параметров, визуализированного в конце Главы 2. Системный подход предполагает, что ядерные зонтики рассматриваются в контексте общих отношений ядерного государства с его союзником и соотношения их интересов в сфере политики безопасности. Более того, применительно к США, их глобальная и региональные (АТР и Европа) архитектуры ядерных зонтиков также являются системами взаимосвязанных элементов. Соответственно, данные системы невозможно в полной мере постичь при анализе одной отдельной диады в вакууме.

Доклад состоит из трех глав. В первой главе формулируется, на наш взгляд, наиболее корректное понимание «ядерного зонтика» и предлагается система его классификации, равно как аналитическая рамка, структурирующая дальнейшую работу. В этой же главе рассматриваются исторические аспекты. Вторая глава является основной и предполагает развернутый анализ современных ядерных зонтиков (Япония, Южная Корея, Австралия, НАТО, ОДКБ и Белоруссия) и динамики их развития с 2021 г. по настоящее время. В конце данной главы современные ядерные зонтики классифицируются с опорой на рамку, представленную в первой главе. Наконец, третья глава является заключительной и предполагает выдвижение гипотез о будущем практики ядерных зонтиков с опорой на тенденции и факторы, обозначенные во второй главе.

Глава 1. Ядерный зонтик: концептуальные и исторические аспекты

1.1. Понятие «ядерный зонтик»

Категория «ядерный зонтик» кажется интуитивно понятной и употребляется как в научной, так и в общественно-политической лексике довольно часто (в последнее время – особенно в контексте дебатов о жизнеспособности американского ядерного присутствия в Европе). Тем не менее, более детальный взгляд позволяет обнаружить, что общепринятого определения этого понятия нет, и различные авторы вкладывают в него порой довольно разные смыслы, хотя и рассуждая в подавляющей части только о политике США и обходя Россию и советскую историю стороной.

В первую очередь, стоит отметить «сращивание» понятия ядерного зонтика и расширенного ядерного сдерживания. В статье Т.Б. Аничкиной об американских ядерных зонтиках в Восточной Азии, к примеру, иллюстративно следующее положение: «Американское расширенное ядерное сдерживание, или ядерный зонтик – это <...>»²⁹. Аналогичное понимание встречается в ряде других работ как отечественных³⁰, так и зарубежных исследователей³¹. С другой стороны, присутствует и более комплексный взгляд, согласно которому зонтик – лишь частный и самобытный элемент общей стратегии сдерживания, и его изучение не тождественно изучению расширенного ядерного сдерживания³².

Во-вторых, некоторые исследователи сводят смысл ядерного зонтика к защите ядерным государством своего союзника исключительно от ядерных угроз (так называемая политика единственной цели, *sole purpose*): «ядерное нападение на союзников влечет за собой ответ США»³³. Данный подход не лишен оснований (в конце концов, все ядерные зонтики создавались перед лицом угрозы исключительно со стороны ядерного государства, но не неядерного), но во многом проблематичен и упирается в конкретное содержание ядерных доктрин и союзных обязательств между ядерным государством и каждым конкретным его союзником, которые разнятся. Вероятно, именно поэтому большая часть исследователей предпочитает говорить о сдерживании агрессии как таковой, в том числе

---

²⁹ Аничкина Т. *op. cit.* С. 63.

³⁰ Trenin D., Karnaukhova E. “The Third Decade of the 21st Century Promises to Be Very Turbulent” // *Security Index Yearbook 2024-2025 Vol. 1 / V. Orlov, E. Karnaukhova (Eds.). PIR Library Series No. 37. Moscow: Aspect Press, 2024. P. 408.*

³¹ Erästö T. *op. cit.* P. 1.

³² Roehrig T. *op. cit.* P. 17.

³³ Mastro O.S. Nuclear Deterrence and the US-China Strategic Relationship // *Alliances, Nuclear Weapons and Escalation: Managing Deterrence in the 21st Century / S. Frühling, A. O’Neil (Eds.). Acton: ANU Press, 2021. P. 37-38.*

конвенциональной или с применением химического и/или биологического оружия³⁴. Правда, здесь необходимо оговориться, что эти рассуждения ведутся не в вакууме, а с опорой на конкретные доктринальные положения (почти исключительно – ядерную доктрину США), и именно их изучение играет первичную роль.

В-третьих, открытым, хотя и наименее острым из всех, является вопрос непосредственного размещения ядерного оружия на территории государства-союзника как критерия существования ядерного зонтика. Большинство исследователей исходит из того, что размещение ядерного оружия – одна из форм обеспечения ядерных гарантий, но не *sine qua non* ядерного зонтика как прежде всего системы военно-политических гарантий. Тем не менее, в общественно-политическом дискурсе нередко встречаются ассоциации американского ядерного зонтика в Европе именно с размещенными в регионе нестратегическими ядерными боезарядами³⁵.

Хотя Т.Б. Аничкина отождествляет расширенное ядерное сдерживание с ядерным зонтиком, само сформулированное ей определение вполне точно и, при некоторой доработке, может быть использовано в настоящей работе. Так, Т.Б. Аничкина определяет американский ядерный зонтик как «гарантии, предоставленные Соединенными Штатами своим союзникам и партнерам в Европе и Азии, о защите последних от атаки с использованием ядерных или обычных вооружений с применением Вашингтоном национальных средств ядерного сдерживания»³⁶. Поскольку в докладе рассматривается не только (пусть и преимущественно) американская политика, ядерный зонтик как общее понятие определяется как *гарантия, предоставленная государством, обладающим ядерным оружием, своему военно-политическому союзнику (группе союзников), о защите последнего (последних) от агрессии посредством применения национальных средств ядерного сдерживания*. В настоящем определении ядерный зонтик рассматривается не как сумма всех гарантий различным союзникам у Т.Б. Аничкиной, а как специфическая гарантия в отношениях с конкретным государством или группой государств (в случае, например, НАТО как альянса) – соответственно, те же США обладают не одним ядерным зонтиком для всех, а несколькими разными, со своими особенностями и динамикой. Добавим также, что речь идет именно о военно-политических союзниках, а не просто «партнерах», поскольку история еще не знает примеров, когда ядерный зонтик предоставлялся вне рамок дву- или многосторонних альянсов.

---

³⁴ Sinclair G. op. cit. P. 75.; Roehrig T. op. cit. P. 1.

³⁵ Bloomberg узнал о ядерных переговорах Запада, о которых не знают министры // РБК. 13.02.2026. URL: <https://www.rbc.ru/politics/13/02/2026/698ecfea9a7947ba66b03f30> (дата обращения: 14.02.2025)

³⁶ Аничкина Т. op. cit. С. 63.

Возвращаясь к академическим расхождениям выше, отметим, что приведенное определение разграничивает ядерный зонтик и расширенное ядерное сдерживание. Это обусловлено рядом причин. Во-первых, концепция расширенного ядерного сдерживания на официальном уровне принята только в США, в то время как нельзя не учитывать раскрытые российские ядерные зонтики над Белоруссией и государствами-членами ОДКБ; кроме того, под определенным углом можно посчитать, что над европейскими союзниками по НАТО уже раскрыты ядерные зонтики Великобритании и Франции. Во-вторых, на общедоктринальном уровне расширенное ядерное сдерживание тем самым включает в себя совокупность ядерных зонтиков; хотя в контексте отдельной страны, а не общей политики США, использование данного термина как синонима ядерного зонтика тоже имеет право существовать. В-третьих, наконец, в доктринальных документах США, в зависимости от действующей администрации и конкретного союзника, артикулируется попеременно концепция расширенного ядерного сдерживания (*extended nuclear deterrence*) или просто расширенного сдерживания (*extended deterrence*). Хотя оба варианта, по существу, включают в себя ядерные зонтики, во втором случае ядерный зонтик является, как отмечает Т. Рёриг, «одной из возможных характеристик обязательств в сфере сдерживания перед другим государством»³⁷, то есть предполагаются и другие, конвенциональные возможности сдерживания.

В то же время, ядерный зонтик, как правило, предполагает (по крайней мере на доктринальном уровне) возможную защиту союзника от любого спектра угроз, если иного не установлено конкретными договоренностями. Данный сюжет рассматривается более подробно в последующих главах, но нельзя не отметить, что с 1990-х гг. ни США, ни Россия, не исключают возможности нанесения первого ядерного удара, в том числе в рамках защиты своих союзников, хотя и ставят ряд оговорок. В то же время, естественно, трудно поспорить с тем, что ключевой целью ядерного зонтика является противодействие именно ядерным угрозам³⁸. В аналитических целях можно выделить три основных вида ядерных зонтиков в этом смысле: ориентированные на сдерживание ядерных угроз, угроз всех видов ОМУ и всех угроз, включая конвенциональные.

Наконец, исходя из практики, ядерный зонтик может иметь множество форм. Во-первых, он может как предполагать, так и не предполагать размещение ядерного оружия на территории союзника ядерного государства. Как правило, при размещении ядерного оружия предполагается хотя бы выполнение вспомогательных функций государством-получателем этого оружия в случае проведения ядерных операций. Причем

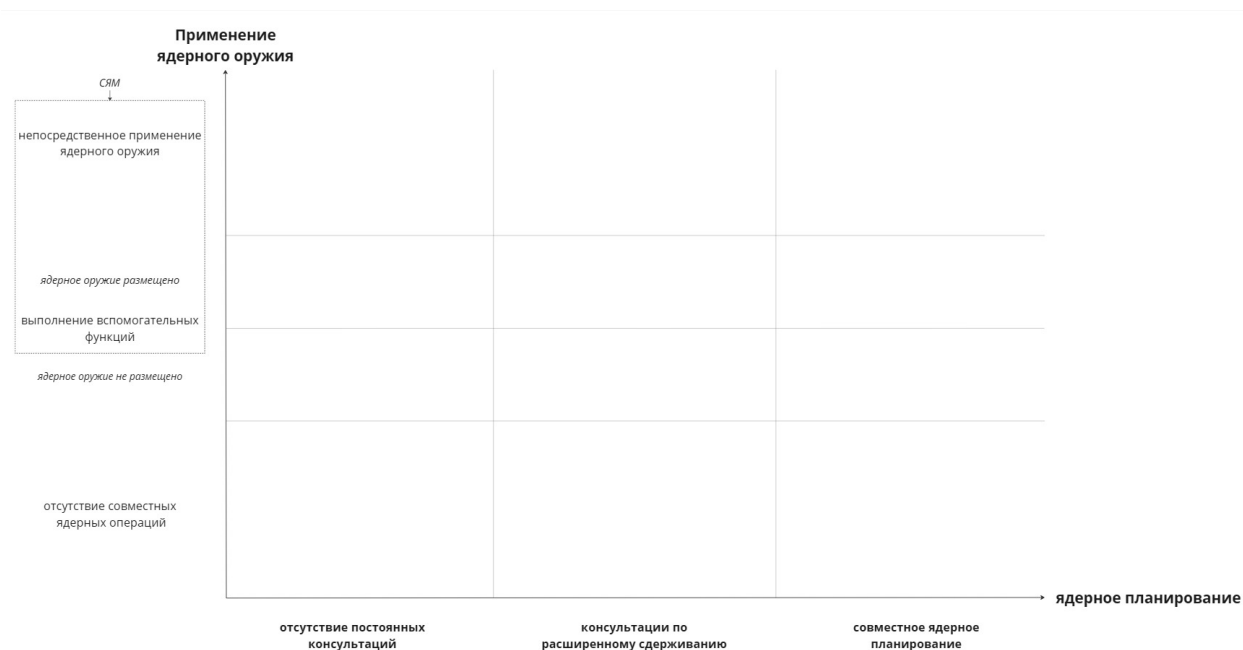
³⁷ Roehrig T. *op. cit.* P. 17.

³⁸ *Ibid.* P. 187.

вспомогательные функции могут иметь различную природу в зависимости от уровня совместного военного планирования – так, Южная Корея в годы холодной войны также выполняла бы вспомогательные функции в случае конфликта на полуострове, но уровень координации такого типа был бы существенно ниже, например, уровня координации в современной НАТО. «Подзонтичное государство», на территории которого размещено ядерное оружие, также может участвовать в непосредственном применении ядерного оружия, размещенного на его территории (пока что единственный такой пример – совместные ядерные миссии НАТО). При этом, конечно, представить обратную ситуацию – участие неядерного государства в применении ядерного оружия, которое не размещено на его территории – можно не более чем в теории. Участие «подзонтичного» союзника ядерного государства в поддержке применения или в непосредственном применении ядерного оружия, размещенного на его территории, классифицируется как «совместные ядерные миссии» (СЯМ).

Во-вторых, союзник может как иметь, так и не иметь голоса в ядерном планировании совместно с ядерным государством. Причем, естественно, этот «голос» сам может принимать различные по глубине формы – от общих консультаций до совместного ядерного планирования. Под последним мы подразумеваем участие неядерного государства в планировании совместных ядерных миссий (вне зависимости от его конкретной роли), определении ядерной доктрины ядерного государства или многостороннего альянса с его участием; установлении целей ядерных ударов и проработке иных параметров их осуществления. Консультации по расширенному сдерживанию отличаются от совместного ядерного планирования тем, что они предполагают обсуждение скорее общих стратегических вопросов, но не проработку более тесного взаимодействия в ядерной сфере, примеры которого были указаны выше. Как правило, существует корреляция между уровнем соответствующих консультаций и степенью участия неядерного государства в применении ядерного оружия, а также размещением этого оружия на его территории.

Как итог, любой ядерный зонтик можно аналитически разместить и классифицировать в двухосной системе координат (см. рисунок 1).

Рисунок 1 – Классификация ядерного зонтика по уровню участия союзника в ядерном планировании и применении ядерного оружия государства, предоставляющего ядерные гарантии.

Важно также уточнить, что, как правило, ядерный зонтик «раскрывается» над государством, не обладающим ядерным оружием. Однако существуют и исключения, поэтому о строгости этого критерия говорить не приходится: к примеру, формально США готовы применить ядерное оружие для защиты всех своих союзников по НАТО, включая Францию и Великобританию, обладающих собственными ядерными силами. Учитывая, что Париж и Лондон в свою очередь в собственных ядерных доктринах явно или косвенно увязывают национальную безопасность с безопасностью своих союзников по НАТО (в первую очередь, конечно, Лондон)³⁹, мы можем наблюдать и вариант наложения одного зонтика на другой, однако других подобных примеров в истории и современных международных отношениях пока нет.

Ответив на вопрос о сути ядерного зонтика, нельзя обойти стороной его смысл (зачем ядерный зонтик существует?). В академической литературе выделяется приблизительно одинаковый спектр целей государства, обладающего ядерным оружием, которые в той или иной мере соответствуют и внешнеполитическому целеполаганию его союзника. Так, Т.Б. Аничкина выделяет две основные цели: собственно ядерное

³⁹ Strategic Defence Review // Ministry of Defence. 2025. P. 33; 99. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/media/683d89f181deb72cce2680a5/The_Strategic_Defence_Review_2025_-_Making_Britain_Safer_-_secure_at_home_strong_abroad.pdf (accessed: 14.02.2025); National Strategic Review 2025 // Secrétariat général de la défense et de la sécurité nationale. 2025. P. 35-36. URL: https://www.sgdsn.gouv.fr/files/files/Publications/20250713_NP_SGDSN_RNS2025_EN_0.pdf (accessed: 14.02.2025)

сдерживание, а также нераспространение ядерного оружия (снижение стимулов союзника приобрести собственное ядерное оружие)⁴⁰. В зарубежных исследованиях, наиболее комплексным из которых является уже упомянутая работа Т. Рёрига, выделяется три соображения: нераспространение ядерного оружия, политическое сигнализирование (ядерный зонтик как символ, транслирующий неоспоримую приверженность ядерного государства союзным обязательствам как таковым и высокую внешнеполитическую важность альянса) и собственно военный смысл⁴¹. Причем под последним в последнее время обычно понимается по большей части ядерное сдерживание, хотя изначально ядерные зонтики воспринимались в США скорее как средство ведения боевых действий в условиях превосходства противника в обычных вооружениях (в рамках так называемой доктрины «Нового взгляда» администрации Д. Эйзенхауэра)⁴². Учитывая, что первые два соображения являются по своей сути политическими, то можно разделить целевое измерение ядерного зонтика на две подгруппы: политическую (обеспечение нераспространения ядерного оружия и политическое сигнализирование) и военную (ядерное сдерживание или необходимость использования ядерного оружия как инструмента для победы в войне). Правда, как показывает история, не всегда ядерный зонтик разворачивается при сочетании всех данных целей, и их относительный вес при принятии решений различается.

Подчеркнем, что данные цели имеют порой зеркальный характер и проявляются во взаимосвязи. К примеру, ядерный зонтик как политическое сигнализирование является в том числе ответом ядерного государства на стремление самого союзника удостовериться в прочности общих союзных обязательств перед лицом страхов быть «брошенным» своим покровителем в случае кризисной ситуации (*abandonment*)⁴³; конкретная же форма ядерного зонтика (например, совместные ядерные миссии и Группа ядерного планирования в НАТО) может обуславливаться и опасениями союзника в том, что его голос не будет услышан при принятии затрагивающих его безопасность решений (*entrapment*)⁴⁴. Уверенность защищаемого в обязательствах защищающего может быть необходима последнему по многим причинам – от непосредственно геополитических (потеря союзника как утрата влияния в ключевом регионе) до соображений «эффекта домино», когда пренебрежение пожеланиями одного союзника может пошатнуть позиции ядерного

---

⁴⁰ Аничкина Т. *op. cit.* С. 63.

⁴¹ Roehrig T. *op. cit.* P. 9-10.

⁴² *Ibid.* P. 58.

⁴³ Bunde T. Nuclear Zeitenwende(n): Germany and NATO's Nuclear Posture // Germany and Nuclear Weapons in the 21st Century: Atomic Zeitenwende? / U. Kühn (Ed.) Abingdon: Routledge, 2024. P. 89-90.

⁴⁴ *Ibid.*

государства в отношениях с другими союзниками⁴⁵. В то же время, сталкиваясь с угрозой более могучего соседа, заинтересованный в самосохранении союзник ядерного государства, естественно, склонен стремиться к ядерным гарантиям своего покровителя, держа в уме или непосредственно перспективу ведения боевых действий с соответствующими потенциалами для одержания победы, или соображения сдерживания, или оба варианта (хотя, опять же, на данном этапе большее значение имеет второй элемент). Правда, опять же, необходимо, чтобы и ядерное государство воспринимало или данного враждебного соседа, или поражение своего союзника как угрозу интересам национальной безопасности.

Соображения ядерного нераспространения, пожалуй, характерны преимущественно для государств, предоставляющих ядерный зонтик, а не для его получателей. Тем не менее, последние в своей ядерной политике не могут не считаться с перспективами международно-политической изоляции, санкций, ухудшения военно-стратегической ситуации (данный элемент возвращает нас к военному смыслу зонтиков) и других нежелательных последствий в случае приобретения собственного ядерного оружия. В конце концов, делая выбор в пользу нераспространения, «подзонтичное» государство также способно сэкономить средства на военных расходах при ожидаемом укреплении собственной безопасности за счет ядерного союзника и ряде других привлекательных дивидендов. Как итог, речь идет о результате прагматического взвешивания «за» и «против» в данный конкретный момент, о сопутствующей выгоде. Естественно, прагматичность не чужда и ядерным государствам, но в их случае ядерное нераспространение куда более глубоко встроено в политику безопасности, является ее фундаментальным и устойчивым элементом, а не ситуативным выбором. Из этого следует, что сохранение самого режима ядерного нераспространения ядерное государство будет отстаивать более последовательно, нежели неядерное.

С точки зрения военного смысла ядерный зонтик обычно рассматривают в рамках проблемы *убедительности* (credibility), то есть сочетания *технической способности* ядерного государства выполнить свои обязательства (capability) и его *политической воли* (resolve) применить ядерное оружие. Опять же, большое значение здесь имеет субъективный фактор, то есть *уверенность союзника* в наличии соответствующих потенциалов и особенно решимости у своего ядерного гаранта (*внутренняя убедительность*), исчезновение которой с большой долей вероятности означало бы и

---

⁴⁵ Mattelaer A. op. cit. P. 130.

конец ядерного зонтика⁴⁶. Именно вокруг вопроса об убедительности ядерного сдерживания и, в частности, современных ядерных зонтиков (с акцентом на «волевой» элемент и давнюю дилемму о вероятности «размена» условного Сеула на Сан-Франциско⁴⁷) ведется большая часть общественно-политических и академических дискуссий. В то же время для достижения эффекта сдерживания необходимо, чтобы не только союзник, но и противник был уверен в потенциалах и решимости ядерного государства, то есть поддержание *внешней убедительности* не менее важно. *Ceteris paribus* фактор убедительности, таким образом, можно рассматривать как ключевой для понимания перспектив существующих ядерных зонтиков.

Хотя консенсуса о том, какие факторы в наибольшей степени определяют готовность ядерного государства применить ядерное оружие для защиты союзника в случае провала политики сдерживания, наиболее обобщенным и в то же время корректным представляется выделение трех элементов: шансы быть подверженным ответному удару по собственной территории (уязвимость), сравнительная важность интересов субъекта и объекта сдерживания (интересы), а также опыт принятия решений в кризисных ситуациях в прошлом (опыт)⁴⁸.

Практика также показывает, что с точки зрения политического смысла, и в особенности соображений нераспространения, важным фактором возникновения и развития ядерных зонтиков является техническая способность неядерного государства создать ядерное оружие (так называемая *ядерная латентность*) и наличие политической воли пойти на такой шаг. Как правило, поддержание убедительности ядерного зонтика сложнее и требует более значимых мер в случае, если его получатель готов и может в качестве альтернативы создать собственное оружие (тем более, если усиливаются внешние угрозы), и наоборот. В конце концов, как показала история, ядерные зонтики были во многом развернуты над странами с достаточной ядерной латентностью, не исключившими перспективы создания собственного ядерного арсенала.

Как итог, ядерный зонтик – это танго, для которого нужны двое. Опять же, исходя из практики, ключевыми условиями, определяющими саму возможность развертывания ядерного зонтика и – затем – также динамику его существования, являются: высокий уровень общих союзных обязательств между ядерным государством и его союзником (подобно ст. 5 Вашингтонского договора), общее понимание стоящих перед ними угроз и

---

⁴⁶ Кейс Австралии демонстрирует, что ядерный зонтик может существовать даже в условиях, когда защищаемое государство уверено в соответствующих намерениях защищающего ядерного государства без их официального подтверждения.

⁴⁷ «В Южной Корее опасаются, что США не будут рисковать Сан-Франциско, чтобы спасти Сеул» // Коммерсантъ. 10.12.2025. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8270511> (дата обращения: 14.02.2026)

⁴⁸ Roehrig T. op. cit. P. 26-28.

благоволящее соотношение нормативных и доктринальных аспектов политики двух государств (к примеру, если государство на законодательном уровне запрещает развертывание ядерного оружия на своей территории, то такой формат ядерного зонтика априори невозможен, а если оно является членом ДЗЯО, то невозможно развертывание ядерного зонтика как такового). Как итог, общая рамка для анализа практики ядерных зонтиков, с учетом элементов целеполагания, представлена на рисунке 2. Подчеркнем, что в рамках исследования не ставилась задача создать всеобъемлющую объяснительную модель применительно к ядерным зонтикам, однако выделение комплекса ключевых факторов в этом контексте необходимо.

Рисунок 2 – Аналитическая рамка для анализа практики ядерных зонтиков.

Цель настоящего параграфа состояла в очерчивании общих контуров понятия «ядерный зонтик» с опорой преимущественно на академические дискуссии. Естественно, решить данную задачу лишь на такой основе невозможно, поэтому нередко имели место довольно общие ссылки на историческую и современную практику. Последующие части работы, затрагивающие как исторические, так и современные аспекты практики ядерных зонтиков, наполняют приведенную аналитическую рамку конкретным содержанием, раскрывают и поясняют ее. Тем самым в заключительной части работы она используется для изучения возможного будущего практики ядерных зонтиков.

1.2. История становления ядерных зонтиков

В Восточной Азии в годы холодной войны США развернули немало ядерных зонтиков, но два основных – над Японией и Южной Кореей. Однако предшествовало таким шагам оформление общих военно-политических союзов. Так, параллельно с подписанием Сан-Францисского мирного договора в 1951 г. был подписан и первый американо-японский Договор безопасности, означавший пусть и неравноправные, но союзные отношения между Токио и Вашингтоном. В 1960 г. был заключен знаменитый обновленный Договор о взаимном сотрудничестве и безопасности. В обоих договорах не упоминались ни ядерные гарантии, ни расширенное (ядерное) сдерживание со стороны США. При этом об автоматизме союзных обязательств также едва ли можно было говорить: в основополагающем договоре 1960 г. в статье 5 говорится лишь об обязанности одной стороны в случае, если другая подвергнется нападению, «принять меры по устранению общей опасности в соответствии со своими конституционными положениями и процедурами»⁴⁹.

В контексте незавершенного мирного урегулирования с СССР и конфликтных отношений с КНР, особенно после китайских ядерных испытаний в 1964 г., в Токио велись дискуссии о приобретении собственного ядерного оружия (прежде всего, со стороны консервативных политиков) для обеспечения национальной безопасности⁵⁰. Однако «ядерная аллергия»⁵¹ японского общества после трагических событий августа 1945 г., равно как бюджетные и правовые ограничения, делали такую перспективу политически (но не технически) сложной. Стоит отметить, что помимо знаменитой ст. 9 Конституции Японии, налагающей запрет на «войну как суверенное право нации» и национальные вооруженные силы, свои ограничения накладывал и Основной закон об атомной энергетике 1955 г., установивший ее использование исключительно в мирных целях⁵². В то же время, японское руководство не стремилось насовсем отказаться от возможности обретения ядерного оружия в будущем и систематически это подчеркивало, в том числе на переговорах с США о заключении Договора 1960 г.⁵³.

Ключевым фактором для установления американского ядерного зонтика над Японией стали, вероятно, ядерные испытания КНР в 1964 г. Уже вскоре после них, в 1965 г., премьер-министр Японии Э. Сато в ходе своего визита в США поставил перед президентом Линдоном Джонсоном вопрос об американских ядерных гарантиях для

---

⁴⁹ Treaty of Mutual Cooperation and Security between Japan and the United States of America // Ministry of Foreign Affairs of Japan. URL: <https://www.mofa.go.jp/region/n-america/us/q&a/ref/1.html> (accessed: 15.02.2026).

⁵⁰ Roehrig T. op. cit. P. 40-41.

⁵¹ Satake T. op. cit. P. 95.

⁵² Atomic Energy Basic Act // Japanese Law Translation. URL: <https://www.japaneselawtranslation.go.jp/en/laws/view/3759/en> (accessed: 15.02.2026).

⁵³ Roehrig T. op. cit. P. 41.

Японии. Окончательно вопрос решен не был, однако позиция Вашингтона сводилась к следующему: если Япония желает использовать ядерный потенциал США в целях обороны (и запросит это), США это обеспечат⁵⁴. Конкретно о зонтике речи не шло. В 1967 г. ситуация повторилась, и только в 1975 г. американская сторона публично заявила о том, что «силы ядерного сдерживания США вносят важный вклад в обеспечение безопасности Японии»⁵⁵.

По существу, однако, ядерный зонтик США над Японией возник еще в конце 1960-х гг. В 1967 г. японский парламент одобрил выдвинутые Э. Сато «три неядерных принципа» (не владеть, не производить и не размещать ядерное оружие)⁵⁶, а в 1968 г. на их основе были сформулированы «четыре опоры» ядерной политики Японии: первая включала в себя три неядерных принципа, вторая – мирное использование ядерной энергии, третья – поддержка глобального ядерного разоружения, а четвертая – *опору на американский ядерный зонтик для защиты от ядерных угроз*⁵⁷. Таким образом, Япония официально заявила о необходимости использования ядерного потенциала США для обеспечения собственной безопасности, на что США были готовы пойти согласно уже упомянутым «джентельменским» обещаниям Джонсона в 1965 г. Оговоримся, что «три неядерных принципа» не имеют статус официального закона, несмотря на сложившийся вокруг них относительный консенсус политической элиты страны.

Нельзя не отметить, что ядерный зонтик США над Японией был установлен в контексте переговоров о заключении Договора о нераспространении ядерного оружия (далее – ДНЯО). В 1966-1968 гг. по поручению правительства Японии был проведен ряд исследований о возможности приобретения страной собственного ядерного оружия. Их выводы заключались в том, что приобретение ядерного оружия, опять же, теоретически возможно в будущем, но на тот момент имело бы слишком много негативных последствий, включая отказ США от помощи в сфере мирной атомной энергетики и, вероятно, даже ослабление военной помощи Вашингтона⁵⁸. Последнее, очевидно, после ядерных испытаний в КНР и нарастания разногласий с СССР по территориальной проблеме казалось.

Токио абсолютно неприемлемым. Именно на этом фоне в 1967-1968 гг. были сформулированы упомянутые «принципы» и «опоры» японской ядерной политики». В то

---

⁵⁴ Ibid. P. 42.

⁵⁵ Joint Announcement to the Press Following Discussions With Prime Minister Miki of Japan // The American Presidency Project. 06.08.1975. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/joint-announcement-the-press-following-discussions-with-prime-minister-miki-japan> (accessed: 15.02.2026).

⁵⁶ Three Non-Nuclear Principles // Ministry of Foreign Affairs of Japan. URL: <https://www.mofa.go.jp/policy/un/disarmament/nnp/> (accessed: 15.02.2026).

⁵⁷ Roehrig T. op. cit. P. 44.

⁵⁸ Ibid. P. 45; P. 97.

же время Вашингтон также негативно оценивал вступление Пекина (как одного из своих главных соперников) в ядерный клуб и был заинтересован в предотвращении распространения ядерного оружия. Таким образом, интересы двух стран шли в русле друг друга, и ядерный зонтик был взаимно приемлемым решением, основанным на общем понимании угроз (по крайней мере в части КНР и СССР), достаточно высоком уровне общих союзных обязательств и отсутствии каких-либо нормативных и доктринальных ограничений на такого рода гарантии.

Выше речь шла о становлении американских ядерных гарантий для Токио, завершившемся к 1975 г. Однако еще с 1954 г. и вплоть до 1972 г. Вашингтон размещал ядерное оружие на Окинаве. Переговоры о возвращении Окинавы под административный контроль Токио шли в 1967-1971 гг., причем США стремились сохранить на острове ядерное оружие, а Япония выступала за их вывоз. Данный вопрос был решен в конфиденциальном порядке в 1969 г.: Р. Никсон согласился на вывод ядерного оружия, но Э. Сато гарантировал, что в случае чрезвычайных обстоятельств США смогут вернуть его на остров⁵⁹. Стоит также учитывать, что в годы холодной войны Япония не препятствовала тому, что оснащенные ядерным оружием военные корабли США могли заходить в японские порты без предварительных консультаций⁶⁰. Впоследствии запрет на эту практику тоже не устанавливался, но реализация президентских инициатив в области нестратегического ядерного оружия (далее – НСЯО), выдвинутых в 1991-1992 гг., означала ее фактическое прекращение, ведь ядерное оружие США в итоге оставалось (в рамках ВМФ США) только на стратегических атомных подводных лодках, оснащенных БРПЛ.

В последующем ядерный зонтик стал неотъемлемой частью американо-японского союза и подтверждался в множестве доктринальных документов Японии, включая различные редакции Основных направлений программы национальной обороны⁶¹ и Руководящих принципов сотрудничества США и Японии в оборонной сфере⁶². Американская сторона также периодически подтверждала свои гарантии Японии (начиная с упомянутого ранее заявления Дж. Форда в 1975 г.). При этом «Японский формат» означал отсутствие размещенного в Японии ядерного оружия США (за исключением американских

---

⁵⁹ Ibid. P. 50.

⁶⁰ Kristensen H. Japan Under the US Nuclear Umbrella // Nautilus Institute for Security and Sustainability. 21.07.1999. URL: <https://nautilus.org/supporting-documents/japan-under-the-us-nuclear-umbrella/> (accessed: 15.02.2026).

⁶¹ См., например: National Defense Program Guidelines for FY 2019 and beyond // Ministry of Defense of Japan. 18.02.2018. P. 8. URL: https://www.mod.go.jp/j/policy/agenda/guideline/2019/pdf/20181218_e.pdf (accessed: 15.02.2026).

⁶² См., например: The Guidelines for Japan-U.S. Defense Cooperation // Ministry of Foreign Affairs of Japan. 27.04.2015. P. 1. URL: <https://www.mofa.go.jp/files/000078188.pdf> (accessed: 15.02.2026).

военных судов в японских портах), отсутствие голоса Токио в ядерном планировании и неучастие Японии в возможном применении ядерного оружия.

Разумеется, ядерный зонтик эволюционировал, особенно после конца холодной войны. Не вдаваясь в излишние детали, отметим, что общей тенденцией являлось увеличение числа двусторонних форматов, на которых обсуждались вопросы расширенного ядерного сдерживания, а также усиление голоса Токио в соответствующих вопросах. Значительные перемены произошли на рубеже 2000-2010-х гг. Во-первых, в совместных заявлениях двустороннего Консультативного комитета по безопасности с 2005 г. впервые начали фигурировать ссылки на важность расширенного ядерного сдерживания, предоставляемого США⁶³. Во-вторых, в 2010 г. был запущен двусторонний Диалог по расширенному сдерживанию. Его принципиальный смысл заключался в участии Токио в дискуссиях по ядерным вопросам, проведении командно-штабных учений (tabletop exercises) и визитах официальных японских представителей на объекты стратегических ядерных сил США⁶⁴.

В основе указанных изменений лежал целый комплекс возможных причин. Так, в середине 2000-х гг. обострилась северокорейская ядерная проблема (заявление о создании ядерного оружия в 2005 г. и его испытания в 2006 г.), что ухудшало обстановку в сфере безопасности в регионе, и Токио требовалось удостовериться в прочности обязательств США в сфере безопасности (учитывая, как считали в Токио, возросшие риски ядерного шантажа со стороны Пхеньяна). Более того, администрация Б. Обамы приняла решение о выводе из эксплуатации оснащенных ядерными боеголовками КРМБ «Томагавк». В Японии это решение вызывало обеспокоенность не столько в силу военных соображений, сколько как возможный знак отдаления США от общего союза с Токио⁶⁵. Наконец, в Токио неоднозначно воспринимались положения Обзора ядерной политики 2010 г. о готовности США применить ядерное оружие для защиты «жизненно важных» национальных интересов или интересов союзников «в чрезвычайных обстоятельствах», а также стремлении в перспективе свести ядерное сдерживание лишь к противодействию ядерным угрозам⁶⁶. Японское руководство пыталось добиться от США более расширенного толкования целей ядерного сдерживания, включая возможную атаку со стороны КНДР с использованием химического или биологического оружия. Таким образом, и заявленные цели ядерного

---

⁶³ Security Consultative Committee Document. U.S.-Japan Alliance: Transformation and Realignment for the Future // Ministry of Foreign Affairs of Japan. 29.10.2005. URL: <https://www.mofa.go.jp/region/n-america/us/security/scc/doc0510.html> (accessed: 15.02.2026).

⁶⁴ Roehrig T. op. cit. P. 108-109.

⁶⁵ Ibid. P. 111-112.

⁶⁶ Nuclear Posture Review Report 2010 // Aerospace Center for Space and Strategy. P. 16-17. URL: <https://cspas.aerospace.org/sites/default/files/2021-08/Nuke%20Posture%20Review%20Apr10.pdf> (accessed: 15.02.2026).

зонтика над Японией также со временем эволюционировали, поскольку в 1968 г. «четвертая опора» подразумевала опору на ядерный зонтик США для защиты от ядерных угроз. Впрочем, конечное решение о применении ядерного оружия принимается в Вашингтоне, а Вашингтон никогда не ограничивал ядерное сдерживание соображениями сдерживания сугубо ядерных угроз со стороны своих оппонентов, хотя они и ставились в приоритет.

В 2010-х гг., помимо планомерной работы нового консультативного формата, японской стороной был также предпринят ряд мер по усилению Сил самообороны. Правительство С. Абэ сделало ставку на масштабные закупки американских F-35, строительство и разработку эсминцев и противокорабельных ракет, а также усиление противоракетной обороны. «Венцом» этих реформ стала новая интерпретация положений конституции Японии, согласно которой Токио счел возможным использование Сил самообороны для защиты союзников – в первую очередь, США⁶⁷. В определенной степени эти тенденции открывают двери для сближения оперативного планирования Вашингтона и Токио, в том числе (пока теоретически) в вопросах совместного применения ядерного оружия.

Как итог, к началу 2020-х гг. ядерный зонтик США над Японией прошел примечательный путь – от «полусекретных» гарантий и периодического ядерного присутствия США в Японии (подразумеваются порты и гавани) при фактическом отсутствии голоса Токио в ядерных вопросах до, напротив, все большего участия Японии в соответствующих обсуждениях, пусть и без какого-либо ядерного присутствия США в Японии, а также более общего усиления военных потенциалов страны восходящего солнца. Кроме того, в качестве ключевого вызова воспринималась уже политика не только КНР, но и КНДР.

В случае Республики Корея однозначно установить, когда возник американский ядерный зонтик, также довольно проблематично. Еще в годы Корейской войны США столкнулись с численным превосходством китайско-северокорейских войск и трижды рассматривали возможность применения ядерного оружия⁶⁸. По окончании войны, в 1953 г. был заключен двусторонний Договор о взаимной обороне, статья 3 которого была фактически идентична положению статьи 5 Договора 1960 г. с Японией. Перед лицом напряженности в районе демилитаризованной зоны и сомнений в способности сдержать повторную атаку КНДР в 1958 г. США начали развертывание на территории страны нестратегического ядерного оружия, которое находилось там вплоть до 1991 г. При этом это развертывание носило секретный характер, и Сеулу не было о нем известно вплоть до

---

⁶⁷ Roehrig T. op. cit. P. 91.

⁶⁸ Ibid. P. 52.

1975 г.; впоследствии он также не имел никакого голоса в вопросе применения этого оружия.

На рубеже 1970-1980-х гг. Вашингтон стал сомневаться в целесообразности размещения ядерного оружия на полуострове по нескольким причинам⁶⁹. Во-первых, его применение повышало бы риски вступления в новую корейскую войну КНР и СССР. Во-вторых, его последствия касались бы в том числе южнокорейского населения, особенно на фоне роста агломерации Сеула. В-третьих, наконец, поскольку речь шла о нестратегическом ядерном оружии, существовала необходимость в его размещении вблизи линии соприкосновения – в этом случае северокорейские войска в случае быстрого успешного наступления могли бы захватить это оружие, а Вашингтон даже не успел бы его применить.

Отметим, что начале 1970-х гг. Южная Корея вела усилия по созданию собственного ядерного оружия на фоне усилившейся напряженности на границе с КНДР и сближения США с КНР, однако под давлением США была вынуждена все-таки присоединиться к ДНЯО в 1975 г. Примечательно, что Вашингтон сделал ставку прежде всего на угрозы вывода американских войск с Корейского полуострова и экономических рестрикций, но не на предложение официально закрепить ядерные гарантии США для южнокорейского союзника⁷⁰. Тем не менее, через три года именно последнее и произошло: начиная с 1978 г., в совместных заявлениях Консультативных встреч по вопросам безопасности (проводятся между США и Южной Кореей с конца 1960-х гг.) неизменно указывается на существование американского ядерного зонтика над Южной Кореей и готовность США прибегнуть ко всему спектру военных средств для защиты своего союзника⁷¹. Конкретный спектр угроз не уточнялся, однако можно предположить, что предполагался и предполагается весь спектр (в конце концов, в 1978 г. КНДР не обладала ядерным оружием), хотя и с акцентом на ядерное измерение после создания и испытания Пхеньяном собственного ядерного оружия.

Собственно, схожий набор факторов, как и в случае Японии (ядерная угроза от КНДР и сомнения в воле США прийти на помощь в случае кризиса), обусловил более тесное взаимодействие США и Южной Кореи в ядерной сфере на рубеже 2000-2010-х гг. и далее. В 2010 г. начала свою работу двусторонняя Комиссия по политике расширенного сдерживания, впоследствии переименованная в Комиссию по стратегии сдерживания. В

---

⁶⁹ Ibid. P. 60-61.

⁷⁰ Ibid. P. 147; Аничкина Т. *op. cit.* С. 65.

⁷¹ См., например: Joint Communique of the 52nd U.S.-Republic of Korea Security Consultative Meeting // US Department of War. 14.10.2020. URL: <https://www.war.gov/News/Releases/Release/Article/2381879/joint-communique-of-the-52nd-us-republic-of-korea-security-consultative-meeting/> (accessed: 15.02.2026).

рамках этого формата, к примеру, в 2013 г. была выработана стратегия «индивидуального сдерживания» КНДР, предполагавшая, помимо прочего, вариант превентивного удара по КНДР в случае, если Пхеньян решит применить ядерное оружие⁷². В продолжение этой линии принимаются различные оперативные планы: к примеру, принятый в 2015 г. OPLAN 5015 предполагал, помимо прочего, нанесение превентивных обезглавливающих ударов по руководству КНДР⁷³. В 2016 г. был запущен очередной формат – Консультативная группа по стратегии сдерживания. Спектр обсуждаемых вопросов на этих площадках схож – американское расширенное ядерное сдерживание и ситуация на Корейском полуострове; разнятся скорее их представительский уровень и частота встреч. Опять же, речь до недавних пор шла лишь об обсуждениях возможного развития, командно-штабных учениях и т.п., но не совместном ядерном планировании и тем более миссиях. В заключение отметим, что, помимо новых форматов, еще одним вариантом политического сигнализирования со стороны США в 2010-х стали символические пролеты американских стратегических бомбардировщиков (B52, B2) над Южной Кореей.

Наряду с Японией, в 2010-х гг. Южная Корея интенсифицировала оборонное строительство, однако по более широкому спектру направлений, включавшему как противоракетную оборону, так и неядерные ударные системы (различные виды ракет меньшей и средней дальности в неядерном оснащении), предназначенные для нанесения в случае необходимости превентивного удара по ядерным и административным КНДР (что Япония по Конституции не может себе позволить)⁷⁴. Что касается ПРО, знаменитым сюжетом является размещение в 2016 г. американской системы THAAD в Южной Корее. Однако в то время Сеул достаточно дорожил отношениями с КНР, которую этот шаг не устраивал, поэтому в 2017 г. было принято решение об отказе от развертывания дополнительных батарей THAAD, а также от участия в системе ПРО США в Северо-Восточной Азии и перспективы трехстороннего военного союза с Токио и Вашингтоном⁷⁵. Естественно, на данный момент ситуация меняется, однако вплоть до начала 2020-х гг. Южная Корея рассматривала в качестве угрозы преимущественно КНДР, не желая лишней раз обострять отношения с Китаем (отношения Японии с последней были куда более холодными).

Отдельного внимания заслуживает вопрос возможности возвращения ядерного оружия США в Южную Корею. Южнокорейское общественное мнение демонстрировало и

---

⁷² Roehrig T. op. cit. P. 135.

⁷³ Peck M. OPLAN 5015: The Secret Plan for Destroying North Korea (and Start World War III?) // The National Interest. 11.03.2017. URL: <https://nationalinterest.org/blog/buzz/oplan-5015-the-secret-plan-destroying-north-korea-start-19747> (accessed: 15.02.2026).

⁷⁴ Jeon K-j. op. cit. P. 69.

⁷⁵ Roehrig T. op. cit. P. 80.

продолжает демонстрировать поддержку такого решения⁷⁶. Причем в 2011 г. даже официальные американские представители заявляли о том, что, если Сеул формально попросит США вернуть ядерное оружие на полуостров, администрация Б. Обамы, вероятно, согласится⁷⁷. Отрицательная позиция южнокорейского руководства по этому вопросу исходила, вероятно, из того, что размещение американского ядерного оружия поставит крест на цели денуклеаризации Корейского полуострова, которой так привержена политика Сеула. В целом, вопрос ядерного статуса Южной Кореи особенно актуален и более детально рассматривается в следующей главе.

Таким образом, рождение корейского ядерного зонтика можно отсчитывать как от 1958, так и от 1978 гг. Подобно японскому кейсу, становлению системы публичных гарантий предшествовала определенная секретность в ядерной политике и планах США, и на смену физическому ядерному присутствию США в регионе пришло большее число (и большая глубина) консультативных и диалоговых механизмов. Тем не менее, в отличие от Японии, на территории Южной Кореи все же размещались большие объемы американского НСЯО, и этот физический зонтик имел сугубо утилитарный военный смысл – сдерживать наступающие с Севера силы, а не сдерживать их по всем правилам этой науки. «Сдерживающий» смысл зонтик приобрел именно с декларациями о включении Южной Кореи под ядерный зонтик и рассекречиванием американского ядерного присутствия на полуострове.

Случай Австралии особенно интересен. Ее союзные отношения с Вашингтоном были установлены договором АНЗЮС в 1951 г., который формально действует и в настоящее время. Как и в случае договоров США с Японией и Сеулом, обязательства в сфере безопасности формулируются как «меры по устранению общей опасности в соответствии со своими конституционными процедурами»⁷⁸. Первое указание на возможное существование ядерного зонтика США над Австралией можно найти в редко освещаемом меморандуме, адресованном Канберре незадолго до подписания ДНЯО – 1 мая 1968 г. В нем указывалось, помимо прочего, что «военные союзники США <...> уже защищены ядерным вооружением США»⁷⁹. Австралийский исследователь Р. Лайон подчеркивал, что и содержание Гуамской доктрины Р. Никсона косвенно указывало на

---

⁷⁶ См., например: Kristensen H., Norris R.S. A history of US nuclear weapons in South Korea // *Bulletin of the Atomic Scientists*. 2017. Vol. 73, No. 6. P. 354.

⁷⁷ Roehrig T. *op. cit.* P. 146-147.

⁷⁸ Security Treaty between Australia, New Zealand, and the United States // *New Zealand Treaties Online*. URL: <https://www.treaties.mfat.govt.nz/search/details/t/1599> (accessed: 15.02.2026).

⁷⁹ 126 Aide-Memoire from United States Government to Australian Government // *Australian Government. Department of Foreign Affairs and Trade*. 01.05.1968. URL: <https://www.dfat.gov.au/about-us/publications/historical-documents/Pages/volume-28/126-aidememoire-from-united-states-government-to-australian-government> (accessed: 15.02.2026).

существование ядерного зонтика: «Мы предоставим защиту, если ядерная держава будет угрожать свободе союзной нам нации <...>» (Р. Никсон, 1969 г.)⁸⁰.

Однако только с 1994 г. в доктринальные документы Канберры стало появляться и с минимальными изменениями повторяться указание на существование развернутого над Австралией ядерного зонтика США: «Мы будем продолжать полагаться на американское расширенное ядерное сдерживание в отношении его способности сдерживать любую угрозу нападения или само нападение на Австралию с применением ядерного оружия» (Белая книга, 1994 г.)⁸¹. При этом США ни разу не подтверждали со стороны существование такого обязательства, как и тот факт, что оно распространяется исключительно на ядерные угрозы (sole purpose). Последнее отличает австралийский зонтик от всех остальных и в то же время входит в некоторое столкновение с положениями ядерной доктрины США, ведь «жизненно важные интересы» союзника теоретически могут быть подвержены не только ядерной угрозе. Тем не менее, Р. Лайон обоснованно отмечает, что такое положение Белой книги ipso facto не означает, что ядерное оружие США не служит сдерживанию других видов угроз безопасности Австралии⁸².

В годы холодной войны Австралия и США также создали функционирующие и до сих пор так называемые «Совместные объекты» (Joint Facilities), имеющие важное значение для американского ядерного сдерживания. Самым значимым объектом является, пожалуй, система раннего предупреждения о ракетном нападении в Пайн Гэп. Отличительной чертой управления Совместными объектами является «полное знание» Канберры об их деятельности, то есть отсутствие какой-либо секретности⁸³.

«Австралийский формат» эволюционировал, как и в случае Японии и Южной Кореи, в сторону больших и более глубоких диалоговых и консультативных механизмов, однако между Канберрой и Вашингтоном они были созданы в более позднее время. Так, в 2019 г. был запущен Стратегический политический диалог между Австралией и США, на котором обсуждаются сдерживания и региональной безопасности. Естественно, речь не идет о совместном ядерном планировании. Примечательно, что на рубеже 2010-2020-х гг. в Австралии начали громче звучать голоса о необходимости дальнейшей ядерной интеграции в Азиатско-Тихоокеанском регионе, вплоть до создания «Азиатской группы ядерного

---

⁸⁰ Lyon R. US extended nuclear assurance: hiding in plain sight // The Strategist. 11.06.2013. URL: <https://www.aspistrategist.org.au/us-extended-nuclear-assurance-hiding-in-plain-sight/> (accessed: 15.02.2026).

⁸¹ 1994 Defence White Paper // Australian Government. Defence. URL: <https://www.defence.gov.au/about/strategic-planning/defence-white-paper> (accessed: 15.02.2026).

⁸² Lyon R. DWP 2016 and extended nuclear deterrence // The Strategist. 03.03.2016. URL: <https://www.aspistrategist.org.au/extended-nuclear-deterrence-and-dwp-2016/> (accessed: 15.02.2026).

⁸³ Pezzullo M. Since Australia hosts US facilities, we need a joint war plan // The Strategist. 12.07.2025. URL: <https://www.aspistrategist.org.au/since-australia-hosts-us-facilities-we-need-a-joint-war-plan/> (accessed: 15.02.2026).

планирования»⁸⁴. Тем не менее, эти голоса не отражали официальной позиции Канберры, как и призывы ряда японских и южнокорейских политиков создать собственное ядерное оружие оставались на уровне политической риторики.

Обобщая, необходимо сказать, что «австралийский формат» является примером наименьшей степени формализации ядерного зонтика. Помимо того, что США никогда не размещали ядерного оружия в Австралии, а Канберра не участвовала ни в какой форме в ядерном планировании и начала самые общие дискуссии с США по сдерживанию довольно поздно, США никогда не подтверждали своих ядерных обязательств перед этой страной.

Говоря о ядерных зонтиках, невозможно обойти стороной слона в комнате, то есть НАТО. В первую очередь стоит отметить, что ядерный зонтик США над государствами-участниками НАТО является одним из немногих примеров «коллективного» ядерного зонтика. С одной стороны, отсчитывать его рождение можно с 1949 г., когда был заключен Вашингтонский договор и интересы безопасности США были неразрывно увязаны с европейскими. Однако такой подход несколько некорректен, ведь в самом договоре не было ссылок на существование этого зонтика, и в таком случае можно заявлять, что тот же ядерный зонтик США над Японией возник уже в 1951 г. В связи с этим, на наш взгляд, зарождение зонтика над НАТО уместно отсчитывать с середины 1950-х гг., когда было начато развертывание американского НСЯО в европейских государствах-членах НАТО (1954 г.) и были заключены первые соглашения о Совместных ядерных миссиях (1958 г.), то есть возможности европейских союзников США по НАТО непосредственно участвовать в применении американского ядерного оружия. По существу, размещение ядерного оружия здесь осуществлялось параллельно выстраиванию системы политических гарантий в рамках НАТО о применении ядерного оружия для защиты европейских членов Альянса.

В исследовательской литературе доминирует мнение, что учреждение формата Совместных ядерных миссий и затем Группы ядерного планирования (1966 г.) как площадки для совместного принятия решений по вопросам политики сдерживания и консультаций по вопросу применения ядерного оружия было вызвано, с одной стороны, опасениями европейских союзников относительно решимости США выполнить союзные обязательства (в т.ч. в ядерном отношении) в случае кризиса, а с другой – стремлением США не допустить дальнейшего распространение ядерного оружия после его приобретения Великобританией и Францией⁸⁵. При этом из европейских страхов быть «брошенными» исходило и логичное стремление некоторых государств, и в первую очередь ФРГ, обрести

---

⁸⁴ Frühling S., O'Neil A. *Alliances, Nuclear Weapons and Escalation // Alliances, Nuclear Weapons and Escalation: Managing Deterrence in the 21st Century / S. Frühling, A. O'Neil (Eds.). Acton: ANU Press, 2021. P. 5.*

⁸⁵ Mattelaer A. *op. cit.* P. 125.

собственное ядерное оружие. Вновь подчеркнем, что и альтернативная перспектива – вытягивание европейских государств в ядерный конфликт без учета их голоса – также не отвечала интересам Бонна и других союзников США. Именно комбинация указанных выше интересов обусловила предоставление европейцам голоса в ядерных вопросах и, по меньшей мере в тот исторический период, решение нераспространенческих задач.

В то же время сам по себе ядерный зонтик над европейской частью НАТО имел, естественно, и военный смысл. Развертывание американского НСЯО с 1954 г. в регионе предполагалось как ответ на превосходство советского блока в обычных вооружениях и проводилось в рамках т.н. доктрины «Нового взгляда» Д. Эйзенхауэра, аналогично развертыванию НСЯО в Южной Корее. Вплоть до конца холодной войны это значение продолжало иметь место, однако соображения общей стратегии сдерживания СССР (по мере становления «классической» концепции сдерживания в США) также со временем закреплялись, т.е. ядерное оружие рассматривалось уже не просто как удобное средство ведения войны, но и как средство военно-политического давления и поддержания стратегической стабильности. Подчеркнем, что ядерные гарантии США Европе также воспринимались в европейских столицах как индикатор неразрывной связи интересов США и их союзников за океаном, как подтверждение высокой политической решимости Вашингтона встать на их защиту в целом. Как отмечал Д. Хили, министр обороны Великобритании, «только 5% уверенности в американском ядерном возмездии сдерживают русских, в то время как 95% - успокаивают европейцев»⁸⁶. Именно этот политический смысл, по существу, стал доминирующим после конца холодной войны, а соображения полезности использования американского НСЯО в случае войны в Европе были отложены в долгий ящик, ведь теперь уже НАТО имело превосходство в обычных вооружениях⁸⁷. Тем не менее, ядерный зонтик США над Европой не потерял «сдерживающей» составляющей, и, как представляется, ее относительный вес увеличивался по мере нарастания разногласий с Москвой.

В общем и целом, на пике холодной войны США размещали в Европе более 7 тысяч ядерных боезарядов на территории Бельгии, ФРГ, Греции, Италии, Нидерландов, Великобритании и Турции⁸⁸. Помимо этого, США размещали ядерное оружие в Гренландии (по секретному соглашению с Данией), Испании и Канаде. Ряд государств сразу или впоследствии отказались от размещения американского ядерного оружия. Исландия и Норвегия, к примеру, изначально приняли решение отказаться от развертывания ядерного

---

⁸⁶ Цит. по: Kavalski E. The “Enshittification” of NATO // The National Interest. 16.02.2026. URL: <https://nationalinterest.org/feature/the-enshittification-of-nato> (accessed: 17.02.2026).

⁸⁷ Стефанович Д. *op. cit.*

⁸⁸ Erästö T. *Op. cit.* P. 3.

оружия на своей национальной территории; исландский «самозапрет» действует даже в военное время, в то время норвежский – только в мирное⁸⁹. Сходный норвежскому запрет был установлен в Испании после падения диктатуры Франко, во время которой США размещали ядерное оружие в этом государстве, однако Мадрид не запретил транзит ядерного оружия через свои территориальные воды⁹⁰. Дания еще с 1957 г. следовала политике неразмещения иностранного ядерного оружия на своей территории, однако в 1958-1965 гг. этот запрет на практике нарушался в Гренландии⁹¹. Такие государства, как Канада и Греция, отказались от размещения американского ядерного оружия в 1984 и 2001 г. соответственно⁹².

Важно подчеркнуть, что отрицательные позиции ряда государств по вопросу размещения ядерного оружия на своей территории ни в коем случае не означали их отказа от американских ядерных гарантий в целом. Это ярко иллюстрируется коллективной оппозицией стран НАТО (как и других «подзонтичных» союзников США) Договору о запрещении ядерного оружия.

НАТО также является единственным примером многоуровневого ядерного зонтика. Британский «подуровень» оформился в 1962 г., когда Великобритания, согласно официальной позиции Лондона, заявила о том, что ее национальные ядерные силы вносят вклад в оборону всего альянса⁹³. Более неоднозначной и двоякой была позиция Франции (единственная страна НАТО, не являющаяся членом ГЯП), которая, тем не менее, «всегда придавала своей политике сдерживания европейскую роль» и признавала, что угроза жизненным интересам ее союзников по НАТО будет означать угрозу ее собственным жизненным интересам⁹⁴. Естественно, «независимый» характер и определенная двусмысленность ядерных доктрин европейских ядерных держав (особенно Франции) и незначительные в сравнении с США ядерные арсеналы с трудом позволяют говорить о существовании самостоятельного европейского зонтика, но этот уровень все же своеобразно дополняет общий американский зонтик. Более того, по букве получается, что даже США сами находятся под ядерным зонтиком по меньшей мере Великобритании (хотя и в общих рамках НАТО).

---

⁸⁹ Ibid. P. 13.

⁹⁰ Ibid. P. 15.

⁹¹ Ibid. P. 13.

⁹² Ibid. P. 16-17.

⁹³ Global Britain in a competitive age. The Integrated Review of Security, Defence, Development and Foreign Policy // HM Government. 2021. P. 76. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/media/60644e4bd3bf7f0c91eababd/Global_Britain_in_a_Competitive_Age-the_Integrated_Review_of_Security_Defence_Development_and_Foreign_Policy.pdf (accessed: 15.02.2026).

⁹⁴ National Strategic Review // Secrétariat général de la défense et de la sécurité nationale. 2025. P. 35. URL: https://www.sgdsn.gouv.fr/files/files/Publications/20250713_NP_SGDSN_RNS2025_EN_0.pdf (accessed: 14.02.2025)

В общем и целом, НАТОвский формат ядерного зонтика приобрел свои ключевые черты уже к концу 1960-х гг. Была построена высоко интегрированная система, включающая размещение американского ядерного оружия на территории союзников, участие последних в ядерном планировании и совместном применении ядерного оружия. При этом ядерный зонтик а-ля НАТО никогда не предполагал принятия политики неприменения ядерного оружия первым и подхода *sole purpose*. Тем не менее, необходимо учитывать односторонние обязательства США, Великобритании и Франции (данные во время переговоров о продлении ДНЯО) не применять ядерное оружие против неядерных государств – членов ДНЯО, соблюдающих положения Договора. Как обоснованно отмечает С. Рюннинг, в то время как доктрина НАТО в области обычных вооружений и связанных вопросов политики безопасности неоднократно претерпевала вооружения, ядерная доктрина оставалась прежней, основанной на ряде кропотливо выработанных принципов⁹⁵. В число этих принципов входит клише о том, что, «пока ядерное оружие существует, НАТО будет оставаться ядерным альянсом», а также указание на «исключительный» характер обстоятельств, которые обусловили бы применение ядерного оружия⁹⁶.

Тем не менее, поворот США к Азии (*Pivot to Asia*) при администрации Б. Обамы и затем обострение трансатлантических разногласий при первой администрации Трампа обострили проблему убедительности американского ядерного сдерживания в Европе. Единого «европейского» ответа на эти тенденции, пожалуй, не было. Однако, помимо придания особой значимости фиксации важности коллективного ядерного сдерживания в ключевых документах НАТО и на ее саммитах, начали выдвигаться идеи об усилении европейского измерения ядерного зонтика. В 2020 г., к примеру, Франция впервые предложила запустить «стратегический диалог» о роли французских сил ядерного сдерживания в обеспечении безопасности Европы⁹⁷. Интенсивнее этот вопрос стал подниматься уже после начала СВО и прихода Д. Трампа к власти в США во второй раз – эти события и тенденции более подробно рассматриваются в следующей главе.

Довольно часто в исследовательской литературе упускается феномен советских и российских ядерных зонтиков. В то же время, они существовали. С конца 1950-х гг. и до начала 1990-х гг. Советский Союз размещал ядерное оружие, помимо своей территории, в

---

⁹⁵ Rynning S. NATO: Ambiguity about Escalation in a Multinational Alliance // *Alliances, Nuclear Weapons and Escalation* // *Alliances, Nuclear Weapons and Escalation: Managing Deterrence in the 21st Century* / S. Frühling, A. O’Neil (Eds.). Acton: ANU Press, 2021. P. 74.

⁹⁶ См., например: *Deterrence and Defence Posture Review* // NATO. 20.05.2012. URL: <https://www.nato.int/en/about-us/official-texts-and-resources/official-texts/2012/05/20/deterrence-and-defence-posture-review> (accessed: 14.02.2025)

⁹⁷ *National Strategic Review* // Secrétariat général de la défense et de la sécurité nationale. 2025. P. 36. URL: https://www.sgdsn.gouv.fr/files/files/Publications/20250713_NP_SGDSN_RNS2025_EN_0.pdf (accessed: 14.02.2025)

ГДР, Чехословакии, Венгрии и Польше – союзниках по Организации Варшавского договора⁹⁸. В отличие от зонтиков США, советские зонтики имели, как представляется, исключительно военный смысл и не были направлены на предотвращение распространения ядерного оружия в Восточной Европе или убеждение союзников по ОВД в высоком уровне союзных обязательств Москвы. Советский формат, таким образом, предполагал размещение ядерного оружия без участия союзников СССР в ядерном планировании и применении ядерного оружия. Ядерная доктрина СССР также фактически имела сугубо оборонительный характер, и применение ядерного оружия рассматривалось только в ответ на ядерное нападение. Оговоримся, правда, что официально СССР, в отличие от США, все-таки отрицал саму концепцию ядерного сдерживания, однако это не отменяет того, что на практике именно ядерное сдерживание и осуществлялось.

С распадом СССР на короткое время (1991-1993 гг.) возникла ситуация, когда российский ядерный зонтик предполагал наличие ядерного оружия на территории Белоруссии, Казахстана и Украины и даже распространялся на все Содружество независимых государств⁹⁹, причем формально существовали и Стратегические силы СНГ. С вывозом всего ядерного оружия России на ее национальную территорию и принятием первой (1993 г.) и последующих (2000, 2010, 2014 гг.) военных доктрин установилась новая, российская модель ядерного зонтика, действующая, по существу, и до сих пор.

Первой особенностью этой модели является присутствие ядерных гарантий со стороны России ее союзникам (за исключением Белоруссии) только в военной доктрине России (и, затем, Основах государственной политики в сфере ядерного сдерживания). Под союзниками здесь подразумеваются, на наш взгляд, члены (разные в разное время) Договора, а затем Организации договора о коллективной безопасности. Кроме Белоруссии, никакие другие союзники по ОДКБ не устанавливали в своих военных доктринах опору на российский ядерный зонтик. Второй особенностью является то, что не существовало никаких форматов по диалогу в сфере ядерного сдерживания и тем более совместному принятию решений. Третьей особенностью является то, что военная доктрина РФ в свою очередь неизменно предусматривала, что российское ядерное оружие служит сдерживанию агрессии против РФ и (или) ее союзников и может быть применено, помимо прочего, в случае применения ОМУ по территории РФ и (или) ее союзников¹⁰⁰. Четвертой

---

⁹⁸ Erästö T. Op. cit. P. 4.

⁹⁹ Соглашение о совместных мерах в отношении ядерного оружия // КонсультантПлюс. 21.12.1991. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_30726/467dc1e7af792ea32faf4250c0ac98f02a151a6b/ (дата обращения: 14.02.2025)

¹⁰⁰ См., например: Указ Президента РФ от 21 апреля 2000 г. N 706 "Об утверждении Военной доктрины Российской Федерации" // Гарант. 21.04.2000. URL: <https://base.garant.ru/181993/> (дата обращения: 15.02.2025).

особенностью до недавнего времени являлось отсутствие размещения ядерного оружия на территории союзников.

При этом действует оговорка, что Россия «не применит ядерного оружия против государств – участников Договора о нераспространении ядерного оружия, не обладающих ядерным оружием, кроме как в случае нападения на Российскую Федерацию, Вооруженные Силы Российской Федерации или другие войска, ее союзников или на государство, с которым она имеет обязательства в отношении безопасности, осуществляемого или поддерживаемого таким государством, не обладающим ядерным оружием, совместно или при наличии союзнических обязательств с государством, обладающим ядерным оружием»¹⁰¹.

Довольно часто в исследовательской литературе встречается тезис о том, что Россия включила Белоруссию в свой ядерный зонтик в 2023 г.¹⁰². Однако следы распространения этого зонтика на Белоруссию можно найти еще в начале 2000-х гг. К примеру, еще в 2000 г. Александр Лукашенко заявил, что Россия согласилась на этот шаг¹⁰³. Затем, в 2001 г., в военной доктрине новообразованного Союзного государства, указывалось: «Ядерное оружие Российской Федерации рассматривается как средство сдерживания крупномасштабной агрессии против государств-участников, обеспечения их военной безопасности, поддержания международной стабильности и мира. При этом *государства-участники считают возможным применение ядерного оружия Российской Федерации в ответ на использование против них ядерного и других видов оружия массового поражения, а также в ответ на крупномасштабную агрессию с применением обычного оружия в критических для безопасности любого из государств-участников ситуациях*»¹⁰⁴. То есть, строго говоря, возможность применения ядерного оружия в ответ на агрессию против Белоруссии с использованием обычных вооружений – не новый элемент Основ государственной политики в сфере ядерного сдерживания 2024 г. Новым можно считать лишь практическое размещение российского НСЯО на территории Белоруссии.

Ранее была рассмотрена история ядерных зонтиков, которые в том или ином виде существуют и в настоящее время. Однако некоторые ядерные зонтики остались в истории международных отношений. К примеру, в рамках того же АНЗЮС вплоть до 1986 г. Новая

---

¹⁰¹ Ibid.

¹⁰² Erästö T. Op. cit. P. 1; Trenin D. Russia's Foreign and Security Priorities in the Era of World Turbulence // Security Index Yearbook 2026-2027 Vol.2 / V. Orlov, L. Tsukanov (Eds). PIR Library Series No. 40. Moscow, 2026. P. 27.

¹⁰³ Russia Extends Nuclear Umbrella to Belarus // Arms Control Association. 2000. URL: <https://www.armscontrol.org/act/2000-03/news-briefs/russia-extends-nuclear-umbrella-belarus> (accessed: 14.02.2025).

¹⁰⁴ Постановление от 26 декабря 2001 года N 8 О Военной доктрине Союзного государства // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/456089527> (дата обращения: 14.02.2025).

Зеландия пользовалась ядерной протекцией США – правда, как в случае Австралии, формально это нигде не было закреплено. Однако принятие Веллингтоном в 1984 г. законодательства, запрещающего размещение ядерного оружия на национальной территории, и последующий отказ на вход американских военных судов, оснащенных ядерным оружием, в новозеландские порты, вызвал ответную реакцию администрации Рейгана. Вашингтон отказался от гарантий безопасности Новой Зеландии в рамках АНЗЮС, указав, что союзник «не может пользоваться благами оборонного партнерства в сфере обычных вооружений, отказываясь от его ядерного измерения»¹⁰⁵. К слову, это заявление можно трактовать как косвенное подтверждение того, что ядерный зонтик над Новой Зеландией («ядерное измерение» партнерства) все же существовал. Не лишено оснований мнение, что кейс Новой Зеландии стал прецедентом, обусловившим более аккуратное и послушное поведение остальных «подзонтичных» союзников США в ряде проблемных вопросов, таких как, например, подписание и ратификация ДЗЯО¹⁰⁶. Согласие с линией Веллингтона, напротив, означало бы для Вашингтона перспективу усиления разоруженческих позиций в правительствах других своих союзников. Так или иначе, присоединение Новой Зеландии к ДЗЯО не оставило никаких оснований говорить, что над ней может даже теоретически существовать ядерный зонтик США.

В годы холодной войны США в порядке секретности также размещали ядерное оружие на Филиппинах (1957-1976 гг.) и Тайване (1958-1974 гг.). Этому также предшествовало подписание двусторонних Договоров о взаимной обороне в 1951 и 1954 гг. соответственно. Принципиальное решение о выводе ядерного оружия из Тайваня было принято как часть «джентельменских соглашений» с КНР в начале 1970-х гг.¹⁰⁷. Окончательно история тайваньского ядерного зонтика закончилась в 1978-1979 гг., когда Вашингтон пошел на дипломатическое признание КНР, аннулировал Договор о взаимной обороне 1954 г. и принял новый Закон об отношениях с Тайванем (2019 г.), а затем и Указ о гарантиях Тайваню (2020 г.). Последний не устанавливает какого-либо четкого спектра мер, на которые могут пойти США для защиты острова – в теории возможен даже вариант бездействия¹⁰⁸. Отметим, что размещение ядерного оружия на Тайване (как и на Филиппинах) не преследовало политических целей, США не стремились этим внести вклад в нераспространение ядерного оружия. Примечательно, что Тайвань пытался развивать

---

¹⁰⁵ Цит. по: Erästö T. Op. cit. P. 15-16.

¹⁰⁶ Ibid. P. 22.

¹⁰⁷ Волошина А.В. Американский «ядерный зонтик» для Тайваня: предвыборная риторика ДПП или реальный сценарий? // Россия и Америка в XXI веке. 2023. Спецвыпуск 3. С. 3.

¹⁰⁸ Савельева Л. Глава 6. Тайвань // Новая ядерная девятка? Оценка угроз распространения ядерного оружия в мире. Доклад. Издание 2-е (исправленное и дополненное) / Ред. В.А. Орлов, С.Д. Семенов. М.: ПИР-Пресс, 2023. С. 75.

свою ядерную программу вплоть до 1988 г., пока не свернул ее под давлением Вашингтона¹⁰⁹. Хотя порой, и особенно в недалеком прошлом, в США издавались голоса о необходимости распространения расширенного ядерного сдерживания со стороны США на Тайвань, они не получали практической политической реализации¹¹⁰.

Что же касается Филиппин, вывод американского ядерного оружия вполне мог обуславливаться отсутствием военного смысла после упомянутых договоренностей с КНР, а также политическими трудностями, которые могли бы последовать за – рано или поздно – рассекречиванием факта присутствия ядерного оружия США на архипелаге.

Итак, в настоящем разделе мы рассмотрели историю становления ядерных зонтиков. В первую очередь нельзя не отметить, что ни один ядерный зонтик не был развернут над государством, с которым у ядерного государства не было общих союзных обязательств, общего понимания угроз, а также который на законодательном или доктринальном уровне отказывался бы от такой политики как таковой. Кейс Новой Зеландии, а также ряда европейских государств демонстрирует, что ядерный зонтик или его конкретный формат (размещение ядерного оружия) соответственно перестает существовать, если нет соответствующего нормативно-доктринального фундамента. Аналогичным образом, невозможно представить и в будущем существование ядерного зонтика вне военно-политического союза с общим пониманием стоящих перед ним угроз. При этом ядерные зонтики во всех случаях формировались перед лицом военной угрозы (оставляя за скобками ее реальность) со стороны ядерного государства: в случае зонтиков СССР таковыми государствами были США, Великобритания и Франция, а в случае зонтиков США – СССР, КНР и КНДР. Ядерные зонтики не служили защите от неядерных государств.

Ядерные зонтики США (и эволюция их конкретных форматов) всегда имели и политический, и военный смысл, причем довольно большую роль играли соображения нераспространения и политического сигнализирования. СССР и Россия же руководствовались преимущественно военной логикой, хотя недавнее размещение ядерного оружия в Белоруссии можно трактовать в том числе как символ прочности союзных обязательств в рамках Союзного государства как таковых. Военный смысл при этом изначально сводился к сути доктрины «Нового взгляда», то есть ядерное оружие воспринималось как приемлемое и удобное средство ведения войны, и оттого там, где оно размещалось, это производилось в секретности вплоть до 1960-70-х гг. Классическая же концепция сдерживания основана на публичности, т.е. объекту сдерживания должны быть известны технические возможности и намерения субъекта сдерживания.

---

¹⁰⁹ Аничкина Т. *op. cit.* С. 64.

¹¹⁰ Волошина А.В. *op. cit.* С. 4.

В случае развития ядерных зонтиков США после конца холодной войны на первый план нередко выходили соображения политического сигнализирования: в частности, создание множества диалоговых форматов имело не только и не столько военное значение (хотя к настоящему времени оно несколько возросло – см. главу 2), сколько являлось ответом на озабоченности самих американских союзников. Впрочем, выявленная тенденция к усилению голоса союзников в ядерном планировании США ставит вопрос о том, насколько далеко в «ядерной демократизации» США готовы пойти ради поддержания общей архитектуры альянсов, и не приведет ли такая политика малых шагов в конечном счете к распространению ядерного оружия (когда набор всех других возможных мер по «успокоению» перманентно беспокоящихся союзников исчерпается). Разумным в данной связи представляется тезис о том, что «ядерные зонтики» действительно предотвратили распространение ядерного оружия в отдельный исторический период, но, в общем и целом, эта проблема была скорее заморожена, чем окончательно решена¹¹¹.

Оговоримся, правда, что ядерные зонтики не являлись единственным средством решения проблем нераспространения. Широко известны примеры стран, отказавшихся от ядерных программ самостоятельно, в том числе в силу технических трудностей и (или) смены политического режима. Помимо знаменитого случая Южной Африки, в этой связи нельзя не обратить внимание на ядерные программы Румынии при Н. Чаушеску и Испании при Ф. Франко. Обе страны являлись союзниками СССР (в рамках ОВД) и США (в рамках двусторонних договоренностей) соответственно, но эти союзные отношения и, в частности, по меньшей мере теоретическое распространение ядерных гарантий на Бухарест и Мадрид не стали решающим фактором в отказе от ядерной программы. Военная ядерная программа Югославии тоже не нашла воплощения скорее в силу технических причин и затем смерти И. Тито, а не давления или поблажек со стороны союзного государства, обладающего ядерным оружием. Все вышеперечисленное, однако, не отменяет значительную историческую роль ядерных зонтиков в сфере ядерного нераспространения.

Наконец, насколько ядерные зонтики выполнили свою военную функцию – вопрос, ответить на который почти невозможно, как и об общей эффективности ядерного сдерживания. По существу, об успехе ядерного сдерживания можно заявлять довольно просто, пока не имеет место ядерная война – даже если у оппонента и так нет и не было планов по ее развязыванию. В этом смысле ядерные зонтики тоже действительно были успешны. В то же время, в контексте дебатов об убедительности ядерных зонтиков (к примеру, в контексте огромных сомнений в том, что США готовы «разменять» Сеул или

---

¹¹¹ Semenov S. op. cit. P. 50.

Токио на Сан-Франциско в случае ядерного удара КНДР или КНР), трудно не согласиться со знаменитым теоретиком сдерживания Т. Шеллингом в том, что даже минимальный шанс (скажем, 0,1%) того, что ядерное государство применит ядерное оружие в защиту своего союзника, все равно играет сдерживающую роль¹¹². Именно с этой точки зрения смысл приобретает «стратегическая двусмысленность» ядерной доктрины США и других ядерных держав, в которой никогда не указывается строгих, алгоритмических условий и параметров применения ядерного оружия.

---

¹¹² Цит. по: Roehrig T. *op. cit.* P. 80.

Глава 2. Практика ядерных зонтиков на современном этапе

2.1. Япония

В настоящее время, с *доктринальной точки зрения*, в основе ядерного зонтика США над Японией лежат пять основных элементов. Их можно выявить, обратившись к ряду ныне действующих ключевых документов Японии и США, таких как Основные направления программы национальной обороны 2018 г., Руководящие принципы сотрудничества США и Японии в сфере безопасности 2015 г., Обзор ядерной политики США 2022 г., Стратегия национальной безопасности США 2025 г., Стратегия национальной обороны США 2026 г. и совместные заявления Консультативного комитета по безопасности (далее – ККБ) с 2022 г.

Во-первых, Япония неизменно подчеркивает свою абсолютную приверженность Трем неядерным принципам, то есть, в частности, на законодательном уровне отказывается от перспективы размещения американского ядерного оружия на своей территории¹¹³.

Во-вторых, и Токио, и Вашингтон стабильно высоко оценивают важность расширенного ядерного сдерживания для безопасности Японии, то есть признают существование ядерного зонтика США над Японией. В «Основных направлениях», к примеру, присутствует следующее положение: «Расширенное ядерное сдерживание со стороны США, с ядерным сдерживанием в его основе, играет неотъемлемую роль в противодействии ядерным угрозам <...>»¹¹⁴. В «Руководящих принципах» встречается схожий пункт: «США продолжают распространять на Японию сдерживание, основанное на всем спектре средств, включая ядерные силы США»¹¹⁵. Сам Вашингтон со своей стороны также подчеркивает, что американское ядерное оружие служит сдерживанию «ряда стратегических угроз» безопасности своих союзников, и ради защиты жизненно важных интересов – собственных или союзников – США готовы пойти на применение ядерного оружия¹¹⁶. Исключение сделано только для неядерных государств-членов ДНЯО, соблюдающих обязательства по Договору. В совместных заявлениях ККБ и других двусторонних документах обе стороны используют клише об обязательствах США по

---

¹¹³ The Guidelines for Japan-U.S. Defense Cooperation. P. 2.

¹¹⁴ National Defense Program Guidelines for FY 2019 and beyond. P. 8.

¹¹⁵ The Guidelines for Japan-U.S. Defense Cooperation. P. 1.

¹¹⁶ 2022 Nuclear Posture Review // Federation of American Scientists. 2022. P. 9. URL: <https://fas.org/wp-content/uploads/2023/07/2022-Nuclear-Posture-Review.pdf> (accessed: 01.03.2026).

«защите Японии согласно положениям Договора о взаимном сотрудничестве и безопасности с использованием всех средств, включая ядерное оружие»¹¹⁷.

Стоит подчеркнуть, что единства в доктринальных документах обеих стран относительно характера угроз, которые сдерживает американский ядерный зонтик, нет. К примеру, хотя в «Основных направлениях» указывается на сдерживание ядерных угроз, в «Руководящих принципах», совместных заявлениях ККБ и иных документах высокого уровня конкретные угрозы безопасности Японии не называются: в случае указанного ранее клише ссылка на основополагающий Договор придает ядерному зонтику более широкий смысл. В то же время в Обзоре ядерной политики также содержится некоторое внутреннее противоречие, характерное вообще для всех ядерных зонтиков США, по крайней мере если интерпретировать документ буквально. Одно из положений гласит: «Пока наши союзники и партнеры сталкиваются с ядерными угрозами, расширенное ядерное сдерживание будет оставаться опорой региональной архитектуры безопасности»¹¹⁸. Продолжая мысль: формально получается, что если ядерной угрозы Японии и другим союзникам США не будет существовать, то не будет и ядерного зонтика. Как тогда быть с угрозой применения, к примеру, химического или биологического оружия, или даже потенциального нападения с применением обычных вооружений, которое тоже может поставить под вопрос «жизненно важные» интересы Токио, – неясно, именно из этого исходят негативные японские оценки подхода *sole purpose*. В любом случае, исходя из многообразия доктринальных положений по этому вопросу мы можем сделать вывод что, *в-третьих*, ядерный зонтик США над Японией преимущественным образом предполагает сдерживание ядерных угроз и вероятный ядерный ответ на ядерное нападение, хотя другие опции также строго не исключаются. В этом, пожалуй, и суть ранее упомянутой «стратегической двусмысленности» политики США.

Рассуждать о различных угрозах в вакууме, однако, некорректно – необходимо понимать, *кто* угрожает. Непосредственно в пассажах Обзора ядерной политики о ядерном сдерживании можно встретить указание на важность «общего [США и их союзников] видения обстановки в сфере безопасности и вызовов для сдерживания»¹¹⁹, но без большей конкретики (хотя, конечно, в контексте американского ядерного сдерживания в целом указываются их «классические» оппоненты – Россия, КНР и КНДР). Потенциальные объекты ядерного сдерживания в доктринальных документах Токио также не уточняются.

---

¹¹⁷ См., например: Joint Statement of the U.S.-Japan Security Consultative Committee (“2+2”) // U.S. Department of State. 06.01.2022. URL: <https://2021-2025.state.gov/joint-statement-of-the-u-s-japan-security-consultative-committee-22/> (accessed: 01.03.2026).

¹¹⁸ 2022 Nuclear Posture Review. P. 14.

¹¹⁹ Ibid.

Однако анализ совместных заявлений ККБ позволяет определить, что к таковым соперникам Токио и Вашингтон относят прежде всего КНР и КНДР. Причем, как отмечает японский исследователь Нобумаса Акияма, именно КНР представляет основной вызов для безопасности Японии, и соответствующий ядерный зонтик направлен прежде всего в сторону Пекина¹²⁰. Примечательно, что периодически в этих и других документах можно обнаружить и негативные высказывания в адрес России, преимущественно в связи с конфликтом на Украине. Тем не менее, Токио также с опасением воспринимает российскую военную деятельность (и ее наращивание) на Курильских островах, рост активности российских АПЛ в районе Охотского моря, а также совместные военные учения ВС РФ и КНР¹²¹. Однако о непосредственной ядерной угрозе Японии со стороны нашего государства речи все же не идет, в отличие от КНР и КНДР, на ядерные амбиции (и амбиции в регионе в целом) которых Токио стабильно ссылается¹²². Таким образом, *в-четвертых*, ядерный зонтик США над Японией направлен прежде всего против КНР и КНДР, а также – скорее теоретически, чем практически, и еще в значительно меньшей степени – против России.

Пятым элементом японской версии зонтика является придание большого значения обычным вооруженным силам Японии. В этом случае в совместных заявлениях ККБ также устойчиво встречается клише о том, что расширенное сдерживание со стороны США «подкреплено оборонным потенциалом Японии»¹²³. Иными словами, речь идет об «использовании неядерного потенциала союзника, способного поддержать миссию ядерного сдерживания»; о «разделении бремени» (Обзор ядерной политики)¹²⁴. Соображения «разделения бремени» являются очередным клише, характерным не только для республиканских лидеров. Разнятся лишь соответствующие акценты, которые усилились с возвращением в Белый дом администрации Д. Трампа¹²⁵.

Отметим, что пятый элемент за последние несколько лет несколько преобразился. В «Основных направлениях» под собственными усилиями Японии по усилению убедительности американского сдерживания подразумевалось преимущественно усиление

---

¹²⁰ Akiyama N. op. cit. P. 3

¹²¹ См. например: Japan expresses 'grave concern' over planned drills by China, Russia // Anadolu Ajansı. 11.09.2024. URL: <https://www.aa.com.tr/en/asia-pacific/japan-expresses-grave-concern-over-planned-drills-by-china-russia/3327300> (accessed: 01.03.2026).

¹²² См., например: Japan-U.S. Security Consultative Committee (Japan-U.S. “2+2”) July 28, 2024 // Ministry of Foreign Affairs of Japan. 28.07.2024. URL: https://www.mofa.go.jp/press/release/pressite_000001_00455.html (accessed: 01.03.2026).

¹²³ Ibid.

¹²⁴ 2022 Nuclear Posture Review. P. 14-15.

¹²⁵ National Security Strategy of the United States of America // The White House. 2025. P. 24. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2025/12/2025-National-Security-Strategy.pdf> (accessed: 01.03.2026); 2026 National Defense Strategy // U.S. Department of War. 2026. P. 4. URL: <https://media.defense.gov/2026/Jan/23/2003864773/-1/-1/0/2026-NATIONAL-DEFENSE-STRATEGY.PDF> (accessed: 01.03.2026).

противовоздушной и противоракетной обороны¹²⁶, то есть речь шла о так называемой функции «щита» для Токио¹²⁷. На данный же момент, параллельно совершенствованию оборонных средств, речь идет еще и о совершенствовании наступательных возможностей – расширении арсенала Сил самообороны Японии так называемыми «дальнобойными средствами» (standoff capabilities)¹²⁸. По мнению Нобумасы, стремление Токио к способности лишить противника способности ответного удара (с использованием обычных высокоточных ракетных вооружений) вписывается в доктрину «сдерживания путем наказания» (deterrence by punishment), в то время как раньше ставка делалась на «сдерживание путем воспрещения» (deterrence by denial) с помощью развитой системы ПРО¹²⁹. Данный тезис неоднозначен, поскольку в общепринятом понимании сдерживание путем наказания соответствует контрценностной доктрине по нанесению неприемлемого ущерба не военным, а гражданским и административным целям. Тем не менее, сдвиг в приоритетах японского военного планирования в любом случае имеет место.

Говоря о доктринальных аспектах, нельзя обойти стороной и японское общественное мнение. С одной стороны, обращение к нему при изучении такого «элитарного» вопроса, как политика безопасности и ядерное сдерживание, не играет ключевой роли. В этой связи Т. Рёриг справедливо отмечал, что между реально проводимым курсом Токио в сфере безопасности и общественными настроениями существует расхождение, если не пропасть¹³⁰. С другой стороны, игнорировать этот сюжет тоже нельзя, поскольку общественное мнение в Японии если не определяет, то во многом накладывает определенные рамки на проводимую политику, даже если та в конце концов не полностью ему соответствует. В этой связи отметим, что настроения японского населения отличались и продолжают отличаться значительным пацифизмом и антимилитаризмом, а также «ядерной аллергией», происходящей из трагического прошлого страны. По состоянию на 2025 г., к примеру, около 60% японцев выступали решительно против приобретения страной собственного ядерного оружия, а 46% - поддерживали соблюдение Трех неядерных принципов¹³¹. Второе число может показаться несколько слабым, но необходимо учитывать, что лишь 28% выступали за пересмотр принципов, то есть налицо перевес в более чем полтора раза. Тем не менее, нельзя не отметить общий тренд на ползучую «нормализацию» взглядов японского общества по вопросам безопасности и большее

---

¹²⁶ National Defense Program Guidelines for FY 2019 and beyond. P. 8.

¹²⁷ Satake T. op. cit. P. 94

¹²⁸ Japan-U.S. Security Consultative Committee (Japan-U.S. “2+2”) July 28, 2024.

¹²⁹ Akiyama N. op. cit. P. 1.

¹³⁰ Roehrig T. op. cit. P. 122.

¹³¹ Over 60% in Japan oppose possessing nuclear weapons // The Japan Times. 16.01.2026. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2026/01/16/japan/nuclear-weapons-opposition-poll/> (accessed: 01.03.2026).

одобрение ядерного сдерживания¹³². Эта нормализация, однако, скорее следует за принимаемыми правительством решениями (к примеру, изменением законодательства в сфере безопасности при С. Абэ), а не предваряет их.

Требует ответа и вопрос о том, *как конкретно* на практике «работает» американский ядерный зонтик над Японией. Сразу оговоримся, что выявить четкий отточенный механизм, подобно часовому, здесь невозможно, потому что его попросту не существует (концепция ядерного сдерживания в целом не автоматична и основана на «стратегической двусмысленности»). Тем не менее, целесообразно остановиться на ряде актуальных черт сотрудничества двух стран в области расширенного ядерного сдерживания и предположить, как соответствующий зонтик мог бы быть приведен в действие.

В первую очередь отметим, что Япония пока не участвует в планировании применения американского ядерного оружия, оно завязано исключительно на Вашингтон. Однако определенное взаимодействие все же ведется в рамках уже упомянутого Диалога по расширенному сдерживанию. Соответствующие мероприятия проводятся в закрытом формате (последнее – 18 февраля 2026 г.)¹³³, так что конкретное содержание обсуждений, к сожалению, нам недоступно. Одним из новейших результатов соответствующего Диалога стало принятие в конце 2024 г. Руководящих принципов расширенного сдерживания¹³⁴. Их содержание не раскрывается, однако уже сам факт возникновения этого документа говорит о все большем приобщении Японии к вопросам ядерного сдерживания и применения ядерного оружия. Подчеркнем, что право обсуждать соответствующие сюжеты с США и быть более информированным о планах не эквивалентно действительному участию в ядерном планировании и тем более потенциальном применении ядерного оружия.

Важно, однако, оговориться, что японские политические элиты в последнее время все более активно «прощупывают почву» относительно усиления ядерной интеграции с Вашингтоном. Два последних премьер-министра Японии от Либерально-демократической партии – Сигэру Исиба и Санаэ Такаити (действующая) прямо или косвенно высказывались в пользу перспективы совместного ядерного планирования с Вашингтоном и даже

---

¹³² Orlov V., Semenov S., Tsukanov L. op. cit. P. 60.

¹³³ U.S.-Japan Extended Deterrence Dialogue // U.S. Department of State. 21.02.2026. URL: <https://www.state.gov/releases/office-of-the-spokesperson/2026/02/u-s-japan-extended-deterrence-dialogue/> (accessed: 01.03.2026).

¹³⁴ Japan, U.S. Announce Guidelines to Deepen Extended Deterrence // Arms Control Association. 2025. URL: <https://www.armscontrol.org/act/2025-01/news-briefs/japan-us-announce-guidelines-deepen-extended-deterrence> (accessed: 01.03.2026).

размещения на японской территории ядерного оружия¹³⁵. Создание собственного всерьез пока не рассматривается, хотя отдельные спекуляции имеют место¹³⁶.

В настоящее время стороны продолжают проводить командно-штабные учения и организовывать визиты японских представителей на объекты стратегических ядерных сил США – в 2023 г., к примеру, они совместно с южнокорейскими коллегами посетили американскую атомную подводную лодку класса «Огайо», дислоцированную на тот момент недалеко от острова Гуам¹³⁷. Дополним, что данные визиты играют особую роль для Токио с точки зрения поддержания убедительности американского ядерного зонтика (и для самого Токио, и для угрожающих ему государств) и иллюстрируют усилия двух сторон по поддержанию так называемой «видимости» стратегического присутствия США в регионе. Другим таким примером являются периодические совместные маневры американских стратегических бомбардировщиков В-52 и японских истребителей над акваторией Японского моря¹³⁸. Как правило, они проводятся в ответ на северокорейские ракетные испытания и имеют скорее символический, нежели военный смысл (хотя и его тоже).

Важно отметить, что говорить о недостаточной «видимости» стратегических сил США в Азиатско-Тихоокеанском регионе не совсем корректно. С одной стороны, действительно, американский флот больше не располагает ядерными ракетами TLM/N, и на авианосцах не размещены авиационные ядерные бомбы свободного падения. Однако с 2020 г. на БРПЛ США размещаются маломощные ядерные боезаряды W76-2, которые могут играть роль НСЯО (правда, изначально данный шаг был предпринят перед лицом «российской угрозы», и информации о присутствии оснащенных W76-2 АПЛ в АТР в открытом доступе нам найти не удалось). Конвенционально оснащенные бомбардировщики В-52 на ротационной основе также появляются на Гуаме, где находится крупный контингент вооруженных сил США¹³⁹. Кроме того, выходя за рамки стратегической триады, на самой территории Японии, включая периодически заходящие в порты авианосцы США (на данный момент – *George Washington* в Йокосуке), размещено

---

¹³⁵ Премьер Японии: идея "совместного ядерного оружия" касается принятия решений // ТАСС. 13.10.2024. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/22109755> (дата обращения: 01.03.2026); Japan PM's nuclear proposal draws flak // China Daily. 24.11.2025. URL: <https://moderndiplomacy.eu/2025/12/13/takaichis-pursuit-of-nuclear-weapons-on-japanese-soil/> (accessed: 01.03.2026).

¹³⁶ Зачем Япония захотела обзавестись ядерным оружием // РБК. 18.12.2025. URL: <https://www.rbc.ru/politics/18/12/2025/69443cc79a79473da318b050> (accessed: 01.03.2026).

¹³⁷ US invited ROK and Japanese admirals aboard nuclear submarine, new photos show // NK News. 04.05.2023. URL: <https://www.nknews.org/2023/05/us-invited-rok-and-japanese-admirals-aboard-nuclear-submarine-new-photos-show/> (accessed: 01.03.2026).

¹³⁸ Handout photo shows Japan Air Self-Defense Force's F-15 fighters hold a joint military drill with the U.S. B-52 bomber over Sea of Japan // Reuters. 11.12.2025. URL: <https://www.reutersconnect.com/item/handout-photo-shows-japan-air-self-defense-forces-f-15-fighters-hold-a-joint-military-drill-with-the-us-b-52-bomber-over-sea-of-japan/dGFnOnJldXRlcnMuY29tLDIwMjU6bmV3c21sX1JDMIBESUFGTfM4Ug> (accessed: 01.03.2026).

¹³⁹ Erästö T. op. cit. P. 6.

множество истребителей двойного назначения, включая F-35B, F-16 и F/A-18. Проводится активная модернизация состава американских ВВС в стране: к примеру, F-15 и F-16 на авиабазе Мисава будут вскоре согласно принятому в 2024 г. решению заменены на 48 истребителей F-35A¹⁴⁰. Поэтому утверждать о том, что «способная нести ядерное оружие авиация США базируется вне региона [Индо-Тихоокеанского]»¹⁴¹ не приходится.

Указанные выше примеры взаимодействия укладываются в рамку интеграции ядерного (США) и конвенционального (США и Япония) компонента американского расширенного сдерживания в регионе. Причем США в духе Гуамской доктрины на данный момент все более склонны делегировать конвенциональный элемент своему союзнику. За последние несколько лет соответствующий (в т.ч. наступательный) потенциал Токио существенно усилился, и тенденция сохраняется. Самым известным кейсом является приобретение в 2024 г. 400 ракет средней дальности *Tomahawk*, которые планируется развернуть на 8 эсминцах Морских сил самообороны Японии к 2027 г.¹⁴². Было также объявлено о модернизации противокорабельных ракет Type 12, которая должна завершиться в 2026 г.¹⁴³. Примечательно, что в июне 2025 г. Япония впервые провела на собственной территории испытания противокорабельной ракеты Type 88¹⁴⁴. На территории Японии также периодически размещаются американские комплексы *Turphon*, способные запускать ракеты средней дальности *Tomahawk*. При этом после учений, имевших место в сентябре 2025 года, эти установки так и не были вывезены¹⁴⁵.

В 2025 г. на военно-техническом форуме Fuji Firepower также была представлена гиперзвуковая ракета HVGP, разработка которой началась в 2018 г. (с 2024 г. проводятся испытания)¹⁴⁶. В 2024 г. также было принято решение приобрести 50 ракет класса «воздух-

---

¹⁴⁰ США планируют разместить в Японии 48 истребителей F-35A // ТАСС. 04.07.2024. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/21270471> (accessed: 01.03.2026).

¹⁴¹ Frühling S., O'Neil A. Managing Deterrence in the 21st Century // *Alliances, Nuclear Weapons and Escalation: Managing Deterrence in the 21st Century* / S. Frühling, A. O'Neil (Eds.). Acton: ANU Press, 2021. P. 208.

¹⁴² Japan Signs Deal for 400 Tomahawk Land Attack Missiles // USNI News. 18.01.2024. URL: <https://news.usni.org/2024/01/18/japan-signs-deal-for-400-tomahawk-land-attack-missiles> (accessed: 01.03.2026).

¹⁴³ Progress and Budget in Fundamental Reinforcement of Defense Capabilities Overview of FY2026 Budget Request // Ministry of Defense of Japan. 2025. URL: https://www.mod.go.jp/en/d_act/d_budget/pdf/fy2026_20250924a.pdf (accessed: 01.03.2026).

¹⁴⁴ Япония впервые провела ракетные стрельбы на своей территории // Lenta.ru. 26.06.2025. URL: <https://lenta.ru/news/2025/06/26/yaponiya-vpervye-provela-raketnye-strelby-na-svoey-territorii/> (дата обращения: 01.03.2026).

¹⁴⁵ Лавров: РФ озабочена тем, что комплексы Turphon до сих пор не выведены из Японии // ТАСС. 20.01.2026. URL: <https://tass.ru/politika/26196791> (дата обращения: 01.03.2026).

¹⁴⁶ В Японии представили «гиперзвуковую» ракетную систему HVGP «для уничтожения китайских авианосцев и ядерных объектов Северной Кореи» // Военное обозрение. 27.06.2025. URL: <https://topwar.ru/267064-v-japonii-predstavili-giperzvukovuju-raketnuju-sistemu-hvgp-dlja-unichtozhenija-kitajskih-avianoscev-i-jadernyh-obektov-severnoj-korei.html> (дата обращения: 01.03.2026).

поверхность» JASSM-ER¹⁴⁷. В сфере ПРО/ПВО примечательно соглашение между Вашингтоном и Токио, заключенное в 2024 г. и предусматривающее разработку и принятие на вооружение системы ПРО *Glide Phase Interceptor*, позволяющей перехватывать гиперзвуковые ракеты; проект предусматривается реализовать к началу 2030-х гг.¹⁴⁸. Япония также присоединилась к реализации инициативы «Золотой купол»¹⁴⁹.

Из ряда прочих инициатив в сфере японско-американского оборонного сотрудничества стоит выделить совершенствование командных структур. В 2025 г. было создано Объединенное оперативное командование Сил самообороны Японии (Joint Operations Command). Целью такого шага заявляется «построение системы, способной слаженно проводить многосферные операции на всех этапах – от мирного времени до кризисной ситуации»¹⁵⁰. При этом годом ранее США объявили о создании штаба объединенных сил США в Японии, что предполагает наделение дислоцируемых на территории Японии американских вооруженных сил «большими оперативными и боевыми задачами»¹⁵¹. Хотя непосредственно ядерной сферы это и другие указанные выше решения не касаются, их все же необходимо учитывать при оценке общего наполнения системы американского расширенного сдерживания на японском театре.

На данном этапе было бы также ошибочно рассматривать ядерный зонтик США над Японией как исключительно двусторонний формат. В 2020-х гг. прослеживается интенсификация многостороннего сотрудничества в сфере безопасности в рамках так называемой концепции Индо-Тихоокеанского региона. В первую очередь речь идет, конечно, об образовании своего рода стратегического треугольника Вашингтон-Токио-Сеул. Его образование можно отсчитывать от 18 августа 2023 г., когда по итогам Кэмп-Дэвидского саммита было принято совместное заявление лидеров трех стран. Помимо указания на «новую эру трехстороннего партнерства» и установление режима регулярных консультаций по вопросам безопасности, Вашингтон подтвердил для Токио и Сеула свою

---

¹⁴⁷ Satam P. U.S. Approves Japan's Purchase of More AGM-158 JASSMs in \$39 Million Deal // The Aviationist. 16.01.2025. URL: <https://theaviationist.com/2025/01/16/japan-additional-agm-158-jassm-er-fms/> (accessed: 01.03.2026).

¹⁴⁸ Kosuke T. Japan Awards MHI \$368 Million Contract for Development of the Glide Phase Interceptor // The Diplomat. 05.11.2024. URL: <https://thediplomat.com/2024/11/japan-awards-mhi-368-million-contract-for-development-of-the-glide-phase-interceptor/> (accessed: 01.03.2026).

¹⁴⁹ Япония намерена участвовать в проекте США «Золотой купол» // Коммерсантъ. 13.03.2026. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8500074> (дата обращения: 13.03.2026).

¹⁵⁰ Mahadzir D. Japan Stands Up New Joint Operations Command Planned to Work with Local U.S. Forces // USNI News. 25.03.2025. URL: <https://news.usni.org/2025/03/25/japan-stands-up-new-joint-operations-command-planned-to-work-with-local-u-s-forces> (accessed: 01.03.2026).

¹⁵¹ Defense Secretary Announces U.S. Forces Japan's Upgrade to Joint Force Command // U.S. Department of War. 30.03.2025. URL: <https://www.war.gov/News/News-Stories/Article/Article/4139213/defense-secretary-announces-us-forces-japan-upgrade-to-joint-force-command/> (accessed: 01.03.2026).

верность союзным обязательствам и расширенному ядерному сдерживанию в регионе¹⁵². Более того, стороны договорились о ежегодных «многосферных учениях», которые впоследствии получили название *Freedom Edge*. Третьи, пока крайние и самые масштабные трехсторонние учения в таком формате прошли в 2025 г. в районе корейского острова Чежду и предполагали отработку совместной противоракетной и противовоздушной обороны, а также операций военно-морских и военно-воздушных сил¹⁵³.

Интенсифицировалось и сотрудничество Японии с Австралией. Был заключен ряд соглашений, включая Совместную декларацию о сотрудничестве в области безопасности (2022 г.)¹⁵⁴ и Соглашение о взаимном доступе (2023 г.)¹⁵⁵. Последнее делает возможным размещение вооруженных сил сторон на территории друг друга и тем самым представляет собой первый договор Токио такого рода с момента 1960 г. При этом двустороннее сотрудничество вновь дополняется третьим углом – Вашингтоном. В последние годы большей содержательностью отличаются трехсторонние встречи министров обороны США, Японии и Австралии, на которых стабильно подчеркивается важность «обязательств перед друг другом» и «коллективного сдерживания»¹⁵⁶. На июль 2026 г. запланированы первые трехсторонние учения с использованием F-35. Довольно устойчивое сотрудничество Япония также поддерживает с Филиппинами, с которыми в 2024 г. было заключено Соглашение о взаимном доступе¹⁵⁷.

Япония также наращивает сотрудничество с Индией и НАТО¹⁵⁸, хотя в значительно менее практической плоскости, нежели с Южной Кореей, Австралией и Филиппинами. Таким образом, ядерный зонтик США над Японией постепенно встраивается в общую систему сдерживания в форме двух треугольников: Вашингтон-Токио-Сеул и Вашингтон-Токио-Канберра. Присутствие Токио в обоих случаях иллюстрирует высокую важность

---

¹⁵² The Spirit of Camp David: Joint Statement of Japan, the Republic of Korea, and the United States // Ministry of Foreign Affairs of Japan. 18.08.2023. URL: <https://www.mofa.go.jp/files/100541826.pdf> (accessed: 01.03.2026).

¹⁵³ Freedom Edge 2025: Building Trilateral Trust Across the Indo-Pacific // America's Navy. 19.09.2025. URL: <https://www.navy.mil/Press-Office/News-Stories/display-news/Article/4308744/freedom-edge-2025-building-trilateral-trust-across-the-indo-pacific/> (accessed: 01.03.2026).

¹⁵⁴ Australia-Japan Joint Declaration on Security Cooperation // Australian Government. Department of Foreign Affairs and Trade. 22.10.2022. URL: <https://www.dfat.gov.au/countries/japan/australia-japan-joint-declaration-security-cooperation> (accessed: 01.03.2026).

¹⁵⁵ Australia-Japan Reciprocal Access Agreement // Australian Government. Defense. 13.08.2023. URL: <https://www.defence.gov.au/defence-activities/programs-initiatives/australia-japan-reciprocal-access-agreement> (accessed: 01.03.2026).

¹⁵⁶ Trilateral Defence Consultations Ministerial Meeting Joint Statement on Efforts to Deepen Our Defence Cooperation // Australian Government. 31.05.2025. URL: <https://www.minister.defence.gov.au/statements/2025-05-31/trilateral-defence-consultations-ministerial-meeting-joint-statement-efforts-deepen-our-defence-cooperation> (accessed: 01.03.2026).

¹⁵⁷ Agreement between Japan and the Republic of the Philippines Concerning the Facilitation of Reciprocal Access and Cooperation between the Self-Defense Forces of Japan and the Armed Forces of the Philippines // Ministry of Foreign Affairs of Japan. 08.07.2024. URL: <https://www.mofa.go.jp/files/100694772.pdf> (accessed: 01.03.2026).

¹⁵⁸ Japan-U.S. Security Consultative Committee (Japan-U.S. “2+2”) January 11, 2023 // Ministry of Foreign Affairs of Japan. 11.01.2023. URL: https://www.mofa.go.jp/na/st/page4e_001338.html (accessed: 01.03.2026).

Японии для системы расширенного сдерживания во всем Азиатско-Тихоокеанском регионе.

На наш взгляд, однако, стремительное усиление конвенциональных ударных возможностей Сил самообороны Японии, как и развернутых в регионе вооруженных сил США может свидетельствовать о низкой убедительности зонтика в глазах и Токио, и даже Вашингтона, то есть являться хеджированием на случай, если решимости или оснований для применения ядерного оружия в случае регионального конфликта не будет хватать, а нанести неприемлемый ущерб противнику будет необходимо. Для иллюстрации данного соображения попытаемся вообразить кризисные ситуации и оценить, насколько правдоподобен такой шаг.

Оттолкнемся от основных оппонентов Японии и США в регионе: в первую очередь, КНР. Ядерные арсеналы КНР – хотя пока она не является «ядерной сверхдержавой»¹⁵⁹ – действительно растут и, как сообщается, к 2035 г. достигнут уровня нынешних сил ядерного сдерживания России и США¹⁶⁰. В то же время между КНР и Японией существует территориальный спор о принадлежности островов Сэнкаку (Дяоюйдао), ныне де-факто контролируемых Японией. На эти острова распространяются гарантии безопасности со стороны США¹⁶¹.

В случае ограниченного вооруженного конфликта вокруг островов вероятность применения ядерного оружия сводится почти к нулю, поскольку это не будет иметь военного смысла в силу вероятности разрушительного ответа КНР (по территории США) и, во-вторых, интересы США в этом конфликте вряд ли можно счесть «жизненно важными».

В случае дальнейшей эскалации и полномасштабной войны в регионе, наиболее вероятной искрой для которой может стать операция КНР на Тайване, ставки США будут значительно выше, однако вероятность ответа КНР все еще будет сдерживать США от применения ядерного оружия первым в ответ на удары по территории Японии с применением обычных вооружений (заявленного химического и биологического оружия у Китая нет). КНР, в свою очередь, стабильно привержена доктрине неприменения ядерного оружия первым и неприменения ядерного оружия против неядерных государств-членов ДНЯО, и, учитывая высокий уровень конвенциональных – в рамках концепции «быстрого глобального удара» – возможностей США в регионе (которые в последнее время, как было

---

¹⁵⁹ Стефанович Д. Ядерный «зонтик» для ясной погоды // Россия в глобальной политике. 16.04.2024. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/yadernyj-zontik/> (дата обращения: 01.03.2026).

¹⁶⁰ Пентагон заявил, что КНР может иметь к 2035 году 1,5 тыс. ядерных зарядов // 29.11.2022. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/16456311> (дата обращения: 01.03.2026).

¹⁶¹ Japan-U.S. Security Consultative Committee (Japan-U.S. “2+2”) July 28, 2024.

показано, активно усиливаются), Вашингтон и Токио скорее предпочтут ведение обычных боевых действий без ядерного измерения. Возможной «промежуточной» ступенью эскалации может стать применение маломощных ядерных боезарядов W76-2 в ответ на предполагаемое превосходство КНР в обычных вооружениях, однако, во-первых, по эффективности они вполне могут быть заменены конвенциональными ударными вооружениями, коими регион особенно насыщен в последние годы а, во-вторых, это будет означать ядерную эскалацию, которая даст КНР основания на применение всего спектра собственных ядерных вооружений. Необходимо учитывать и тот факт, что китайская СПРН не сможет различить, какие боезаряды установлены на запускаемых БРПЛ США.

Единственным оставшимся сценарием по применению ядерного оружия, таким образом, является первый удар США по КНР, представить *возможность* которого можно лишь в случае тотального превосходства КНР над США и их союзниками в потенциальной региональной войне. Опять же, речь только о возможности, и решение о такой «жизненной важности» победы США в конфликте, которая обосновала бы старт ядерной войны, будет приниматься на высшем политическом уровне. На наш взгляд, даже в этом случае применение ядерного оружия скорее маловероятно, хотя и не исключено.

Кейс КНДР несколько более дискуссионный, поскольку, в отличие от КНР, Пхеньян не исключает на доктринальном уровне применение ядерного оружия первым. Однако даже в случае ядерного удара КНДР по территории Японии (опуская (не)возможность такой ситуации) вариант ядерного ответа сомнителен: США и их союзники в регионе – прежде всего, Япония и Южная Корея – обладают качественным превосходством над КНДР в обычных вооружениях и способны нанести разрушительный ответ (или даже обезглавливающий превентивный удар) без применения ядерного оружия¹⁶². Тем более, что в силу компактности театра военных действий от последствий применения ядерного оружия может пострадать союзник США – Южная Корея. Именно в этом контексте уместно трактовать заявления Вашингтона о том, что «любое ядерное нападение на США или их союзников и партнеров, включая использование нестратегических ядерных вооружений, неприемлемо и повлечет за собой конец режима Кимов»¹⁶³. Отказ от уточнения, как именно будет достигнут «конец режима», намекает на то, что ядерный ответ совершенно не автоматичен. Аналогичная аргументация касается и потенциального случая применения Пхеньяном химического оружия. Что же касается агрессии Северной Кореи с

---

¹⁶² Roehrig T. op. cit. P. 185.

¹⁶³ 54th Security Consultative Meeting Joint Communique // U.S. Embassy & Consulate in the Republic of Korea. 03.11.2022. URL: <https://kr.usembassy.gov/110322-54th-security-consultative-meeting-joint-communique/> (accessed: 01.03.2026).

использованием лишь обычных вооружений, о ядерном ответе и вовсе говорить не приходится.

В случае России применение ядерного оружия США ради защиты японского союзника несет еще более фантастический характер: во-первых, в силу совершенного отсутствия у России каких-либо агрессивных намерений в отношении Японии, а у Японии – намерений по силовому возвращению законно принадлежащих России Курильских островов; во-вторых, по причине соотношения совокупного конвенционального потенциала США и Японии над российским в регионе, которое по меньшей мере не в пользу России, несмотря на усилия по исправлению данного положения дел; а в-третьих, исходя из соображений гарантированного ядерного ответа Москвы на применение Вашингтоном ядерного оружия.

Обобщая, таким образом, политическая воля США применить ядерное оружие для защиты Японии скорее невелика по двум причинам: низкой целесообразности (современные ударные системы в неядерном оснащении во многом не менее эффективны, чем ядерное оружие) и достаточно высокой уязвимости перед ответным ударом. Кроме того, невозможно однозначно сказать, насколько велика была бы сравнительная значимость интересов США в потенциальном конфликте, а следовательно, на какие предельные жертвы Вашингтон был бы готов пойти. Ядерное оружие почти с нулевой вероятностью будет применено при нападении на Японию с применением обычных вооружений или химического и биологического оружия; вероятность применения его в ответ на ядерное нападение на Японию также низка.

Однако, несмотря на все эти соображения, и Вашингтон, и Токио придавали и продолжают придавать большое значение этому зонтику и стремятся усилить его убедительность. В тех же Обзоре ядерной политики и Стратегии национальной безопасности США присутствуют соответствующие положения: *«союзники должны быть уверены в воле и способности США сдерживать стратегические угрозы»*¹⁶⁴; *«мы хотим самые прочные, убедительные и современные силы ядерного сдерживания»*¹⁶⁵. Токио в свою очередь также акцентировал внимание на необходимости повышения убедительности ядерного зонтика, соответствующие пассажи неизменно встречаются в совместных заявлениях ККБ.

Соответственно, ядерный зонтик США на Японией все еще имеет смысл, и, как видится, этот смысл двуедин. С военной точки зрения зонтик необходим и Вашингтону, и Токио для *сдерживания* КНР и КНДР (в меньшей степени – России). В то же время

---

¹⁶⁴ 2022 Nuclear Posture Review. P. 14.

¹⁶⁵ National Security Strategy of the United States of America. P. 3.

сдерживание, согласно ранее упомянутым тезисам Шеллинга, актуально даже в случае самой минимальной вероятности применения ядерного оружия, а полностью она никогда не может отсутствовать. Соответственно, при всей возможной умозрительности ядерного зонтика он все еще заставляет потенциальных противников Японии и США дважды подумать, прежде чем принять те или иные стратегические решения. Вопрос повышения убедительности зонтика в глазах объектов сдерживания (внешней убедительности) сводится к тому, *насколько менее маловероятным* Пекин и Пхеньян видят применение ядерного оружия США ради защиты Японии в условиях все более острых противоречий между этими странами и, в глазах Вашингтона и Токио, нарастания соответствующих угроз. То есть ощущение себя более уязвимым требует повышения внешней убедительности. Подчеркнем, что зонтик играет именно сдерживающую роль, США не намерены использовать ядерное оружие как ординарное средство ведения войны в случае ее начала, а ядерное сдерживание нацелено почти исключительно на ядерные угрозы.

Однако на современном этапе более значимо, как видится, даже не военное, а политическое измерение. Для Токио ядерный зонтик США – индикатор общей приверженности Вашингтона защите своего союзника и двустороннему альянсу¹⁶⁶. При всей возможной неэффективности этого формата отказ от него был бы воспринят в Токио как эрозия региональной архитектуры безопасности и ослабление системы сдерживания КНР и КНДР. В этих условиях смысл имело бы приобретение собственного «сдерживателя», однако в силу множества потенциальных издержек и препятствий, связанных на данном этапе с созданием собственного ядерного оружия, Японии предпочтительнее полагаться на сдерживающую функцию ядерного зонтика и регулярные заверения из Вашингтона в том, что он существует, а также на приобщение к обсуждению вопросов ядерного сдерживания (пока без участия в самом ядерном планировании). Эти меры представляют собой попытки США обеспечить убедительность зонтика в глазах союзника, то есть внутреннюю убедительность.

Такой страхующий курс выгоден и США, поскольку отказ от одного ядерного зонтика может вызвать эффект домино в двух измерениях. Первое касается перспективы общего кризиса региональных союзов США по всему миру, поскольку отказ от ядерного покровительства над одним союзником неизбежно вызовет кризис доверия в отношениях с другими. Второе касается (не)распространения ядерного оружия – от создания одним государством, над которым закрыли зонтик и которое имеет, как Япония, достаточную

---

¹⁶⁶ Akiyama N. op. cit. P. 2.

ядерную латентность, собственного ядерного оружия, до подобного ядерной цепной реакции разрушения режима ДНЯО – один шаг.

Так или иначе, на современном этапе ядерный зонтик США над Японией существует и развивается по двум основным направлениям: усилению конвенциональных возможностей Сил самообороны Японии и предоставлению Токио большего голоса в обсуждении вопросов ядерного сдерживания. Обе тенденции связаны с нарастающей в глазах Токио и Вашингтона военной угрозой, которую представляют усиление военного и ядерного потенциала КНР и ядерная программа КНДР. Обе тенденции также связаны с выходящими из ухудшающейся обстановки в сфере безопасности проблемами убедительности ядерного зонтика в глазах Токио. Причем, по мнению Нобумасы Акиямы, некие «ядерные угрозы» России во время проведения СВО также подорвали уверенность Токио в гарантиях безопасности со стороны Вашингтона¹⁶⁷.

Однако на данном этапе и сам Вашингтон, вполне возможно, исходит из того, что американское ядерное оружие едва ли может быть реально применено для защиты Японии. В этом смысле наращивание наступательных потенциалов страны восходящего солнца наряду с усилением американского военного присутствия в стране и регионе убивает сразу двух зайцев. Если расширенное ядерное сдерживание не сработает и решение о задействовании ядерного оружия не будет принято (что вероятно), то в распоряжении Токио и Вашингтона уже сейчас будет мощный инструментарий эффективных неядерных вооружений. Однако в случае возникновения реальной необходимости ядерного удара (ограниченного и с применением НСЯО) и принятия соответствующего политического решения те же заделы Японии в ударных и оборонительных системах позволят обеспечить успешное выполнение ядерной миссии – подобно той вспомогательной роли, которую европейские государства-члены НАТО играют в рамках учений НАТО SNOWCAT (см. соответствующий раздел). И хотя для такого уровня интеграции необходимо пройти еще немалый путь, заделы уже заложены.

2.2. Республика Корея

В основе ядерного зонтика США над Республикой Корея (далее – РК) лежат четыре основных доктринальных элемента, во многом аналогичных японским, но не идентичных им. Здесь и в дальнейшем мы прежде всего будем опираться, помимо рассмотренных выше доктринальных документов США, на южнокорейскую Белую книгу по безопасности 2022

---

¹⁶⁷ Ibid. P. 1.

г., совместные коммюнике Консультативных встреч по безопасности (далее – КВБ) с 2022 года, совместные заявления Консультативной группы по ядерному планированию (далее – КГЯП) с 2023 г., а также пресс-релизы по итогам заседаний Консультативной группы по стратегии сдерживания (далее – КГСС) с 2023 г.

Во-первых, подчеркнем, что на данном этапе Сеул, как и Токио, продолжает полагаться в своем стратегическом планировании на ядерные гарантии США, и Вашингтон их прямо подтверждает. В рамках совместных коммюнике КВБ устойчиво фиксируются обязательства США «обеспечивать РК расширенное сдерживание с опорой на весь спектр оборонных возможностей, включая ядерный, конвенциональный, противоракетный и передовой неядерный потенциалы»¹⁶⁸.

Во-вторых, РК и США более четко фиксируют адресата ядерного зонтика США, входящего в эту общую систему сдерживанию, а именно КНДР. Причем, *в-третьих*, несмотря на теоретическую возможность задействования ядерного оружия США для сдерживания всего спектра угроз, исходящих из Пхеньяна (основываясь на приведенном выше общем языке совместных коммюнике КВБ и положениях Обзора ядерной политики), фактически предполагается сдерживание исключительно ядерных угроз: «В целях эффективного сдерживания и ответа на усиливающиеся *ядерные и ракетные угрозы* со стороны Северной Кореи, РК и США укрепляют убедительность расширенного сдерживания <...>» (Белая книга по безопасности)¹⁶⁹; «Любое *ядерное нападение* на Соединенные Штаты или их союзников и партнеров, включая использование нестратегических ядерных вооружений, неприемлемо и повлечет за собой конец режима Кима» (совместные коммюнике КВБ)¹⁷⁰. Различные форматы взаимодействия РК и США (КВБ, КГЯП и КГСС) по вопросам расширенного сдерживания предполагают обсуждение сценариев применения КНДР ядерного оружия и параметров ответа Сеула и Вашингтона. Не стоит забывать и преимущественные акценты на сдерживании ядерных угроз в ядерной доктрине США.

Индикатором преимущественной – и возросшей – важности сдерживания именно ядерных угроз со стороны Пхеньяна является принятие в 2025 г. нового оперативного плана *OPLAN 5022*, который, в отличие от своего предшественника (*OPLAN 5015*), ставит во главу угла реагирование на применение Пхеньяном оружия массового уничтожения, а не на

---

¹⁶⁸ См., например: 55th Security Consultative Meeting Joint Communiqué // U.S. Department of War. 13.11.2023. URL: <https://www.war.gov/News/Releases/Release/Article/3586522/55th-security-consultative-meeting-joint-communicue/> (accessed: 01.03.2026).

¹⁶⁹ 2022 Defense White Paper // Ministry of National Defense. 2022. P. 158. URL: https://www.mnd.go.kr/user/mndEN/upload/pblicitn/PBLICTNEBOOK_202307280406019810.pdf (accessed: 01.03.2026).

¹⁷⁰ 54th Security Consultative Meeting Joint Communiqué.

нападение с применением обычных вооружений¹⁷¹. Вероятно, обновление оперативного плана связано с принятием в сентябре 2022 г. в КНДР ядерной доктрины, согласно которой ядерный выбор Северной Кореи «является окончательным и необратимым» и о денуклиаризации полуострова Пхеньян говорить не намерен¹⁷². К слову, именно спустя пару месяцев после этого заявления (ноябрь 2022 г.) США и РК ужесточили риторику в совместных коммюнике КВБ и ввели и ныне актуальное клише о «конце режима Кима» в случае нападения на Южную Корею с применением ядерного оружия.

Что же касается КНР и России, на данный момент конкретно ядерный зонтик США над РК, на наш взгляд, вовсе на них не направлен. Обе страны не воспринимаются как непосредственная угроза безопасности РК (ни в ядерном, ни в обычном измерениях), хотя имеет место тенденция к более резким высказываниям в адрес Пекина и Москвы, инициаторами которой по меньшей мере в китайском случае, как отмечает А.В. Малолетко, являются США¹⁷³. Так, в Белой книге по безопасности в 2022 г. лишь констатировались тенденция к усилению вооруженных сил Китая и России и их обострившиеся противоречия с западными странами; параллельно придавалось значение диалогу по вопросам безопасности с Пекином и Москвой¹⁷⁴. Примечательно, что учения ВМС и ВВС КНР и России в регионе, а также инциденты с якобы входом российских боевых самолетов в южнокорейскую Зону идентификации ПВО трактовались Сеулом как аргумент в пользу поддержания военных каналов связи¹⁷⁵.

Однако со временем, и прежде всего с момента заключения Договора о всеобъемлющем стратегическом партнерстве между Россией и КНДР в 2024 г., риторика стала более резкой, включая осуждение сотрудничества нашей страны с Пхеньяном и большее сближение Сеула с Киевом¹⁷⁶. Совместные заявления Сеула и Вашингтона на данный момент также устойчиво включают, по словам А.В. Малолетко, «не слишком скрываемую критику Пекина» в вопросах свободы судоходства и ситуации вокруг Тайваня¹⁷⁷. Тем не менее, общее ухудшение отношений не равносильно повороту

---

¹⁷¹ Sang-ho S. S. Korea, U.S. inked new joint wartime contingency plan last year amid advancing N.K. threats: USFK commander // Yonhap News Agency. 10.04.2025. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20250410000351315> (accessed: 01.03.2026).

¹⁷² Цит. по: Селезнева Д.А. *op. cit.* С. 79-80.

¹⁷³ Малолетко А.В. *op. cit.* С. 82.

¹⁷⁴ 2022 Defense White Paper. P. 173-174.

¹⁷⁵ *Ibid.* P. 175.

¹⁷⁶ South Korea condemns Russia's move to seal defence pact with North Korea // Aljazeera. 25.10.2024. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2024/10/25/south-korea-condemns-russias-move-to-seal-defence-pact-with-north-korea> (accessed: 01.03.2026); Russia warns of retaliation if S. Korea joins PURL initiative to support Ukraine: report // The Korea Times. 21.02.2026. URL: <https://www.koreatimes.co.kr/foreignaffairs/20260221/russia-warns-of-retaliation-if-s-korea-joins-purl-initiative-to-support-ukraine-report> (accessed: 01.03.2026).

¹⁷⁷ Малолетко А.В. *op.cit.* С. 82.

американского ядерного зонтика в сторону Москвы или Пекина – пока что он завязан на Пхеньян.

В-четвертых, особое внимание уделяется развитию конвенциональных потенциалов как США, так и РК, в рамках общей концепции сдерживания. Причем, в отличие от Японии, речь изначально шла не только об оборонительных, но и об ударных системах. Что касается усиления конвенциональной проекции силы США, то Сеул и Вашингтон исходят из того, что для сдерживания КНДР оно необходимо не в меньшей степени, чем собственно ядерный зонтик. Южнокорейские потенциалы играют аналогичную роль, что довольно прямо формулируется в Стратегии национальной обороны США: «Со своими мощными вооруженными силами, высокими оборонными расходами, сильной оборонной промышленностью и обязательным призывом Южная Корея способна играть ключевую роль в сдерживании Северной Кореи с решающей, но более ограниченной поддержкой США. Южная Корея также стремится к этому <...>»¹⁷⁸. Причем, как отмечает корейский исследователь Кён Джу Чон, в случае начала полномасштабного конфликта с КНДР (в том числе с применением Пхеньяном ядерного оружия) развитые конвенциональные возможности Сеула позволят избежать попадания в ловушку ядерной эскалации и нанести сокрушительный удар по КНДР, не прибегая к «массированному возмездию» с помощью американского ядерного оружия¹⁷⁹, тем более что оно, как показывается далее, совершенно необязательно произойдет в любом случае.

Таким образом, усиление конвенциональных возможностей РК укладывается и в уже упомянутую концепцию «разделения бремени», продвигаемую нынешней администрацией США еще более активно, чем предыдущей. Подчеркнем, что и в японском, и в южнокорейском случае соответствующие акценты не означают, что США сводят свои обязательства лишь к ядерным гарантиям, речь идет скорее о некотором перераспределении акцентов, не означающем отказа Вашингтона от общего совершенствования своих конвенциональных возможностей и усиления присутствия в Северо-Восточной Азии.

Наконец, начиная с 2023 г. (после создания КГЯП) более явно, чем в японском случае, прослеживается еще один смысл усиления вооруженных сил Сеула, а именно осуществление вспомогательных функций в случае применения Вашингтоном ядерного оружия в рамках концепции «интеграции конвенциональных и ядерных сил» (Conventional-Nuclear Integration, далее – ИКЯС).

Кейс Южной Кореи, как и Японии, примечателен некоторым несоответствием общественных настроений реально проводимому политическому курсу. Однако если

---

¹⁷⁸ 2026 National Defense Strategy. P. 13.

¹⁷⁹ Jeon K.-j. op. cit. P. 66.

японское общество настроено более антиядерно и антимилиитаристски, чем официальный Токио, то южнокорейское население, напротив, более воинственно. Так, абсолютное большинство южных корейцев устойчиво поддерживает приобретение РК собственного ядерного оружия или по меньшей мере возвращение в страну американского НСЯО¹⁸⁰. Однако, хотя лидеры страны порой играет на этих настроениях, иллюстрацией чему являются скандальные заявления Юн Сок Ёля в 2023 г. о возможности создания национального ядерного оружия¹⁸¹, все же официальная позиция РК заключается в соблюдении режима ДНЯО и отсутствии – пока что – необходимости в возвращении американского НСЯО. В свою очередь и Вашингтон не считает такой шаг необходимым¹⁸². Помимо связанных с нарушением ДНЯО издержек основанием для такого подхода Сеула является, на наш взгляд, перспектива забвения идеи полной денуклеаризации Корейского полуострова, которой Сеул еще верен и которая не будет иметь жизнеспособности после размещения американского НСЯО, а также вполне внушительные конвенциональные возможности РК и США в регионе, встроенные в общую концепцию сдерживания.

Продолжая тематику конвенционального потенциала РК и переходя к практическому измерению ядерного зонтика, отметим, что в последние годы Сеул действительно предпринял ряд значимых шагов в рамках так называемой «Системы трех осей»¹⁸³. Эта концепция была разработана после ядерных испытаний КНДР в 2016 г. и предполагает развитие военных возможностей по трем основным направлениям – способности нанести превентивный удар по ядерным и другим военным объектам Пхеньяна (Kill Chain), способности отразить его воздушное и / или ракетное нападение (Korea Air and Missile Defense) и способности нанести «удар возмездия» против руководства КНДР (Korea Massive Punishment and Retaliation).

В рамках первой и третьей осей примечательно начало развертывания в начале 2026 г. ракетных систем малой дальности *Hyunmoo-5* (одна ракета оснащена боеголовкой весом в 8 тонн), которое планируется завершить к 2030 г.¹⁸⁴. Задача ракеты сводится к «разрушению бункеров», то есть ее предназначение сводится прежде всего к ударам по ядерным объектам КНДР и ее руководству. Параллельно, в сентябре 2025 г., Сеул испытал

---

¹⁸⁰ Orlov V., Semenov S., Tsukanov L. op. cit. P. 58-59.

¹⁸¹ Semenov S. op. cit. P. 52.

¹⁸² Лац М., Никулин С., Семенов С. Глава 5. Республика Корея // Новая ядерная девятка? Оценка угроз распространения ядерного оружия в мире. Доклад. Издание 2-е (исправленное и дополненное) / Ред. В.А. Орлов, С.Д. Семенов. М.: ПИР-Пресс, 2023. С. 57.

¹⁸³ South Korea's Revitalized "Three-Axis" System // Council on Foreign Relations. 04.01.2023. URL: <https://www.cfr.org/articles/south-koreas-revitalized-three-axis-system> (accessed: 01.03.2026).

¹⁸⁴ Miller S.W. South Korea deploys bunker-busting ballistic missile // Asian Military Review. 28.01.2026. URL: <https://www.asianmilitaryreview.com/2026/01/south-korea-deploys-bunker-busting-ballistic-missile-foc/> (accessed: 01.03.2026).

гиперзвуковую крылатую ракету наземного базирования *Hycore* дальностью 800 км¹⁸⁵, однако на данный момент точной информации о сроках ее развертывания в открытом доступе нам найти не удалось. РК также укрепляет космическое измерение своих вооруженных сил: в 2025 г. были успешно развернуты на орбите 5 южнокорейских разведывательных спутника, работа которых, согласно министерству обороны Сеула, «усилит возможности системы Kill Chain»¹⁸⁶. Наконец, в 2023 г. Сеул принял решение более чем в полтора раза увеличить парк *F-35A* (65 вместо 40 по изначальной сделке 2014 г.)¹⁸⁷.

В сфере ПРО и ПВО (вторая ось) примечательно завершение в 2025 г. разработки перспективной системы перехвата воздушных целей на высоте 50-60 км L-SAM, развертывание которой планируется в 2027 г.¹⁸⁸. В 2025 г. также была начата модернизация системы перехвата на малых высотах (до 15 км), окончание которой планируется также в 2027 г.¹⁸⁹. Соответствующие шаги значительно усиливают «вторую ось», в которую, помимо прочего, включены американские системы *Patriot*, а также ТНААД.

В сфере командования и управления в 2024 г., за год до аналогичного решения в Японии, Южная Корея создала Стратегическое командование в целях «интеграции нашего передового конвенционального военного потенциала с расширенным сдерживанием США» и «противодействия угрозам Северной Кореи посредством руководства операциями с использованием крупных систем вооружений»¹⁹⁰. Под последними подразумеваются упомянутые выше ракетные системы, а также оснащенные баллистическими ракетами подводные лодки. Как итог, налицо действительно стремление РК «перенять лидирующую роль в конвенциональной обороне Корейского полуострова»¹⁹¹.

Причем, что касается подводных лодок, в конце 2025 г. администрация Трампа дала Сеулу разрешение на строительство первой собственной АПЛ на верфях Филадельфии и

---

¹⁸⁵ Hycore Hypersonic Cruise Missile: South Korea's Answer to North Korea, China and Russia's Missile Dominance // Defense Security Asia. 05.09.2025. URL: <https://defencesecurityasia.com/en/south-korea-hycore-hypersonic-missile-flight-test-indo-pacific-arms-race/> (accessed: 01.03.2026).

¹⁸⁶ 5th spy satellite successfully put into orbit // The Korea Times. 02.11.2025. URL: <https://www.koreatimes.co.kr/southkorea/defense/20251102/5th-spy-satellite-successfully-put-into-orbit> (accessed: 01.03.2026).

¹⁸⁷ Yeo M. US State Department approves South Korea to buy 25 more F-35A jets // Defense News. 14.09.2023. URL: <https://www.defensenews.com/air/2023/09/14/us-state-department-approves-south-korea-to-buy-25-more-f-35a-jets/> (accessed: 01.03.2026).

¹⁸⁸ Minji L. S. Korea approves plan to produce L-SAM defense system // Yonhap News Agency. 16.01.2025. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20250116007700315> (accessed: 01.03.2026).

¹⁸⁹ Bisht I.S. S. Korea Starts Fielding Enhanced Ballistic Missile Defense System // TheDefensePost // 01.08.2025. URL: <https://thedefensepost.com/2025/08/01/south-korea-missile-defense-3/> (accessed: 01.03.2026).

¹⁹⁰ South Korea launches Strategic Command to integrate with U.S., counter North Korea, push peace through strength // Indo-Pacific Defense Forum. 14.10.2024. URL: <https://ipdefenseforum.com/2024/10/south-korea-launches-strategic-command-to-integrate-with-u-s-counter-north-korea-push-peace-through-strength/> (accessed: 01.03.2026).

¹⁹¹ Joint Press Statement on the Fifth Nuclear Consultative Group Meeting // U.S. Department of War. 11.12.2025. URL: <https://www.war.gov/News/Releases/Release/Article/4358035/joint-press-statement-on-the-fifth-nuclear-consultative-group-meeting/> (accessed: 01.03.2026).

переработку ядерного топлива¹⁹². Важно отметить, что южнокорейское руководство при принятии решения ссылалось на запущенную в 2021 г. программу строительства АПЛ в КНДР; тем не менее, важно учитывать, что РК и ранее (например, в 2003 г.) выражала стремление обрести такой класс вооружений¹⁹³.

Сеул также ведет практическое сотрудничество с США, направленное на поддержание уже упомянутой «видимости» сил США в регионе, расширение возможностей их доступа к портам Токио или Сеула и другим объектам. Стоит отметить, что данный приоритет не является односторонним пожеланием РК или Японии и закреплен в Обзоре ядерной политики и других доктринальных документах США¹⁹⁴. Для понимания общей картины обозначим, что стратегические наступательные вооружения США на данный момент ни в каком виде не развернуты на территории Южной Кореи, и, как было указано в предыдущем разделе, американского НСЯО в регионе Северо-Восточной Азии в принципе нет. На территории Южной Кореи присутствуют обычные вооруженные силы численностью в 28 500 человек¹⁹⁵, включая авиационный компонент – Седьмой воздушный флот, оснащенный истребителями двойного назначения F-16.

Поддержание «видимости» осуществляется по нескольким направлениям. Во-первых, имеют место, как и в случае Японии, периодические учения ВВС, выражающиеся в пролетах американских стратегических бомбардировщиков над территорией РК в сопровождении ее истребителей. В апреле 2025 г., к примеру, бомбардировщики В-1 сопровождалась южнокорейскими F-35А¹⁹⁶. Иногда стратегические бомбардировщики США также совершают посадку на южнокорейские аэродромы.

Во-вторых, периодически американские АПЛ, в том числе оснащенные ядерными баллистическими ракетами, заходят в южнокорейские порты. К примеру, летом 2023 г. в ознаменование заключения Вашингтонской декларации в порт Пусана зашли две АПЛ – *USS Michigan* и *USS Kentucky*, оснащенные ядерным оружием¹⁹⁷. Тем самым впервые американское ядерное оружие оказалось, пусть и кратковременно, в Южной Корее. Более того, южнокорейские представители наряду с японскими совершают визиты на борт

---

¹⁹² США заключили с Южной Кореей сделку с подлодкой и выплатой \$350 млрд // РБК. 30.10.2025. URL: <https://www.rbc.ru/politics/30/10/2025/690289879a79477111a3b62e> (дата обращения: 01.03.2026).

¹⁹³ Калинин Р.Р. Атомные подводные лодки на Корейском полуострове: новые вызовы для региональной и глобальной безопасности // ПИР-Центр. 26.01.2026. URL: <https://pircenter.org/editions/nuclear-submarines-on-the-korean-peninsula/> (дата обращения: 01.03.2026).

¹⁹⁴ National Security Strategy of the United States of America. P. 24.

¹⁹⁵ Лац М., Никулин С., Семенов С. op. cit. С. 56.

¹⁹⁶ Hadley G. B-1 Bombers Jet to South Korea for Training, Flyover // Air&Space Forces Magazine. 15.04.2025. URL: <https://www.airandspaceforces.com/b-1-bombers-south-korea-training-flyover/> (accessed: 01.03.2026).

¹⁹⁷ Mongilio H. USS Kentucky Make Port Call in South Korea, First SSBN Visit in 40 Years // USNI News. 18.07.2023. URL: <https://news.usni.org/2023/07/18/uss-kentucky-calls-in-south-korea-first-ssbn-visit-in-40-years> (accessed: 01.03.2026).

американских АПЛ, что было рассмотрено ранее. В южнокорейские гавани, как и в японские, периодически заходят и соединения Седьмого флота США – недавним выражением такого формата является визит в Пусан в ноябре 2025 г. уже упомянутого авианосца *George Washington*¹⁹⁸.

РК и США также проводят регулярные военные учения, хотя они еще не эквивалентны знаменитым *Steadfast Noon* и *SNOWCAT* у НАТО. Прежде всего речь идет о ежегодных маневрах *Freedom Shield* и *Ulchi Freedom Shield*, охватывающих все виды обычных вооруженных сил РК и США. Дополняют систему учений названные ранее *Freedom Edge*, в которых участвует также Япония.

Однако теоретические, или командно-штабные, учения двух стран заходят несколько дальше. Они предполагают моделирование реакции на применение Пхеньяном ядерного оружия¹⁹⁹, причем конкретное содержание обсуждавшихся планов действий не раскрывается. С момента своего создания в 2023 г. рамкой для таких учений стала КГЯП. Их содержание кардинально не изменилось, однако некоторые корректировки, основанные на самом смысле КГЯП, все же имели место.

В этом контексте требует более детального освещения сюжет создания и последующей деятельности КГЯП. Работа Группы была запущена в соответствии с Вашингтонской декларацией РК и США, принятой в 2023 г.²⁰⁰. Смысл декларации сводился к необходимости усилить систему расширенного сдерживания в Южной Корее, в том числе и его ядерный элемент, посредством более тесной координации двух стран в этой области. Именно с момента данных договоренностей Сеул и Вашингтон придают своему союзу статус «ядерного альянса»²⁰¹.

КГЯП, по существу, довольно сходна с НАТОвской ГЯП, хотя и не идентична ей. Заседания КГЯП проводятся дважды в год по ряду «рабочих потоков», включая, прежде всего «ядерное и стратегическое планирование», «интеграцию конвенциональных и ядерных сил» (далее – ИКЯС) и учения (пока теоретические)²⁰².

---

¹⁹⁸ Mahadzir D. Carrier USS George Washington Makes Port Visit to South Korea After Training with Japan // USNI News. 05.11.2025. URL: <https://news.usni.org/2025/11/05/carrier-uss-george-washington-makes-port-visit-to-south-korea-after-training-with-japan> (accessed: 01.03.2026).

¹⁹⁹ 54th Security Consultative Meeting Joint Communique.

²⁰⁰ Washington Declaration // U.S. Embassy & Consulate in the Republic of Korea. 27.04.2023. URL: <https://kr.usembassy.gov/042723-washington-declaration/> (accessed: 01.03.2026).

²⁰¹ 56th Security Consultative Meeting Joint Communique // U.S. Department of War. 30.10.2024. URL: <https://www.war.gov/News/Releases/Release/Article/3951794/56th-security-consultative-meeting-joint-communicue/> (accessed: 01.03.2026).

²⁰² The United States of America-Republic of Korea Nuclear Consultative Group (NCG) // U.S. Department of State. 10.01.2025. URL: <https://2021-2025.state.gov/office-of-the-spokesperson/releases/2025/01/the-united-states-of-america-republic-of-korea-nuclear-consultative-group-ncg/> (accessed: 01.03.2026).

Конкретные параметры участия РК в планировании применения американского ядерного оружия неизвестны. Ключевым ощутимым результатом работы на данном направлении можно считать принятие в 2024 г. засекреченных Руководящих принципов ядерного сдерживания и ядерных операций Республики Корея и США на Корейском полуострове²⁰³. Уместно предположить, что под совместным ядерным планированием стороны подразумевают не столько участие Сеула в определении целей предполагаемого ядерного удара США и конкретного формата его нанесения (США не делятся с союзниками этими планами)²⁰⁴, сколько координацию своего рода совместных ядерных миссий со вспомогательными функциями у южнокорейских вооруженных сил, на что и намекает концепция ИКЯС.

Командно-штабные учения в рамках ИКЯС, как было отмечено ранее, несколько конкретизировались – теперь известно, что стороны отработывают *все* варианты ответа на ядерное нападение со стороны КНДР, вплоть до, соответственно, нанесения ответного ядерного удара, где Южная Корея будет выполнять вспомогательные функции. В конкретном отношении речь идет об учениях *Iron Mace*. В последний раз они прошли весной 2025 г. и заключались, по словам американских представителей, непосредственно в «поддержке конвенциональными вооруженными силами Южной Кореи ядерных операций США как части стратегического сдерживания»²⁰⁵. Таким образом, налицо некоторая эволюция взаимодействия РК и США в консультативной плоскости – от общих дискуссий по расширенному сдерживанию стороны за последние годы перешли к фактически планированию совместных ядерных миссий. Хотя, как было показано, в рамках японо-американского союза тоже подразумеваются некоторые совместные действия Сил самообороны Японии и стратегических сил США, на столь детальном уровне их параметры, включая возможность совместных ядерных миссий, пока не разрабатывались – Южная Корея куда ближе к «практике» в этом вопросе.

Опять же, ядерный зонтик США над РК некорректно было бы рассматривать в вакууме, он имеет более широкое международное измерение. Так, в последнее время укрепляется трёхстороннее сотрудничество Сеула, Токио и Вашингтона в сфере расширенного сдерживания (в рамках Кэмп-Дэвидской декларации 2023 г.), что уже было рассмотрено ранее. Подчеркнем, что в этом смысле Трамп продолжает линию Байдена: на

---

²⁰³ Da-gyum J. S. Korea, US sign guidelines for decisive, integrated response to NK nuclear attacks // Asia News Network. 15.07.2024. URL: <https://asianews.network/s-korea-us-sign-guidelines-for-decisive-integrated-response-to-nk-nuclear-attacks/> (accessed: 01.03.2026).

²⁰⁴ Sinclair G. op. cit. P. 81.

²⁰⁵ Ji-ho Y. Exclusive: South Korea-U.S. integrated nuclear-conventional exercise 15-19th // The Chosun Daily. 12.09.2025. URL: <https://www.chosun.com/english/national-en/2025/09/12/B7V3J27ZIVGUXNHP3D2C25ASGI/> (accessed: 01.03.2026).

57-м заседании КВБ в декабре 2025 г. представители Сеула и Вашингтона подтвердили необходимость «трехстороннего сотрудничества в сфере безопасности»²⁰⁶.

Аналогично Японии, Сеул также признает «все более глубокую взаимосвязь между Индо-Тихоокеанским регионом и Евроатлантикой»²⁰⁷, однако на данный момент речь идет пока об общих политических заявлениях, но не о практическом сотрудничестве с НАТО. Наконец, в отличие от Японии, Южная Корея в меньшей степени наращивает сотрудничество с Австралией в сфере безопасности, которое пока сфокусировано в значительной степени на сфере высоких технологий и ИИ на основе двустороннего соглашения от 2021 г.²⁰⁸. Тем не менее, отметим, Сеул так или иначе подключен к общей системе альянсов Вашингтона в АТР, в рамках которой ключевая ставка делается на партнерство с РК, Японией и Австралией, а также между ними²⁰⁹.

Насколько ядерный зонтик США над Южной Кореей может быть задействован – дискуссионный вопрос. В случае нападения Пхеньяна с применением обычных вооружений у Сеула и Вашингтона, вероятно, хватит аналогичного потенциала для по меньшей мере недопущения продвижения северокорейских войск, а как максимум – реализации концепции Kill Chain. То же применимо для гипотетического нанесения превентивного удара РК по Северной Корее. Такое соображение еще в 2017 г. справедливо выдвигал Т. Рёриг²¹⁰, а к настоящему моменту проекция силы РК и США на Корейском полуострове стала еще сильнее – и соответствующие технические меры, указанные ранее в этом разделе, могут свидетельствовать именно о такой логике. С другой стороны, в случае действительного применения Пхеньяном ядерного оружия (будь то сразу, в ответ на превентивные южнокорейские удары или после неудачи наступления с обычными вооружениями), возможность нанесения неприемлемого ущерба Пхеньяну с помощью обычных вооружений, вероятно, все еще будет существовать. Не случайно в этой связи, что командно-штабные учения *Iron Mace* (в рамках концепции ИКЯС) предполагают гибкую вертикаль эскалации, где на первых этапах ответ ограничивается неядерными вооружениями, и лишь в крайнем случае наносится ядерный удар. Усиление конвенционального потенциала ВС ЮК вполне укладывается в эту концепцию гибкого

---

²⁰⁶ 57th Security Consultative Meeting Joint Communique // U.S. Department of War. 14.11.2025. URL: <https://media.defense.gov/2025/Nov/14/2003820640/-1/-1/1/57-SECURITY-CONSULTATIVE-MEETING-JOINT-COMMUNIQUE.PDF> (accessed: 01.03.2026).

²⁰⁷ United States of America–Republic of Korea Extended Deterrence Strategy and Consultation Group (EDSCG) // U.S. Department of State. 04.09.2024. URL: <https://2021-2025.state.gov/united-states-of-america-republic-of-korea-extended-deterrence-strategy-and-consultation-group-edscg-2/> (accessed: 01.03.2026).

²⁰⁸ Akhand A., Suriyasene A. Australia and South Korea: Leveraging the strategic potential of cooperation in critical technologies // ASPI. 11.12.2024. URL: <https://www.aspi.org.au/report/south-korea-and-australia-space-towards-strategic-partnership/> (accessed: 01.03.2026).

²⁰⁹ 2022 Nuclear Posture Review. P. 15.

²¹⁰ Roehrig T. op. cit. P. 185.

реагирования и, по существу, нацелено на минимизацию самой возможности ответного применения ядерного оружия, отдаление ядерного порога.

Тем не менее, даже если все неядерные опции будут исчерпаны, применение американского ядерного оружия также вряд ли автоматически последует. Как справедливо отмечает Кён Джу Чон, этот шаг будет нести в себе серьезные риски горизонтальной эскалации, то есть вступления в конфликт КНР и / или России²¹¹, что, на наш взгляд, откроет дорогу к полноценной ядерной войне и тем самым поставит под куда большую угрозу жизненно важные интересы США, нежели локальное поражение на Корейском полуострове. Поэтому усиление конвенционального измерения сдерживания с соответствующим повышением ядерного порога лежит в интересах Вашингтона. И в интересах Сеула: ведь, если на применение ядерного оружия США вряд ли пойдут в любом случае, лучше, чтобы его с большей вероятностью вообще не понадобилось применять, и все цели были достигнуты раньше. Таким образом, речь идет о том же самом хеджировании, которое мы наблюдаем и на примере японского зонтика.

Вместе с тем конвенционально сильные вооруженные силы РК здесь тоже убивают и второго зайца, поскольку в пусть и маловероятном, но все же случае принятия решения о применении американского ядерного оружия оно будет применено с большей эффективностью, и южнокорейские ВС смогут лучше выполнить свою вспомогательную роль. Причем, вероятно, сравнительно лучше по сравнению с Силами самообороны Японии в силу отсутствия у Токио столь глубокого консультационного механизма с Вашингтоном.

Вариант же активации южнокорейского зонтика в других направлениях (Китай и Россия) на современном этапе исключительно умозрительен. Представить это можно лишь после горизонтальной эскалации локальной войны на Корейском полуострове или, наоборот, втягивания Сеула в китайско-американский или российско-американский вооруженный конфликт. В этом контексте выдвигать даже предположения о том, как поведут себя США, очень затруднительно, однако очевидно, что США с большей вероятностью пойдут на применение ядерного оружия для защиты собственной безопасности (жизненно важный интерес), а не южнокорейской, тем более учитывая перспективу взаимного гарантированного уничтожения. Правда, в столь крупномасштабном конфликте провести разделительную линию между безопасностью Южной Кореи и США будет в целом проблематично.

Эволюцию ядерного зонтика США над РК в последние годы в части расширения участия Сеула в обсуждении вопросов ядерного планирования и применения ядерного

---

²¹¹ Jeon K.-j. *op. cit.* P. 66.

оружия можно объяснить несколькими факторами. Во-первых, за последние годы ситуация в сфере безопасности на Корейском полуострове (и в целом в регионе Северо-Восточной Азии) объективно ухудшилась. Более интенсивное взаимодействие Сеула и Вашингтона в ядерном измерении, как и в целом, в этом контексте имеет вполне военный смысл – повысить внешнюю убедительность американского расширенного сдерживания на полуострове, то есть лишний раз просигнализировать Пхеньяну о том, что в случае попыток изменения статус-кво он неизбежно понесет неприемлемый ущерб.

Более того, аналогично Японии, Южная Корея в указанных условиях стремилась лишний раз подтвердить прочность общих союзных обязательств США (включая и ядерные, конечно, но не только), а диалог по (ядерному) сдерживанию в этой связи является удобной лакмусовой бумажкой. Все больше интегрируясь в ядерное и в целом военное планирование Вашингтона и множество двусторонних форматов, Сеул в то же время стремился и продолжает стремиться опутать своего союзника как можно большим числом обязательств и условий (так называемый *entanglement*), чтобы тому было максимально трудно отойти от дел на Корейском полуострове и в кризисной ситуации закрыть глаза на «бумажные» гарантии²¹². Иными словами, речь идет о политике перестраховки (*reassurance*), то есть повышении внутренней убедительности и всего союза, и ядерного зонтика как его части. Даже если ядерный зонтик никогда не планируется применить всерьез, его конец существенно усилит чувство уязвимости в обществе и элитах Южной Кореи, вызовет страхи полного отдаления Вашингтона от своего союзника, а отсюда – откроет дорогу к ядерному распространению.

Вашингтону, опять же, выгодно идти на ядерное сближение с Сеулом не только с той точки зрения, что оно повышает внешнюю убедительность расширенного ядерного сдерживания в регионе. Соображения поддержания общей убедительности всей архитектуры американских военных союзов играют не менее значимую роль, равно как и уже указанные соображения нераспространения. Причем, учитывая, что Южная Корея является одним из первых кандидатов на приобретение собственного ядерного оружия, располагая наряду с Японией внушительной ядерной латентностью (хотя Токио скован куда большим числом законодательных и ценностных барьеров)²¹³, и ее население активно выступает в поддержку такого решения, Вашингтон вынужден идти на относительно более щедрые шаги, чем применительно к Японии. Этим, как видится, – помимо более непосредственной угрозы безопасности РК – можно объяснить возникновение КГЯП

---

²¹² Селезнева Д.А. *op.cit.* С. 80.

²¹³ Заключение // Новая ядерная девятка? Оценка угроз распространения ядерного оружия в мире. Доклад. Издание 2-е (исправленное и дополненное) / Ред. В.А. Орлов, С.Д. Семенов. М.: ПИР-Пресс, 2023. С. 201.

именно в рамках американо-южнокорейского, а не -японского, альянса. Цена обеспечения внутренней убедительности здесь выше, а вероятность «ядерного выбора» ЮК в случае закрытия ядерного зонтика – сравнительно больше.

Как итог, мы вновь сталкиваемся с ситуацией, когда ядерный зонтик существует и развивается, но все равно отличается незначительной внешней и внутренней убедительностью. Тем не менее, Сеул и Вашингтон скорее будут удовлетворены даже самой минимальной уверенностью своих оппонентов (и прежде всего Пхеньяна) в сценарии применения американского ядерного оружия в случае вооруженного конфликта, нежели ее полным отсутствием – при всей могущественности конвенциональной проекции силы альянса в регионе.

2.3. Австралия

В контексте австралийской итерации американского ядерного зонтика можно также выделить четыре основных доктринальных опоры. Ключевыми источниками здесь, помимо американских официальных документов, являются на данном этапе Стратегический обзор обороны 2023 г., Стратегия национальной обороны 2024 г., а также в пресс-релизах и совместных заявлениях таких двусторонних форматов, как Стратегический политический диалог (далее – СПД), Диалог по оборонной политике и стратегии США и Австралии (далее – ДОПС) а также двусторонние министерские консультации (далее – МК).

Во-первых, отметим, что существование американского ядерного зонтика подтверждается преимущественно в национальных документах Австралии, в то время как в рамках двусторонних форматов и в документах США однозначных указаний на это нет. В Стратегическом обзоре обороны, к примеру, постулируется: «Нашей лучшей защитой от риска ядерной эскалации является расширенное ядерное сдерживание со стороны США <...>»²¹⁴. Слово в слово эта формулировка повторяется в Стратегии национальной обороны²¹⁵. Американская же сторона использует менее однозначные формулировки: в Обзоре ядерной политики, к примеру, Австралия упоминается наряду с Японией и Южной Кореей как важный партнер в «диалоге по расширенному сдерживанию»²¹⁶, и обязательства по непосредственной защите Канберры с использованием всех средств можно вывести лишь из общего указания на способность и волю США защитить своих союзников.

---

²¹⁴ Defense Strategic Review 2023 // Australian Government. 2023. P. 7. URL: https://www.wa.gov.au/system/files/2023-11/defence_strategic_review.pdf (accessed: 01.03.2026).

²¹⁵ National Defense Strategy 2024 // Parliament of Australia. 2024. P. 14. URL: https://www.aph.gov.au/Parliamentary_Business/Tabled_Documents/7030 (accessed: 01.03.2026).

²¹⁶ 2022 Nuclear Posture Review. P. 15.

Впрочем, в Обзоре ядерной политики и Япония, и Южная Корея иначе не упоминаются, однако если в случае этих двух стран обязательства США конкретизируются и подтверждаются в двусторонних форматах, то в случае Австралии эти форматы никак не упоминают расширенное ядерное сдерживание или ядерный зонтик. Однако мы склонны согласиться с австралийским исследователем П. Дином в том, что ядерный зонтик США над Австралией все же имеет место, несмотря на такую особенную (полу-одностороннюю) форму констатации его существования²¹⁷.

Во-вторых, ядерный зонтик США над Австралией, согласно самой Канберре, направлен на сдерживание ядерных угроз и ответ на них. Так, в приведенных ранее положениях Стратегического обзора обороны и Стратегии национальной обороны Австралии расширенное ядерное сдерживание помещается в контекст риска ядерной эскалации, а другие возможные угрозы опускаются. Даже оперирование Канберрой термином «расширенное ядерное сдерживание» вместо просто «расширенного сдерживания» можно трактовать как демонстрацию особого фокуса на ядерных угрозах. С одной стороны, здесь можно обнаружить противоречие с самой ядерной доктриной США, ведь жизненно важные интересы Австралии, в теории, могут быть поставлены под вопрос и без ядерного нападения, а в таком случае Вашингтон тоже оставляет за собой право применения ядерного оружия. С другой стороны, как справедливо отмечает Р. Лайон, отсутствие указания на угрозы другого характера не означает, что ядерный зонтик их в принципе не касается – скорее, речь идет о сравнительно большем внимании к ядерному измерению, но не более²¹⁸. Нет никакого фиксированного отказа от ядерной защиты США в отношении угроз неядерного характера. Тем не менее, даже в таком случае стоит отталкиваться от того, что замалчивание других угроз в контексте ядерного сдерживания также является индикатором, а следовательно, на данный момент речь идет все-таки о ядерном измерении.

В-третьих, Канберра занимает неоднозначную позицию касательно субъектов ядерных угроз и, соответственно, объектов ядерного сдерживания. Характерно в этой связи следующее положение Стратегии национальной обороны: «Россия, Китай и Северная Корея создают все более разнообразные и совершенные ядерные арсеналы, в то время как Иран продолжает нарушать свои обязательства в ядерной сфере. Перед лицом возрастающего риска ядерной эскалации наилучшей защитой для Австралии является расширенное ядерное сдерживание со стороны США <...>»²¹⁹. То есть, с одной стороны,

---

²¹⁷ Dean P.J., Frühling S., O'Neil A. op. cit. P. 28.

²¹⁸ Lyon R. DWP 2016 and extended nuclear deterrence.

²¹⁹ National Defense Strategy 2024. P. 14.

ситуация в сфере безопасности (в частности, в ядерном измерении) ухудшается, но, с другой стороны, Канберра не считает, что она сталкивается с непосредственными ядерными угрозами со стороны названных выше государств. При этом сравнительно более критически оценивается все-таки политика КНР в «Индо-Тихоокеанском регионе», которая помещается в рамки общего соперничества Вашингтона и Пекина²²⁰.

Наконец, *в-четвертых*, при содействии США Австралия также делает ставку на усиление конвенционального потенциала своих вооруженных сил в рамках доктрины «сдерживания воспрещением»²²¹. Соответственно, приоритет отдается дальнобойным вооружениям и усилению соответствующей «проекции силы»²²². Конкретные принимаемые в этой связи меры рассматриваются далее.

Примечательно, что общественные настроения в Австралии отличаются тоже своего рода «ядерной аллергией» – около 70% населения выступают против приобретения Австралией собственного ядерного оружия, несмотря на хороший технический задел на этом поприще. Более того, примерно такая же поддержка характерна для перспективы вступления Австралии в ДЗЯО²²³. Хотя это не определяет непосредственным образом позиции Канберры по ядерным вопросам, определенные ограничительные рамки разумного все же устанавливаются.

Ядерный зонтик США над Австралией отличается наименьшим практическим содержанием по сравнению с остальными американскими зонтиками. СПД – подобие диалогам по расширенному сдерживанию, возникшим на рубеже 2000-2010-х гг. на японском и южнокорейском направлениях – был учрежден только в 2019 г.²²⁴. Заседания этого формата проходят ежегодно и затрагивают общие вопросы расширенного сдерживания и сотрудничества США и Австралии в сфере политики безопасности, без проведения каких-либо командно-штабных учений, подобных южнокорейским или японским, и тем более совместного ядерного планирования. Естественно, что еще более общие форматы, такие как ДОПС и МК, не занимаются в деталях вопросами сдерживания и американского ядерного зонтика. На данном этапе соответствующий диалог сводится к «обсуждению стратегических подходов к обороне в Индо-Тихоокеанском регионе»²²⁵.

---

²²⁰ Ibid. P. 11.

²²¹ Defense Strategic Review 2023. P. 37.

²²² National Defense Strategy 2024. P. 29.

²²³ New Poll: Two-thirds of Australians want to sign the nuclear weapon ban // ICAN Australia. 06.08.2025. URL: <https://icanw.org.au/poll-2025/> (accessed: 01.03.2026).

²²⁴ Australia-U.S. Strategic Policy Dialogue // U.S. Department of State. 22.11.2022. URL: <https://2021-2025.state.gov/australia-u-s-strategic-policy-dialogue/> (accessed: 01.03.2026).

²²⁵ 2024 U.S.-Australia Defense Policy and Strategy Talks // U.S. Department of War. 23.05.2024. URL: <https://www.war.gov/News/Releases/Release/Article/3786786/2024-us-australia-defense-policy-and-strategy-talks/> (accessed: 01.03.2026).

Тем не менее, сотрудничество в сфере укрепления конвенционального потенциала ВС Австралии и усиления передового присутствия США в последние годы интенсифицировалось в рамках двусторонней «инициативы по развитию вооруженных сил» (Force Posture Initiative), запущенной в 2019 г.²²⁶. Наиболее значимым шагом, на наш взгляд, является достигнутая в 2022 г. договоренность о постоянном базировании шести конвенционально оснащенных стратегических бомбардировщиков В-52 ВВС США на авиабазе Тиндал (север Австралии)²²⁷; точные сроки развертывания пока неизвестны. Таким образом, Тиндал станет второй авиабазой, где постоянно дислоцируются В-52, вслед за Фэрфордом (Великобритания). Правда, важно отметить, что и до этого В-52 на ротационной основе развертывались на данной авиабазе, участвовали в учениях, а также совершали демонстративные пролеты, подобно японскому и южнокорейскому случаям. Поэтому данное решение не представляет собой радикальную перемену ситуации в сфере безопасности в регионе.

Помимо учений совместно со стратегической авиацией США, Австралия также участвует в ряде других учений, наиболее значимыми из которых являются проводимые раз в два года общевооруженные учения *Talisman Sabre* (последние на данный момент прошли в 2025 г.)²²⁸. В данных учениях задействуются все виды вооруженных сил, причем участвуют не только ВС Австралии и США, но и контингенты других стран, включая Южную Корею, Японию и государства-члены НАТО. Вновь отметим, что складывается формат трехсторонних учений ВВС Японии, США и Австралии с использованием F-35 *Cope North*. В первый раз эти маневры прошли в 2025 г. на Гуаме, в 2026 г. планируется их проведение на территории Австралии²²⁹. Так или иначе, вся архитектура военных учений, в которых участвует Канберра, не касается ядерного измерения. Не имеют место и командно-штабные учения по вопросам применения ядерного оружия и сценариев ответа на ядерное нападение.

Усиление ударных возможностей ВС Австралии реализуется, помимо закупок – и уже владения – Канберрой F-35, посредством программы ракеты наземного базирования *Precision Strike Missile* (PrSM). Еще в 2021 г. две страны договорились о совместной

---

²²⁶ Dean P.J., Frühling S., O’Neil A. op. cit. P. 31.

²²⁷ Jackson L., Jose R. U.S. plans to deploy B-52s to north Australia amid China tensions – source // Reuters. 31.10.2022. URL: <https://www.reuters.com/world/us-plans-deploy-b-52-bombers-australias-north-abc-report-2022-10-30/> (accessed: 01.03.2026).

²²⁸ *Talisman Sabre* // Australian Government. Defense. URL: <https://www.defence.gov.au/defence-activities/exercises/talisman-sabre> (accessed: 01.03.2026).

²²⁹ Exercise Cope North 25 debuts trilateral F-35 training in Guam // Australian Government. Defense. 10.02.2025. URL: <https://www.defence.gov.au/news-events/releases/2025-02-10/exercise-cope-north-25-debuts-trilateral-f-35-training-guam> (accessed: 01.03.2026).

разработке ракеты класса «поверхность-поверхность» дальностью до 400 км²³⁰; в 2025 г. было заключено дополнительное соглашение, конкретизировавшее участие оборонной промышленности Австралии в проекте, а также параметры использования Канберрой этой системы вооружений²³¹. На 2026 г. на территории Австралии запланированы испытания боеприпасов *Increment 4* для *PrSM*, ныне находящихся в разработке и имеющих потенциал для поражения целей на расстоянии до 1000 км²³².

Наконец, нельзя обойти стороной образование в 2021 г. альянса *AUKUS*, в рамках которого Канберра получит доступ к конвенционально оснащенным АПЛ. Однако смысл *AUKUS* более широкий и заключается в том числе в доступе оборонной промышленности Австралии к передовым американским технологиям, а также созданию обеспечивающей логистической инфраструктуры, которой смогут пользоваться в том числе США в рамках «комбинированных военных операций» в Индо-Тихоокеанском регионе²³³.

Подчеркнем, что Австралия активно налаживает на политическом уровне связи с Японией (в рамках указанных в соответствующем разделе соглашений) и в сравнительно меньшей степени с Южной Кореей. Такое положение дел вписывается в попытки США оформить новую четырехстороннюю архитектуру (своего рода Quad 2.0.) в АТР, что закреплено в Обзоре ядерной политики и других доктринальных документах Вашингтона.

С точки зрения непосредственно расширенного ядерного сдерживания, на данный момент наиболее значимым направлением сотрудничества Канберры и Вашингтона являются Совместные объекты на севере Австралии, и прежде всего в Пайн Гэп, где в последние годы США совместно с Австралией провели существенную модернизацию разведывательных систем. В частности, были возведены дополнительные радиолокационные антенны и качественно улучшены возможности по сбору данных о пусках баллистических ракет и отслеживанию их полета²³⁴. Подчеркнем, что объекты контролируются Вашингтоном, но Канберра имеет «полное знание» об их функционировании.

---

²³⁰ Australia and US partner to spearhead precision strike missile capability // Australian Government. 12.08.2021. URL: <https://www.minister.defence.gov.au/media-releases/2021-08-12/australia-us-partner-spearhead-precision-strike-missile-capability> (accessed: 01.03.2026).

²³¹ Australia signs long-range precision strike missile agreement with the United States // Australian Government. 06.06.2025. URL: <https://www.minister.defence.gov.au/media-releases/2025-06-06/australia-signs-long-range-precision-strike-missile-agreement-united-states> (accessed: 01.03.2026).

²³² Lockheed confirms PrSM Increment 4 flight testing in Australia next year // Defense Connect. 10.11.2025. URL: <https://www.defenceconnect.com.au/land/17164-lockheed-confirms-prsm-increment-four-flight-testing-in-australia-next-year> (accessed: 01.03.2026).

²³³ Dean P.J., Frühling S., O'Neil A. op. cit. P. 30.

²³⁴ Pine Gap's secret expansion // ICAN Australia. 15.06.2024. URL: <https://icanw.org.au/pine-gaps-secret-expansion/> (accessed: 01.03.2026).

Определить, насколько «работает» ядерный зонтик США над Австралией – в смысле и сдерживания потенциальных соперников, и вероятности применения ядерного оружия – особенно затруднительно в силу двух основных соображений. С одной стороны, географически удаленная от предполагаемых театров военных действий Австралия, по сравнению с другими «подзонтичными» союзниками США, в наименьшей степени подвержена прямой военной (и ядерной) угрозе. Во-вторых, что тоже связано с относительно низким уровнем угрозы, австралийский кейс отличается наименьшей формализацией ядерного зонтика, а следовательно, недостаточной проработкой двумя союзниками сценариев применения ядерного оружия.

Потенциальное вовлечение Австралии в военный конфликт в АТР наиболее вероятно в случае начала общего конфликта США с КНР, КНДР или Россией, причем именно китайский вариант сравнительно более убедителен. В любом из указанных случаев Австралия будет находиться на второй «линии обороны» (вместе со второй «цепью островов»), в то время как Южная Корея и Япония – на первой. В связи с этим представить ситуацию, когда участие Канберры в военных действиях против Пекина (наиболее вероятный вариант в военном планировании союзников) приведет к угрозе ее *жизненно важным интересам*, обосновывающей право применения американского ядерного оружия, довольно проблематично. Тем более, что с доктринальной точки зрения сделан исключительный упор на противодействие ядерным угрозам. В этом контексте упор на конвенциональное сдерживание, подобно японскому и южнокорейскому случаю, позволяет усилить промежуточное измерение в лестнице эскалации и дополнительно повысить ядерный порог.

Таким образом, ядерный зонтик США над Австралией отличается малой внутренней (в силу низкой формализации) и внешней (в силу самого стратегического положения Австралии и доктринальных аспектов) убедительностью. Применение американского ядерного оружия для защиты Австралии все так же упирается в соображения целесообразности (учитывая усиление конвенциональной проекции силы), уязвимости (насколько США будут считать неизбежным ответный удар) и сравнительной критичности интересов США и их оппонента/оппонентов в конкретном конфликте (на какие максимальные потери США будут готовы пойти ради защиты союзника и победы в войне). На данный момент конstellация этих факторов скорее такова, что вероятность ядерного удара США ради австралийского союзника маловероятна.

Даже если представить фантастическую ситуацию, когда по Австралии будет нанесен первый ядерный удар, ядерный ответ последует совершенно не автоматически. Здесь, правда, необходимо учитывать стратегическую важность Австралии (Совместных

объектов) для функционирования самих стратегических ядерных сил США. Как видится, угроза потери или разрушения Совместных объектов (особенно в Пайн Гэп) с относительно большей вероятностью будет восприниматься в Вашингтоне как основание для ядерного ответа, нежели защита самого австралийского союзника.

Тем не менее, в силу специфики ядерного сдерживания (даже малая вероятность активации ядерных гарантий играет роль), соображений сохранения режима ядерного нераспространения и поддержания убедительности американских военных союзов ядерный зонтик США над Австралией продолжает иметь смысл в глазах и Канберры, и Вашингтона. Обострение ситуации в сфере безопасности в АТР способно повлиять на его дальнейшее развитие. Иллюстративно в данной связи, что австралийские эксперты допускают перспективу усиления координации США и Австралии по ядерным вопросам вслед за Японией и Южной Кореей²³⁵.

2.4. НАТО

Для понимания основ американского (и не только) ядерного зонтика над странами НАТО, помимо эмпирики, необходимо обратиться к ряду доктринальных документов. В рамках Альянса двумя такими актуальными документами являются Обзор сдерживания и обороны 2012 г. и Стратегическая концепция НАТО 2022 г. Кроме того, помимо упомянутых ранее документов США в сфере ядерного сдерживания, необходимо обратить особое внимание аналогичные документы Франции и Великобритании. В случае Франции на современном этапе речь идет о Национальном стратегическом обзоре 2025 г., а в случае Великобритании – Стратегический обзор обороны 2025 г.

Ядерная доктрина альянса, в том числе в части расширенного ядерного сдерживания, претерпела минимальные изменения с момента ее оформления во время Холодной войны²³⁶. *Первым* и ключевым ее элементом является совместное и ставшее клише признание того, что ядерные вооружения США, Франции и Великобритании представляют собой «высшую гарантию безопасности союзников [по НАТО]» и что «до тех пор, пока существует ядерное оружие, НАТО останется ядерным союзом»²³⁷. В то же время, разумеется, подчеркивается «исключительный» характер обстоятельств, которые обусловили бы применение ядерного оружия, и что такое применение «фундаментально изменит природу конфликта».

---

²³⁵ Dean P.J., Frühling S., O'Neil A. op. cit. P. 31.

²³⁶ Rynning S. op. cit. P. 74.

²³⁷ Deterrence and Defence Posture Review // NATO. 20.05.2012. URL: <https://www.nato.int/en/about-us/official-texts-and-resources/official-texts/2012/05/20/deterrence-and-defence-posture-review> (accessed: 01.03.2026).

Во-вторых, подчеркнем, что НАТОвский формат ядерного зонтика предполагает наличие сразу трех ядерных государств, которые участвуют в этой системе расширенного ядерного сдерживания. Естественно, во главу угла ставятся стратегические ядерные силы США, но и «независимые стратегические ядерные силы Соединенного Королевства и Франции, имея собственную сдерживающую роль, вносят вклад в общую функцию сдерживания и в обеспечение безопасности стран НАТО»²³⁸. При этом, как было упомянуто в предыдущей главе, ядерная доктрина Франции закрепляет пока во многом умозрительные ядерные гарантии для европейских союзников, ограничиваясь лишь оговоркой о том, что французское ядерное сдерживание всегда «играет европейскую роль». Однако имеет место тенденция по конкретизации этих гарантий (см. далее). Великобритания же открыто увязывает деятельность собственных сил ядерного сдерживания с соображениями обороны и сдерживания в рамках НАТО. Более того, оба европейских ядерных государства признают, что угроза жизненно важным интересам одного из них будет означать аналогичную угрозу собственным жизненно важным интересам²³⁹, то есть, в теории, распространяют ядерный зонтик друг на друга.

Таким образом, исходя из доктринальных положений, ядерный зонтик в рамках НАТО является многоуровневой системой. Первичное значение имеют американские ядерные гарантии, касающиеся всех союзников по НАТО. Британские силы ядерного сдерживания также направлены на защиту всех союзников по НАТО, включая и самих США. Наконец, французское ядерное сдерживание «по букве» направлено в том числе на обеспечение безопасности европейских союзников Парижа. Подчеркнем, что именно европейских – США и Канада в такой формулировке не подразумеваются. Причем никогда конкретизировалось, имеет ли в виду Париж именно союзников по НАТО в Европе, или же по ЕС (хотя различия в конкретном наборе стран здесь незначительны).

В-третьих, ядерный зонтик в рамках НАТО основан на развитом консультативном механизме по ядерным вопросам (Группе ядерного планирования, далее – ГЯП), а также на институте совместных ядерных миссий (далее – СЯМ) с применением развернутого на территории ряда европейских государств американского ядерного оружия, то есть речь идет не только о стратегических ядерных силах Вашингтона как несущей конструкции данного зонтика. Как отмечается в Стратегической концепции, «ядерное сдерживание НАТО также

---

²³⁸ NATO 2022 Strategic Concept // NATO. 29.06.2022. P. 8. URL: <https://www.nato.int/content/dam/nato/webready/documents/publications-and-reports/strategic-concepts/2022/290622-strategic-concept.pdf> (accessed: 01.03.2026).

²³⁹ Strategic Defense Review. Making Britain Safer: secure at home, strong abroad // Ministry of Defence. 2025. P. 99. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/media/683d89f181deb72cce2680a5/The_Strategic_Defence_Review_2025_-_Making_Britain_Safer_-_secure_at_home_strong_abroad.pdf (accessed: 01.03.2026).

полагается на передовом развертывании ядерного оружия США в Европе и вклад соответствующих союзников»²⁴⁰.

В-четвертых, альянс не сводит функцию расширенно ядерного сдерживания к противодействию лишь ядерным угрозам. Упомянутое ранее указание на «исключительность» обстоятельств для применения ядерного оружия в этой связи можно интерпретировать неоднозначно. По духу этот тезис намекает на то, что ядерное оружие скорее всего будет применено в ответ на ядерную угрозу или применение ядерного оружия противником. По букве, однако, данные слова означают, что не только ядерное нападение или его угроза, но и другие обстоятельства (в том числе неблагоприятный баланс сил в конфликте с использованием обычных вооружений) также можно считать основанием для применения ядерного оружия. Вторая трактовка вполне укладывается в ядерные доктрины США, Франции и Великобритании с соответствующими положениями о защите «жизненно важных» интересов как основании применения ядерного оружия.

В-пятых, с точки зрения объектов ядерного сдерживания доктрина НАТО вполне однозначна: на данный момент речь идет о России, которая воспринимается как «наиболее значимая и непосредственная угроза» для безопасности членов альянса, не в последнюю очередь по причине «модернизации своих ядерных сил» и «ядерного запугивания»²⁴¹. В Стратегической концепции присутствуют указания на опасные амбиции и усиление военных (в том числе ядерных) потенциалов других государств, таких как КНР, КНДР и Иран, однако речи о непосредственной угрозе и необходимости соответствующего сдерживания, как в случае с Россией, речи все же не идет.

Наконец, *в-шестых*, для НАТОвского ядерного зонтика также характерны акценты на «разделении бремени» и интеграции как ядерных, так и неядерных средств в общую концепцию сдерживания – вполне в духе американского подхода к сдерживанию (и не только администрации Трампа). В доктринальных документах на то имеется вполне прямое указание: «Потенциал НАТО в области сдерживания и обороны основан на надлежащем сочетании ядерных и обычных сил и средств, а также сил и средств противоракетной обороны, дополненных космическими и кибернетическими средствами»²⁴².

На практике ядерный зонтик в рамках НАТО отличается наиболее проработанным механизмом принятия решений о применении и непосредственного применения ядерного оружия. Он включает в себя три уровня: высший политический (лидеры США, Франции и

---

²⁴⁰ NATO 2022 Strategic Concept. P. 8.

²⁴¹ Ibid. P. 4.

²⁴² Ibid. P. 6.

Великобритании), консультативный (ГЯП) и технический (непосредственное применение ядерного оружия).

В теории в случае кризиса именно в рамках ГЯП должна быть выработана консенсусная позиция по вопросу применения ядерного оружия – в данном случае речь идет о «выраженном политическом одобрении» такого применения; вслед за этим предполагается санкция руководства США и (или) Великобритании на такое применение²⁴³. Только после этого оно действительно осуществляется. В случае СЯМ в применении ядерного оружия участвуют в том числе неядерные государства, на территории которых размещено ядерное оружие, (посредством предоставления боевой авиации двойного назначения или выполнения вспомогательных функций), а руководство проведением таких операций находится в ответственности Главнокомандующего объединенными силами в Европе²⁴⁴. Подчеркнем, что Франция не участвует в ГЯП.

Важно отметить, что задачи ГЯП многообразны, и в мирное время ее ключевая роль заключается в совместной выработке ядерной доктрины альянса, в том числе в тесной координации по вопросам планирования применения ядерного оружия²⁴⁵, хотя ее конкретные параметры не уточняются в открытом доступе – как видится, в русле политики «стратегической двусмысленности». Уместно предположить, что именно эти консультативные функции на практике являются основными, поскольку, как справедливо отмечает Х. Кристенсен, в случае кризиса и цейтнота в рамках ГЯП вряд ли может быть достигнут консенсус по такому чувствительному вопросу, как применение ядерного оружия, и вряд ли Вашингтон и Лондон смогут найти время для таких консультаций, когда дело будет касаться их непосредственной безопасности и суверенитета²⁴⁶.

Хотя ГЯП в теории касается всех вопросов, связанных с ядерной доктриной и применением ядерного оружия в рамках НАТО, она во многом сфокусирована на организации и санкционировании СЯМ, на практике которых необходимо остановиться подробнее. НАТО определяет этот формат как «ядерные средства, авиация и инфраструктура, предоставляемые рядом стран НАТО для коллективной обороны всех»²⁴⁷.

В рамках СЯМ американское ядерное оружие (суммарно около 100 термоядерных бомб В61) достоверно размещено на 6 базах ВВС на территории 5 стран НАТО – Нидерландов, Бельгии, Германии, Италии (2 базы) и Турции. Управление данным

---

²⁴³ Kristensen H. et. al. (2023). op. cit. P. 399.

²⁴⁴ Mattelaer A. op. cit. P. 129.

²⁴⁵ Nuclear Planning Group (NPG) // NATO. 09.05.2022. URL: <https://www.nato.int/en/about-us/organization/nato-structure/nuclear-planning-group-npg> (accessed: 01.03.2026).

²⁴⁶ Kristensen H. et. al. (2023). op. cit. P. 399.

²⁴⁷ NATO's Nuclear Sharing Arrangements // NATO. 2022. URL: https://www.nato.int/content/dam/nato/legacy-wcm/media_pdf/2022/2/pdf/220204-factsheet-nuclear-sharing-arrangements_en.pdf (accessed: 01.03.2026).

боезапасом осуществляется на основе нескольких типов двусторонних соглашений между США и принимающей страной, таких как Соглашение о сотрудничестве в атомной сфере, Соглашение о запасах ядерного оружия и Соглашение об обслуживании²⁴⁸.

В 2025 г. в ряде СМИ также появились сведения о размещении американского ядерного оружия на территории Великобритании²⁴⁹. Хотя на официальном уровне это не было подтверждено, факт модернизации под возможное хранение ядерных боеприпасов базы Королевских ВВС Лейкенхит, начавшейся еще при президентстве Байдена²⁵⁰, позволяет отнестись к этой информации с высокой степенью доверия.

Что делает совместные ядерные миссии *совместными*? Прежде всего, это техническое участие боевой авиации стран, на территории которых расположено американское ядерное оружие, в его применении. Для этого, во-первых, необходимо одобрение ГЯП и санкция руководства США. Затем на соответствующей авиабазе деактивируется защитная система PAL (Permissive Action Link), препятствующая применению ядерного оружия в обход санкции США. На техническом уровне для деактивации PAL необходимо ввести шести- или двенадцатизначный код, причем в случае провала попытки ввода кода деактивируется уже само ядерное оружие²⁵¹. После успешной деактивации PAL контроль над ядерным оружием фактически переходит к пилоту самолета-носителя, и именно он технически осуществит сброс ядерной бомбы в соответствии с решением и конкретными планами США. Германские исследователи применительно к ФРГ более просто, но емко охарактеризовали этот механизм: «Пилоты Luftwaffe доставят эти [ядерные] бомбы к назначенным целям и сбросят их там»²⁵².

На данный момент для проведения таких операций с бомбами B61 сертифицирован ряд боевых самолетов двойного назначения, включая, прежде всего, F-15E, F-16C/D, F-16MLU, PA-200 Tornado и F-35A. За исключением Турции, все страны, на территории которых расположено ядерное оружие, уже располагают или приняли решение о закупке F-35A (последней, в 2022 г., это сделала Германия). Отметим, что в кризисной ситуации в доставку американского НСЯО может быть вовлечена также Греция, которая поддерживает в состоянии боеготовности свою авиацию двойного назначения (F-16)²⁵³. Однако на данный момент на ее территории не расположено ядерное оружие.

---

²⁴⁸ Kristensen H. et. al. (2023). op. cit. P. 393.

²⁴⁹ США разместили несколько ядерных бомб в Великобритании, пишут СМИ // РИА Новости. 21.07.2025. URL: <https://ria.ru/20250721/bomby-2030414641.html> (дата обращения: 01.03.2026).

²⁵⁰ Kristensen H. et. al. (2023). op. cit. P. 399.

²⁵¹ Ibid. P. 395.

²⁵² Kunz B., Kühn U. German Musings About a Franco-German or German Bomb // Germany and Nuclear Weapons in the 21st Century: Atomic Zeitenwende? / U. Kühn (Ed.) Abingdon: Routledge, 2024. P. 113.

²⁵³ Kristensen H. et. al. (2025). op. cit. P. 495.

СЯМ также не предполагает применения развернутого в Европе американского ядерного оружия исключительно соответствующими неядерными государствами. ВВС США (в том числе стратегические бомбардировщики) также могут использовать это оружие. Так, применение размещенных на авиабазах Авиано (Италия) и Инджирлик (Турция) ядерных боеприпасов отведено США, а не национальным ВВС²⁵⁴.

В 2025 г. Великобритания на официальном уровне также заявила о покупке двенадцати способных нести ядерное оружие F-35A, размещении их на авиабазе Мархэм и намерении присоединиться к СЯМ²⁵⁵. В случае Турции, правда, американские ВВС несколько ограничены, поскольку Анкара запрещает постоянное базирование необходимой авиации США на авиабазе Инджирлик, где размещено ядерное оружие. Ротационного присутствия это, естественно, не касается. В любом случае, важно понимать, что СЯМ предполагают предоставление неядерными государствами не только боевой авиации двойного назначения, но и инфраструктуры.

Более того, к системе СЯМ подключаются (но, строго говоря, не входят) также неядерные государства, которые предоставляют свои ВВС для поддержки применения ядерного оружия, но не для его непосредственного применения. Иными словами, СЯМ – это и про сопровождение и защиту условного нидерландского F-35, оснащенного B61, конвенционально оснащенным польским F-35. Отработка СЯМ проводится в рамках ежегодных учений *Steadfast Noon*, в которых участвуют стратегические бомбардировщики США наряду с боевой авиацией двойного назначения и истребителями европейских государств. Последние такие учения прошли осенью 2025 г., в них приняло участие 14 государств²⁵⁶.

Функции конвенциональной поддержки совместных ядерных миссий реализуются в рамках концепции «конвенциональной поддержки ядерных миссий» (Conventional Support to Nuclear Operations, CSNO), ранее известной как SNOWCAT (Support to Nuclear Operations With Conventional Air Tactics) и отрабатываемой в рамках *Steadfast Noon*. В CSNO участвуют Великобритания, Румыния, Греция, Польша, Дания, Чехия, Финляндия (с 2023 г.) и Швеция (с 2024 г.).

Стоит отметить, что НАТО делает значительную ставку на СЯМ, и в последние годы налицо ряд усилий, направленных на усиление эффективности этого формата. Так,

---

²⁵⁴ Ibid. P. 497-498.

²⁵⁵ UK to purchase F-35As and join NATO nuclear mission as Government steps up national security and delivers defence dividend // Gov.UK. 24.06.2025. URL: <https://www.gov.uk/government/news/uk-to-purchase-f-35as-and-join-nato-nuclear-mission-as-government-steps-up-national-security-and-delivers-defence-dividend> (accessed: 01.03.2026).

²⁵⁶ NATO Annual Exercise, Steadfast Noon // NATO Allied Air Command. 20.10.2025. URL: <https://ac.nato.int/archive/2025-2/nato-annual-nuclear-exercise--steadfast-noon> (accessed: 01.03.2026).

модернизируются авиабазы стран-участников СЯМ, на которых размещено ядерное оружие²⁵⁷. Речь идет в том числе об уже упомянутой базе ВВС Великобритании Лейкенхит, на которой летом 2025 г. предположительно уже было размещены американские термоядерные бомбы; кроме того, решение о закупке дополнительных F-35 и их базировании на другой базе Королевских ВВС, Мархэм, указывает на возможность размещения американского оружия в Великобритании сразу на двух объектах. Однако, авиабазу Мархэм необходимо существенно модернизировать для хранения В61, на что может уйти около десяти лет²⁵⁸. Вероятно, в итоге Королевским ВВС будет отведено применение ядерных боеприпасов, расположенных на авиабазе Мархэм, а американское НСЯО на базе Лейкенхит будет отведено ВВС США, подобно ситуации с двумя базами в Италии. На данный момент, соответственно, Лондон подключен к СЯМ пока в силу размещения американского НСЯО на авиабазе Лейкенхит и участия в CSNO.

Отметим, что на данный момент хранилища ядерных боеприпасов на авиабазах стран-участников СЯМ заполнены не полностью, что открывает возможность и количественного наращивания американского ядерного присутствия в Европе (помимо возвращения ядерных боеприпасов в Великобританию).

Сам ядерный арсенал США в Европе также качественно обновляется: в 2022 г. Вашингтон объявил о намерении развернуть на соответствующих авиабазах улучшенные бомбы В61-12, и это развертывание на данный момент завершено²⁵⁹. Собственно, именно для такого шага проводилась модернизация самих авиабаз стран-участников СЯМ. Наконец, нельзя не подчеркнуть и модернизацию носителей этих бомб, и в частности закупки всеми странами-участниками СЯМ, на территории которых размещено ядерное оружие, F-35А, и их размещение на соответствующих авиабазах. Так, в 2024 г. первые F-35А (в составе национальных, а не американских ВВС) были размещены на авиабазе Волкель в Нидерландах²⁶⁰, а в 2025 г. – на авиабазе Геди в Италии²⁶¹. В 2027 г. запланировано начало развертывания приобретенных F-35А на авиабазах Кляйне-Брогель

---

²⁵⁷ См. об этом: Kristensen H. et. al. (2025).

²⁵⁸ Kristensen H. et. al. (2025). P. 499.

²⁵⁹ Ibid. P. 495.

²⁶⁰ F-35 to take over nuclear role of the Netherlands within NATO from F-16 // Ministry of Defense. 30.05.2024. URL: <https://english.defensie.nl/latest/news/2024/05/30/f-35-to-take-over-nuclear-role-of-the-netherlands-within-nato-from-f-16> (accessed: 01.03.2026).

²⁶¹ Felstead P. Aeronautica Militare marks transition of 154th Squadron to the F-35A // European Security&Defence. 14.07.2025. URL: <https://euro-sd.com/2025/07/major-news/45445/am-154-squadron-moves-to-f-35/> (accessed: 01.03.2026).

(Бельгия)²⁶² и Бюхель (ФРГ)²⁶³. Доставка первых F-35A Королевским ВВС Великобритании и их развертывание на авиабазе Мархэм ожидается в 2030-х гг.²⁶⁴.

Помимо учений *Steadfast Noon*, нельзя обойти стороной такую форму сигнализирования (и в адрес России, и в адрес союзников по НАТО), как пролеты американских стратегических бомбардировщиков по периметру границ воздушного пространства России. К примеру, в 2023 г. два B-52 проследовали в направлении Санкт-Петербурга над Финским заливом и сменили курс в самый последний момент; новой тенденцией также стало использование воздушного пространства новых членов НАТО – Финляндии и Швеции – для проведения таких полетов²⁶⁵. Параллельно совершаются визиты АПЛ США, оснащенных баллистическими ракетами, в порты европейских союзников²⁶⁶.

Важно отметить, что Франция и Великобритания также активизировали модернизацию собственных стратегических ядерных сил. К примеру, в 2025 г. Париж заявил о возобновлении деятельности авиабазы Люксей и развертывании на ней к 2035 г. 40 истребителей Rafale, способных нести ядерное оружие; к 2035 г. также планируется принятие на вооружение гиперзвуковой ракеты двойного назначения ASN4G²⁶⁷. Французское руководство в целом стремится повысить «видимость» своих стратегических ядерных сил, чему служит и «предание огласки» ее военным учениям посредством их проведения на территории других европейских государств и приглашения их представителей в качестве наблюдателей²⁶⁸.

Что касается Великобритании, помимо приобретения F-35A и модернизации соответствующей инфраструктуры, внимания стоит стремление Лондона повысить число АПЛ в Королевских ВМС до 12. В ныне действующем Стратегическом обзоре обороны Великобритании отдельный акцент был сделан на программе создания «суверенных боеголовок» для ядерных БРПЛ (так называемый проект *Astraea*), выполнение которой ожидается в 2030-х гг.²⁶⁹. Нельзя обойти стороной объявленное в 2021 г. и осуществляемое

---

²⁶² Basiscommandant op TV Limburg: 'Kleine-Brogel staat voor grote uitdagingen met komst F-35' // Kleine-Brogel Air Base. 23.03.2025. URL: <https://www.kleinebrogelairbase.be/index.php/nl/info-links/laatste-nieuws-kb/basiscommandant-op-tv-limburg-kleine-brogel-staat-voor-grote-uitdagingen-met-komst-f-35> (accessed: 01.03.2026).

²⁶³ Siebold S. Exclusive: Germany looking into buying eight additional F-35 jets // Reuters. 07.06.2024. URL: <https://www.reuters.com/business/aerospace-defense/germany-looking-into-buying-eight-additional-lockheed-f-35-jets-source-says-2024-06-07/> (accessed: 01.03.2026).

²⁶⁴ Kristensen H. et. al. (2025). P. 495.

²⁶⁵ Ibid. P. 500.

²⁶⁶ Ibid. 501.

²⁶⁷ Zubenko A. op. cit. P. 7.

²⁶⁸ Ibid.

²⁶⁹ The United Kingdom's Future Nuclear Deterrent: 2021 Update to Parliament // Ministry of Defence. 2021. P. 2. URL: https://data.parliament.uk/DepositedPapers/Files/DEP2021-1008/2021_Nuclear_Deterrent_Update_to_Parliament.pdf (accessed: 01.03.2026).

в настоящий момент увеличение запасов ядерных боезарядов Великобритании с 225 до 260 штук.

Как было указано, НАТО привержена концепции интегрированного сдерживания, а следовательно, упор делается и на развитие конвенциональных сил и средств. В области ПРО наиболее заметным шагом является учреждение в 2022 г. проекта *European Sky Shield Initiative*, охватывающего 24 европейских государств (абсолютное большинство – члены НАТО). Инициатива представляет собой систему многоуровневой и современной противоракетной обороны и завязана на оборонную промышленность США и Израиля: ключевыми элементами ESSI являются системы американского (*Patriot*) и израильского (*Arrow 3*) производства.

В области дальнобойных обычных вооружений в Европе в последние годы было предпринято множество инициатив, полное изучение которых выходит за рамки настоящей работы. В качестве примера отметим франко-германо-итальянско-польский проект крылатой ракеты большой дальности (более 500 км), анонсированный на саммите НАТО в 2024 г.²⁷⁰, а также запланированное на 2026 г. развертывание американских ракет средней дальности на территории ФРГ. К 2029 г. планируется разработка и развертывание первой европейской гиперзвуковой ракеты; лидирующую роль в проекте играет германский стартап *Hypersonica*²⁷¹. Эти и другие меры, наряду с общим расширением передового присутствия на восточном фланге НАТО и ускоренной модернизацией вооруженных сил европейских стран НАТО после 2022 г., свидетельствуют о ставке альянса на комплексное сдерживание России, в котором более значительную роль начинает играть неядерный компонент. При этом на настоящий момент США не уходят из Европы (ни в ядерном, ни в конвенциональном смысле), речь лишь идет о больших акцентах на «разделении бремени» в части обычных вооружений, то есть относительно большей роли Европы в конвенциональном измерении сдерживания.

Вопрос о союзных обязательствах США в рамках НАТО существенно обострился с приходом администрации Трампа в Белый дом в 2025 г. и, в особенности, напряженности вокруг Гренландии в начале 2026 г. В связи с этим с 2025 г. европейские государства, прежде всего в лице Франции, активизировали диалог о перспективах «европейского сдерживания» на замену или в дополнение расширенному американскому на континенте.

---

²⁷⁰ Четыре страны НАТО договорились разрабатывать крылатые ракеты большой дальности // ТАСС. 11.07.2024. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/21339043> (дата обращения: 01.03.2026).

²⁷¹ Ruitenberg R. German startup aims to deliver European hypersonic strike by 2029 // Defense News. 10.02.2026. URL: <https://www.defensenews.com/global/europe/2026/02/10/german-startup-aims-to-deliver-european-hypersonic-strike-by-2029/> (accessed: 01.03.2026).

На полях, правда, стоит оговориться, что впервые «стратегический диалог» по этим вопросам был запущен Макроном еще в 2020 г.

Ряд стран, действительно, проявили интерес к перспективам дальнейшей европеизации французских ядерных сил. Одними из первых о готовности разместить на своей территории оснащенные ядерным оружием французские *Rafale* заявили в Польше²⁷². Параллельно Варшава выступает и за присутствие ядерного оружия США на своей территории²⁷³. Швеция также «захотела под ядерный зонтик» Франции и активизировала с Парижем диалог по ядерным вопросам, сохраняя, однако, политику неразмещения на своей территории ядерного оружия в мирное время²⁷⁴. На Мюнхенской конференции по безопасности 2026 г. канцлер ФРГ Мерц исключил создание германского ядерного оружия, но объявил о начале переговоров с Парижем о европейском ядерном сдерживании и призвал обсудить возможность размещения французских или британских ядерных сил на территории стран Европы²⁷⁵. Примечательно, что Мерц, рассуждая о перспективе выхода из ДНЯО и создании собственного оружия, высказался весьма двусмысленно: «Полагаю, что нет, по крайней мере, не так быстро»²⁷⁶. Такая формулировка предполагает, что в принципе выход из ДНЯО и ядерный путь Берлина допускаются, просто в других условиях.

Промежуточным итогом «стратегического диалога» к началу весны 2026 г., во-первых, стали «Ланкастерские соглашения 2.0» Великобритании и Франции, включая Нортвудскую декларацию о сотрудничестве в сфере ядерного сдерживания (лето 2025 г.), одним из положений которой являлось создание двусторонней Руководящей группы по ядерным вопросам (*nuclear steering group*)²⁷⁷. Данный формат предполагает координацию на высшем уровне ядерных доктрин, включая вопросы развития ядерных сил и средств и сотрудничества в проведении ядерных операций. По существу, речь идет о примечательной модели зонтика, в которой под совместными ядерными операциями предполагается не участие неядерного государства – косвенное или прямое – в применении ядерного оружия его союзника, а координация применения собственного ядерного оружия. В практическом плане отработка таких операций пока не проводилась. Очевидно в то же время, что

---

²⁷² Черненко Е. Швеция хочет под «ядерный зонтик» // Коммерсантъ. 28.01.2026. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8380012> (дата обращения: 01.03.2026).

²⁷³ Черненко Е. Польша заявляет о стремлении к ядерному потенциалу: амбиции, сотрудничество с НАТО и международная реакция // ПИР-Центр. 19.09.2025. URL: <https://pircenter.org/editions/poland-declares-its-desire-for-nuclear-potential-ambitions-cooperation-with-nato-and-international-reactions/> (дата обращения: 01.03.2026).

²⁷⁴ Черненко Е. Швеция хочет под «ядерный зонтик».

²⁷⁵ Мерц сообщил, что обсуждает с Макроном создание европейского ядерного зонтика // ТАСС. 13.02.2026. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/26442971> (дата обращения: 01.03.2026).

²⁷⁶ Цит. по: Мерц исключил возможность разработки ФРГ собственного ядерного оружия // Известия. 18.02.2026. URL: <https://iz.ru/2044960/2026-02-18/mertc-iskliuchil-vozmozhnost-razrabotki-frg-sobstvennogo-iadernogo-oruzhiia> (дата обращения: 01.03.2026).

²⁷⁷ Northwood Declaration // Gov.UK. 10.07.2025. URL: <https://www.gov.uk/government/news/northwood-declaration-10-july-2025-uk-france-joint-nuclear-statement> (accessed: 02.03.2026).

оформление данной Группы знаменует переход Лондона и Парижа к двусторонней системе ядерного планирования, которая в теории может косвенно подключать Францию и к ГЯП.

Во-вторых, что более примечательно, таким итогом стали тезисы Макрона об обновленной ядерной доктрине Франции, произнесенные 2 марта 2026 г. на военно-морской базе на бретонском полуострове Иль-Лонг²⁷⁸. Французский президент объявил о наращивании запасов ядерных боезарядов и одновременном засекречивании информации об их количестве. Что более примечательно, в рамках концепции «передового сдерживания» (forward deterrence) была выдвинута инициатива о совместных ядерных учениях Франции и заинтересованных европейских союзников (прежде всего Германии, но также Бельгии, Дании, Греции, Нидерландов, Польши и Швеции). Наряду с этим предполагается возможность временного размещения французского ядерного оружия на территории других европейских государств. Естественно, Э. Макрон также обозначил, что принятие решения о применении ядерного оружия будет происходить исключительно в Париже.

В тот же день была опубликована совместная декларация Э. Макрона и Ф. Мерца²⁷⁹. Отметив, что «ядерное измерение сдерживания является краеугольным камнем европейской безопасности», лидеры договорились о создании на высоком уровне очередной двухсторонней Руководящей группы по ядерным вопросам и участии ФРГ во французских ядерных учениях, на которых германским ВС отводится вспомогательная (конвенциональная) роль, в отличие от совместных ядерных миссий (СЯМ) НАТО. Берлин и Париж также подчеркнули, что данная инициатива дополняет ядерное сдерживание НАТО и СЯМ, а не стремится заменить их, и пообещали поддерживать тесный диалог с США, Великобританией и другими союзниками по данным вопросам.

Заявление примечательно и большим вниманием к неядерному измерению сдерживания, а именно к развитию систем противоракетной и противовоздушной обороны и высокоточных дальнобойных вооружений. Целью такого подхода, как указали и лидеры двух стран, является повышение «ядерного порога» и улучшенное «управления эскалацией». Иными словами, ставка сделана на то, что с помощью эффективных неядерных оборонительных и наступательных вооружений в случае конфликта удастся добиться поставленных задач, не прибегая к ядерному оружию, что должно повысить убедительность общей системы сдерживания, направленной, естественно, против России.

---

²⁷⁸ Macron to boost nuclear arsenal, involve European allies in doctrine change // Reuters. 02.03.2026. URL: <https://www.reuters.com/world/europe/macron-says-france-will-increase-size-its-nuclear-arsenal-2026-03-02/> (accessed: 02.03.2026).

²⁷⁹ Joint declaration of President Macron and Chancellor Merz // Die Bundesregierung. 02.03.2026. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/joint-declaration-of-president-macron-and-chancellor-merz-2409268> (accessed: 03.03.2026).

Интересно в этой связи, что в заявлении непосредственно наша страна не упоминается, хотя ссылка на «меняющийся ландшафт угроз» именно это и предполагает.

Наконец, на первый взгляд очевидным может показаться следующий пассаж: «Франция и Германия продолжают соблюдать свои обязательства в рамках международного права, включая Договор о нераспространении ядерного оружия». Однако на фоне пока еще маргинальных, но все же внутривластных дискуссий в той же ФРГ о возможности создания собственного ядерного арсенала данное положение призвано придать французским ядерным гарантиям нераспространенческий смысл, то есть нивелировать мотивы Берлина размышлять о собственном ядерном оружии. Такая ситуация не нова, ведь и США в свое время раскрывали ядерные зонтики над странами, которые были близки к созданию собственного ядерного оружия – в том числе и ФРГ.

По существу, мартовские инициативы Макрона предполагают некие зачатки СЯМ «по-французски», причем, естественно, Макрон обозначил, что принятие решения о применении ядерного оружия будет происходить исключительно в Париже. Не совсем ясно, правда, как конкретно будет работать новоучрежденная Руководящая группа по ядерным вопросам. В совместном заявлении лидеров Франции и ФРГ ее задачи сводятся к «доктринальному диалогу» и «координации стратегического сотрудничества, включая надлежащее сочетание обычных и противоракетных сил и средств, а также французских ядерных сил и средств». Вряд ли Берлин будет участвовать в определении ядерной доктрины Франции и принятии решения о применении Парижем ядерного оружия, однако для организации конвенциональной поддержки французским ВКС со стороны ВВС ФРГ в случае такого применения Группа может пригодиться. Кроме того, ее польза может заключаться в выработке новых и реализации старых инициатив в области неядерного сдерживания.

Однако теоретически «приобщение» Берлина и других государств к применению размещенного на их территории французского ядерного оружия представить все же можно. Да, с одной стороны, французская ядерная доктрина постулирует свою независимость и суверенитет, но и США в организации СЯМ исходят из того, что санкция на применение ядерного оружия дается исключительно в Вашингтоне, лишь политическое одобрение дается в ГЯП. Тем самым, при должной сноровке Париж может интерпретировать свою доктрину схожим образом: дескать, пилот ВВС ФРГ применит ядерный боезаряд только после санкции Парижа, технической разблокировки аналога PAL и только по установленной Парижем цели. Сложности возникают по большей части в плоскости носителей, поскольку на данный момент Берлин сделал ставку на закупку F-35A для усиления его участия в СЯМ НАТО. Для совместных ядерных миссий «по-французски»

американский истребитель, очевидно, не подойдет, и необходим другой носитель. Им могло бы стать дитя проекта *Future Combat Air System (FCAS)*, однако на данный момент, как сообщает Reuters, инициатива находится на грани развала из-за решения Берлина закупить дополнительные F-35A и других разногласий²⁸⁰. Впрочем, Париж может предусмотреть, что размещенное на территории его европейских союзников ядерное оружие будет применяться исключительно французскими ВКС, подобно роли авиабаз Инджирлик и Авиано в СЯМ НАТО.

Подчеркнем, что практические шаги в направлении взаимодействия стратегических сил Франции и вооруженных сил ее европейских союзников предпринимались и раньше, и на доктринальном уровне его существование также признавалось. К примеру, учения французских ВКС *Pégase* в 2025 г. были впервые проведены на территории Европы, а именно в Швеции. Подчеркнем, что в учениях *Pégase* также задействуются способные нести ядерное оружие истребители. Заявление посла Франции в Швеции Тьерри Карлье по итогам этих маневров, к слову, позволяет дополнительно проиллюстрировать французскую «подсистему» ядерного зонтика в рамках НАТО. Карлье заявил: «<...> разумеется, что жизненно важные интересы Франции включают также интересы наших союзников. В этом смысле ядерный зонтик распространяется на наших союзников, и, конечно, Швеция является одним из них»²⁸¹. Особо примечательно здесь упоминание не просто европейского измерения французского ядерного сдерживания, а именно французского *ядерного зонтика*, учитывающего жизненно важные интересы союзников Парижа.

Отметим, что на данный момент ядерные гарантии Парижа ФРГ и другим европейским союзникам пока недостаточно проработаны. Имеют место лишь косвенные и довольно абстрактные подтверждения того, что ядерный зонтик существует, но нет прямой констатации того, что угроза жизненно важным интересам союзников будет считаться условием, определяющим возможность применения французского ядерного оружия. Это, впрочем, не означает, что Париж придерживается такой позиции неформально. Кроме того, Париж не уточняет наверняка, привязаны ли инициативы в сфере расширенного ядерного сдерживания к европейским союзникам в рамках НАТО, или же к партнерам по ЕС. Учитывая историю политики и инициатив Макрона на европейском направлении, уместно предположить, что Париж склоняется к ЕС, но в то же время не желает обострять отношения с Вашингтоном и Лондоном и поэтому выставляет свои предложения как дополняющие систему ядерного сдерживания в рамках НАТО, а не противоречащие ей.

---

²⁸⁰ Siebold S., Stone M. Exclusive: Germany seeks more F-35 jets as European fighter programme falters, sources say // Reuters. 19.02.2026. URL: <https://www.reuters.com/business/aerospace-defense/germany-seeking-more-f-35-jets-european-fighter-program-falters-sources-say-2026-02-19/> (accessed: 01.03.2026).

²⁸¹ Цит. по: Kristensen H. et. al. (2025). P. 499.

Сработают ли американский, французский и британский ядерные зонтики в случае кризиса – прежде всего, в случае вооруженного конфликта с Россией, о приближении которого в последние годы так громко заявляют в европейских столицах? С одной стороны, идея развертывания американского ядерного оружия в Европе и совместных ядерных миссий была и по сути продолжает быть основанной на концепции ограниченной ядерной эскалации, которая способна предотвратить полномасштабную ядерную войну²⁸². Однако данное соображение сталкивается с рядом трудностей. Так, с окончанием холодной войны баланс в сфере обычных вооружений на европейском континенте между НАТО и Россией (и ее союзниками) существенно сместился в сторону НАТО, и прежняя функция американских термоядерных бомб – остановка массированного наступления советских общевойсковых соединений – потеряла свою актуальность²⁸³.

Соответственно, в случае гипотетического конфликта с Россией, скорее войска НАТО могут создать критическую угрозу суверенитету России и побудить ее воспользоваться собственным ядерным оружием согласно обновленной ядерной доктрине. В таком случае использование тех же бомб В61 возможно в качестве ответного удара, но это будет почти неизбежно означать неконтролируемую ядерную эскалацию со все более массированными обменами ударами, вплоть до полного задействования стратегических ядерных сил. Как отмечает Д.В. Стефанович, США и их европейские союзники так и не выработали единого подхода к тому, как, когда и зачем развернутое американское ядерное оружие в Европе может быть применено. В этой связи не лишено оснований мнение С. Лодгаарда о том, что европейский ядерный зонтик над Европой – лишь миф²⁸⁴.

Соответственно, частичная ядерная эскалация, на наш взгляд, невозможна в принципе, поскольку каждая сторона будет стремиться ответить на удар другой «с лишком», закручивая эскалационную спираль. США, разумеется, не заинтересованы в переносе ядерных ударов с европейского континента на американский, что российские силы ядерного сдерживания гарантированно могут обеспечить. Этот интерес лежит в основе процесса принятия Вашингтоном решения о применении любого ядерного оружия – и стратегического, и нестратегического, поскольку, по существу, последствия будут схожи, если не одинаковы.

Перевесят ли интересы Вашингтона в потенциальном европейском конфликте опасения получить гарантированный ответный удар – вопрос спекулятивный. Важно

---

²⁸² Desmaele L. Still a useful myth? NATO's theater nuclear weapons as tools of alliance management // *The Nonproliferation Review*. 2024. Vol. 31, No. 1. P. 10

²⁸³ Стефанович Д. *op. cit.*

²⁸⁴ Lodgaard S. The US nuclear umbrella over Europe was a myth // *PRIO*. 19.06.2025. URL: <https://www.prio.org/comments/1786> (accessed: 01.03.2026).

учитывать, что на данный момент США не отказываются от своего присутствия в Европе, а в части ядерных вооружений даже его наращивают. Данный регион, как и АТР, даже для эгоистичной администрации Трампа имеет вполне серьезное стратегическое значение, обеспечивает гегемонистские амбиции Вашингтона²⁸⁵. Поэтому исключать, что США решат задействовать свой ядерный арсенал для защиты европейских союзников, нельзя. Кроме того, опасения Вашингтона относительно собственной уязвимости могут быть нивелированы при успешной реализации проекта «Золотого купола», что существенно подорвало бы стратегическую стабильность и повысило готовность Вашингтона применить ядерное оружие первым. Однако асимметричные меры России и высокая живучесть ее стратегических ядерных сил позволяют заключить, что чувства полной безнаказанности США достичь не смогут. Отсюда следует и неавтоматический характер как ядерных, так и в целом гарантий безопасности Вашингтона своим европейским союзникам²⁸⁶.

Великобритания, вероятно, рассматривает применение ядерного оружия прежде всего в связке с аналогичным решением в Вашингтоне. В конце концов, ее силы ядерного сдерживания на данный момент во многом зависят от США. Что же касается Франции, с уверенностью судить о готовности французского руководства разменять условную Варшаву на Париж или Берлин тоже затруднительно. Стратегические ядерные силы Франции следуют контрценностной доктрине и не предполагают использования ядерного оружия как средства ведения боевых действий (в рамках ограниченной ядерной эскалации)²⁸⁷. В связи с этим на первое применение ядерного оружия ради защиты европейских союзников Париж пойдет скорее с малой вероятностью в силу неизбежности российского ответного удара уже по самой территории Франции. Однако учитывая, что безопасность и благополучие Франции на данный момент действительно неотделимы от общего состояния Европейского союза, этот вариант исключать нельзя; кроме того, гипотетическое (опуская реальность такого сценария) первое применение Россией ядерного оружия против европейских союзников Франции увеличит эту вероятность – в том числе по причине компактности европейского театра военных действий и последствий, которые применение ядерного оружия на территории соседних государств может иметь для жизнедеятельности самой Франции. Увеличит эту вероятность и потенциальное размещение французского ядерного оружия на территории других европейских государств, таких как ФРГ.

---

²⁸⁵ Данилов Д.А., Загорский А.В. *op. cit.*

²⁸⁶ Trenin D., Karnaukhova E. *op. cit.* P. 408.

²⁸⁷ National Strategic Review 2025 *op. cit.*

Добавим, что милитаризация европейских государств, и в особенности ФРГ, и общее усиление конвенционального измерения сдерживания в рамках НАТО еще больше меняют баланс в сфере обычных вооружений в пользу альянса. Таким образом, США, Франция и Великобритания вряд ли первыми пойдут на применение ядерного оружия для защиты, к примеру, Польши от российских вооруженных сил, поскольку существуют значительные возможности в сфере обычных вооружений (низкая целесообразность) и российские силы ядерного сдерживания в случае ядерного нападения западных стран нанесут гарантированный ответный удар (уязвимость).

Существовавшая в глазах НАТО и до 2022 г., а после него обострившаяся «российская угроза» придавала и продолжает придавать смысл как самому существованию архитектуры ядерных зонтиков в рамках НАТО (где американский зонтик централен), так и ее усилению и модернизации. Очевидно, что этот смысл имеет два компонента – военный и политический. В военном смысле рассмотренные ядерные зонтики все же играют сдерживающую роль (опуская вопрос о том, есть ли России в целом какие-либо агрессивные намерения в отношении альянса), особенно в силу интенсивного взаимодействия стран-членов альянса в ядерном планировании, размещения американского ядерного оружия на континенте и основанных на нем СЯМ. Более того, передовое развертывание американского ядерного оружия до сих пор не исключает и перспективы его использования как средства ведения войны. То есть определенная внешняя убедительность все же присутствует.

С другой стороны, американский ядерный зонтик над европейскими союзниками – важный политический инструмент. Опять же, перед лицом якобы беспрецедентной «российской угрозы» ядерное присутствие США в Европе и его усиление символизирует общую готовность Вашингтона «вступить» за европейских союзников в случае необходимости и нивелирует соответствующие опасения (вопрос внутренней убедительности). В этой связи стоит особенно выделить СЯМ и ежегодные учения *Steadfast Noon*, целевой аудиторией которых, как видится, выступает не только и не столько Россия, сколько сами европейские союзники США, которые могут убедиться в «ощутимости» американских союзных обязательств, в том числе в ядерной сфере. Такая политика перестраховки, вполне служит интересам США, поддерживая общую архитектуру военных альянсов Вашингтона и снижая стимулы ряда неядерных европейских государств к приобретению собственного ядерного оружия. Последнее особенно актуально на фоне пока робких, но все же ядерных амбиций ФРГ.

В заключение подчеркнем, что британский ядерный зонтик уместно рассматривать скорее как включенный в американский, а не как самостоятельную архитектуру ядерных

гарантий с собственным смыслом, несмотря на некоторое сближение Лондона с Парижем. Французский случай более интересен, хотя пока и неоднозначен. В случае более конкретного закрепления французских ядерных гарантий для европейских союзников и реализации выдвинутых в марте 2026 г. инициатив Париж сможет не только реализовать свое стремление усилить собственную систему ядерного сдерживания, направленную в адрес России (общая для всего НАТО цель), но и добиться укрепления своих военно-политических позиций в ЕС²⁸⁸. В конце концов, институционализация французского ядерного зонтика также будет сдерживать немецкие и прочие настроения в пользу приобретения национальных ядерных арсеналов, подобно американским гарантиям.

2.5. ОДКБ и Союзное Государство

Россия также распространяет ядерные гарантии на своих союзников, прежде всего в рамках двух форматов – ОДКБ (за исключением Республики Беларусь) и Союзного государства (далее – СГ). Причем речь идет о несколько разном характере этих гарантий, поэтому, по существу, мы можем говорить о существовании двух разных ядерных зонтиков.

Становление ядерных гарантий Российской Федерации союзникам по ОДКБ было подробно рассмотрено в предыдущей главе. На данный момент система данных гарантий основана исключительно на заявлениях российской стороны. Тем самым *первой* особенностью российского ядерного зонтика над ОДКБ является отсутствие признания его существования со стороны самих российских союзников (Армении, Казахстана, Киргизии, Таджикистана). Примечательно, что в Основах государственной политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания (ОГПЯС) 2024 г.²⁸⁹ тоже нет указания на гарантии именно союзникам по ОДКБ, однако под «союзниками» Российской Федерации, на наш взгляд, подразумеваются именно государства ОДКБ. В конце концов, подтверждением такой интерпретации является сопутствующее заявление Сергея Шойгу о том, что в новой доктрине речь идет «в первую очередь о странах ОДКБ»²⁹⁰.

Второй особенностью российского ядерного зонтика над странами ОДКБ является отсутствие прямых указаний на потенциальных противников, от которых Россия готова защитить своих союзников по ОДКБ. Конечно, если изучить доктрину в целом, то предполагаются прежде всего три западные ядерные державы – США, Франция и

---

²⁸⁸ Данилов Д.А., Загорский А.В. *op. cit.*

²⁸⁹ Указ Президента Российской Федерации от 19.11.2024 г. № 991 Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания // Президент России. 19.11.2024. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/51312> (дата обращения: 01.03.2026).

²⁹⁰ Шойгу раскрыл, какие страны защищает ядерный зонтик России // РБК. 28.11.2024. URL: <https://www.rbc.ru/politics/28/11/2024/67481e449a79478228d68b8f> (дата обращения: 01.03.2026).

Великобритания, однако напрямую это не декларируется, что также представляет собой выражение «стратегической двусмысленности».

Третьей отличительной чертой такого формата является готовность России применить ядерное оружие для защиты союзников только в случае нападения на них с применением оружия массового уничтожения.

Наконец, в качестве *четвертого* элемента можно выделить полное отсутствие консультативных механизмов по вопросам ядерного сдерживания, а также неразмещение российского ядерного оружия на территории этих союзников (опять же, выводя за скобки Белоруссию). Соответственно, существенного практического сотрудничества в сфере ядерного сдерживания не ведется.

Случай Белоруссии более интересен. *Во-первых*, Россия и Белоруссия совместно признают существование российского ядерного зонтика. В ныне действующей военной доктрине СГ 2021 г.²⁹¹, к примеру, указывается: «Ядерное оружие Российской Федерации будет оставаться важным фактором предотвращения возникновения ядерных конфликтов и военных конфликтов с применением обычных средств поражения». В изданной уже после размещения российского НСЯО на территории Белоруссии военной доктрине Белоруссии заслуживает внимания следующее положение: «Размещение Республикой Беларусь на своей территории ядерного оружия Российской Федерации рассматривается как важное слагаемое превентивного сдерживания потенциальных противников от развязывания вооруженной агрессии и является вынужденной реакцией на несоблюдение западными странами-гарантами условий Меморандума о гарантиях безопасности в связи с присоединением Республики Беларусь к Договору о нераспространении ядерного оружия (Будапештский меморандум)»²⁹². Указанное выше положение в свою очередь демонстрирует, *во-вторых*, что ядерный зонтик России над Белоруссией в большей степени конкретизирует объектов ядерного сдерживания, которыми являются западные страны, причем не только обладающие ядерным оружием.

В-третьих, согласно актуальным Основам государственной политики в сфере ядерного сдерживания, Россия готова применить ядерное оружие для защиты Белоруссии не только в ответ на нападение с использованием оружия массового поражения, но и в случае агрессии, «создающей критическую угрозу суверенитету и (или) территориальной

---

²⁹¹ Постановление от 4 ноября 2021 г. № 5 Минск – Москва О Военной доктрине Союзного государства // Постоянный комитет Союзного государства. 04.11.2021. URL: <https://clck.ru/3SC5iU> (дата обращения: 01.03.2026).

²⁹² Решение Всебелорусского народного собрания 25 апреля 2024 г. № 6 Об утверждении Военной доктрины Республики Беларусь // Pravo.by. 25.04.2024. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P924v0006> (дата обращения: 01.03.2026).

целостности» Белоруссии. Аналогичное положение закреплено в Договоре о гарантиях безопасности в рамках Союзного государства²⁹³.

В-четвертых, с 2023 г. на территории Белоруссии размещается российское НСЯО, что является краеугольным камнем соответствующего ядерного зонтика. Еще до начала СВО президенты двух стран обсуждали возможность усиления стратегического присутствия России в Белоруссии, однако формально о решении разместить НСЯО в Белоруссии Президент России заявил в марте 2023 г.²⁹⁴. Первые системы вооружений были доставлены в июне 2023 г.; полностью развертывание было завершено к концу этого же года. Параллельно были одобрены поставки Минску ракетных комплексов «Искандер-М» и лицензия на производство в Белоруссии штурмовиков Су-25²⁹⁵ - оба носителя способны нести ядерное оружие.

Важно отметить, что механизм принятия решения о применении дислоцированного на территории Белоруссии НСЯО, равно как самого применения, не до конца возможно реконструировать на основе информации в открытом доступе. Заявление Александра Лукашенко в 2024 г. о том, что механизм применения этих вооружений прописан «там, где надо»²⁹⁶, позволяет предположить, что некий засекреченный документ наподобие Руководящих принципов ядерного сдерживания в отношениях США и Южной Кореи все же существует, хотя слова Президента Белоруссии являются не более чем косвенным подтверждением этого. Соответствующий механизм вполне может быть закреплен в подписанных в 2023 г. С. Шойгу и В. Хрениным документах, регламентирующих порядок содержания российского НСЯО на территории Белоруссии²⁹⁷.

В практическом отношении вооруженные силы России и Белоруссии отрабатывают совместные операции по применению ядерного оружия с 2024 г.. По словам Президента России Владимира Путина, речь идет о «таких же учениях», какие проводятся в рамках НАТО (предполагаются, вероятно, *Steadfast Noon*)²⁹⁸. Однако прямого подтверждения того, что именно белорусские вооруженные силы будут осуществлять функции по технической доставке российского ядерного оружия, при сохранении Россией полного контроля над

---

²⁹³ Договор между Российской Федерацией и Республикой Беларусь о гарантиях безопасности в рамках Союзного государства // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 13.03.2025. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/62699/ (дата обращения: 01.03.2026).

²⁹⁴ Путин заявил о планах разместить в Белоруссии тактическое ядерное оружие // РБК. 25.03.2023. URL: <https://www.rbc.ru/politics/25/03/2023/641f2ca89a7947cf3b050065> (дата обращения: 01.03.2026).

²⁹⁵ Kristensen H. et. al. (2025). P. 493.

²⁹⁶ Лукашенко: Белоруссия разместила тактическое ядерное оружие, как и США в странах Европы // ТАСС. 24.04.2024. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/20637197> (дата обращения: 01.03.2026).

²⁹⁷ Тренин Д.В., Русакович А.В. Ядерная составляющая Союзного государства // Россия в глобальной политике. 2026. Т. 24, № 1. С. 129.

²⁹⁸ Путин: в ядерных учениях РФ и Белоруссии нет ничего необычного // ТАСС. 24.05.2024. URL: <https://tass.ru/politika/20897727> (дата обращения: 01.03.2026).

ним, найти невозможно. С одной стороны, белорусская сторона заявляет о том, что совместные учения предполагали «весь цикл подготовки военнослужащих белорусской армии по применению тактического ядерного оружия»²⁹⁹. Президент Белоруссии Александр Лукашенко также нередко подчеркивает, что без санкции Белоруссии российское ядерное оружие не будет применено, и в порядке самообороны сам «Минск будет готов применить ядерное оружие, размещенное в стране»³⁰⁰. С другой стороны, опять же, совместные учения по применению российского НСЯО, как бы их ни формулировали в СМИ, не означают сами по себе, что именно белорусским войскам отводится его применение – вполне возможно, что речь идет прежде всего о вспомогательных функциях. В любом случае, очевидно, что решение о применении российского ядерного оружия принимается исключительно в Москве, даже если Белоруссия участвует в обсуждении вопросов ядерного планирования в рамках необъявленных механизмов.

В рамках Союзного Государства стороны также развивают конвенциональное измерение сдерживания потенциальных противников. Помимо общевойсковых учений и военно-технического сотрудничества, стоит отметить решение о развертывании РСД «Орешник» (на данный момент в неядерном оснащении) на территории Белоруссии, что и было осуществлено в 2025 г. Отработка применения российского НСЯО и «Орешника», в частности, была включена в программу совместных российско-белорусских учений «Запад-2025»³⁰¹.

На полях отметим, что Россия продолжает придерживаться традиционной концепции ядерного сдерживания и стратегической стабильности и, в отличие от США, не поддерживает концепцию «быстрого глобального удара» с использованием неядерных стратегических вооружений, нарушающую стратегическую стабильность. Хотя системы двойного назначения, особенно гиперзвуковые, с успехом разрабатываются и применяются нашей страной, речи об отходе от приоритета ядерного сдерживания и попытках расширить поле для возможной эскалации, в отличие от США, не идет. Не идет речи о создании национальной системы ПРО.

Возвращаясь к положениям российской ядерной доктрины, отметим, что теоретически под «союзниками» могут подразумеваться не только страны-члены ОДКБ. Заключенный в 2024 г. Договор между Россией и КНДР о всеобъемлющем стратегическом

---

²⁹⁹ Белорусские военные прошли курс подготовки по применению тактического ядерного оружия // Интерфакс. 02.06.2024. URL: <https://www.interfax.ru/world/964576> (дата обращения: 01.03.2026).

³⁰⁰ Лукашенко заявил о готовности применить ядерное оружие при нападении // РБК. 27.09.2024. URL: <https://www.rbc.ru/politics/27/09/2024/66f67d2f9a7947cda4e3f20e> (дата обращения: 01.03.2026).

³⁰¹ Хренин: на учениях "Запад-2025" отработают планирование применения ядерного оружия и "Орешника" // БЕЛТА. 13.08.2025. URL: <https://belta.by/society/view/hrenin-na-ucheniiah-zapad-2025-otrabotajut-planirovanie-primenenija-jadernogo-oruzhija-i-oreshnika-731668-2025/> (дата обращения: 01.03.2026).

партнерстве³⁰² включает статью о предоставлении друг другу военной и другой помощи в случае агрессии, что означает вполне высокий уровень союзных обязательств. Участие северокорейских военных в освобождении Курской области после вторжения ВСУ является непосредственной демонстрацией близких отношений двух стран. В связи с этим при определенной интерпретации можно посчитать, что российский ядерный зонтик раскрыт и над КНДР, хотя никаких официальных заявлений на эту тематику не делалось, и этот зонтик на данном этапе скорее умозрительен и может быть выведен исключительно из «буквы» российской ядерной доктрины.

Важно подчеркнуть, что тезис российской ядерной доктрины о праве применить ядерное оружие в ответ на применение оружия массового поражения против военных контингентов России за рубежом не позволяет сделать вывода о существовании дополнительных ядерных зонтиков над другими государствами. Причиной тому то, что речь идет о реакции исключительно на воздействие по российским вооруженным силам, а не по государству, на территории которого они расположены. Это, однако, не отменяет самой воли России применить ядерное оружие в порядке такой защиты.

Стоит отметить, что два существующих на данный момент ядерных зонтика России, и особенно белорусская версия, отличаются довольно высокой убедительностью, поскольку безопасность России неразрывна связана с безопасностью своих союзников в ближнем зарубежье. В этой связи невозможно не согласиться с Д.В. Трениным в том, что «Беларусь рассматривается как стратегическое продолжение России», и безопасность белорусского союзника фактически равнозначна собственной безопасности России³⁰³. Следовательно, воля Москвы применить ядерное оружие не зависит от того, по какую сторону российско-белорусской границы возникла угроза. Речь идет о самой «тесной и безусловной модели ядерного зонтика» из когда-либо существовавших³⁰⁴.

Стоит отметить, что смысл российской архитектуры ядерных зонтиков несколько различается от американской. Как видится, Россия в сравнительно меньшей степени – если вообще – озабочена вопросами нераспространения, по меньшей мере в силу того, что получатели ее зонтика не обладают достаточной ядерной латентностью и волей для производства собственного ядерного оружия. Политическое значение данных зонтиков, тем

---

³⁰² Договор о всеобъемлющем стратегическом партнёрстве между Россией и КНДР // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 04.12.2024. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/62546/ (дата обращения: 01.03.2026).

³⁰³ Тренин Д.В. Ядерные зонтики и новые альянсы: саудовско-пакистанский фактор в формирующемся миропорядке: блиц-интервью Максима Носенко с Дмитрием Трениным // ПИР-Центр. 20.02.2026. URL: <https://pircenter.org/editions/nuclear-umbrellas-and-new-alliances-the-saudi-pakistani-factor-in-the-emerging-world-order/> (дата обращения: 01.03.2026).

³⁰⁴ Там же.

не менее, присутствует. В случае Союзного Государства размещение российского НСЯО в Белоруссии, несомненно, способно продемонстрировать высокий уровень общих союзных обязательств Москвы перед Минском.

Периодически встречающиеся утверждения о том, что российское НСЯО в Белоруссии – своего рода home made зеркальный аналог совместных ядерных миссий³⁰⁵, несколько неоднозначны, потому что на данный момент степень участия Белоруссии в возможном применении российского ядерного оружия, как было отмечено ранее, еще не ясна окончательно. Однако в пользу такого заключения не по содержанию, а по форме может служить опора двух сторон на Су-25 – тихоходные и уязвимые штурмовики, которые состоят на вооружении Беларуси. С точки зрения военной эффективности такой выбор объяснить затруднительно (чего, правда, нельзя сказать об «Искандерах»), однако с точки зрения демонстративного политического сигнализирования – вполне возможно.

Основной смысл российских ядерных зонтиков, на наш взгляд, состоит все же в сдерживании потенциальных противников (на данном этапе – прежде всего коллективного Запада), предотвращении их агрессии в отношении России или ее союзников. Важность такого сигнализирования особенно очевидна в условиях украинского кризиса и поставок западными государствами Киеву дальнебойных систем вооружений. Представляется, что в отсутствие системы ядерного сдерживания России на белорусском направлении и в целом мер по усилению и демонстрации дееспособности стратегических ядерных сил России коллективный Запад вел бы себя значительно более безрассудно. То, что ядерные фантазии Украины и ряда ее западных союзников остаются и на данный момент фантазиями, несмотря на участвовавшие разговоры о передаче Киеву ядерного оружия³⁰⁶, – не в последнюю очередь заслуга поддержания внешней убедительности российского ядерного сдерживания.

Отметим, что циркулирующие в западной среде указания на «ядерные угрозы» и «шантаж» со стороны России не имеют под собой эмпирических оснований. В рамках украинского конфликта Россия твердо и развернуто обозначила, что эффективности обычных вооружений достаточно для решения боевых задач на Украине, и применение ядерного оружия не рассматривается³⁰⁷. При этом концепция «эскалации ради

---

³⁰⁵ Кривопапов А. Сигнальная функция ядерного сдерживания и её неочевидные исторические параллели // Россия в глобальной политике. 2026. № 1. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/signalnaya-funkcziya-krivopalov/> (дата обращения: 14.02.2025)

³⁰⁶ Зеленский заявил, что «с удовольствием» принял бы ядерное оружие Запада // РБК. 27.02.2026. URL: <https://www.rbc.ru/politics/27/02/2026/69a1e5b89a7947ae51db9110> (дата обращения: 01.03.2026).

³⁰⁷ Лавров заявил, что РФ не рассматривает возможность применения ядерного оружия на Украине // ТАСС. 19.04.2022. URL: <https://tass.ru/politika/14410015> (дата обращения: 01.03.2026).

деэскалации», приписываемая западными государствами России, на самом деле не принята самой Россией³⁰⁸. Скорее наоборот, она продолжает оставаться на вооружении Запада.

2.6. Общее и специфичное в современных ядерных зонтиках

В настоящей главе была проанализирована практика ядерных зонтиков на современном этапе. Дополнив полученные выводы историческими аспектами, изложенными в главе 1, мы можем представить основные характеристики ныне существующих ядерных зонтиков в таблице 1.

---

³⁰⁸ Zubenko A. op. cit. P. 54.

Таблица 1 – Ядерные зонтики на современном этапе

Получает ядерные гарантии	Предоставляет ядерные гарантии	С какого момента	Главный источник угрозы	Сдерживание какой угрозы	Характер консультаций	Размещение ядерного оружия
Япония	США	1968	КНДР, КНР	Ядерная / весь спектр	Общие вопросы сдерживания	Нет
Южная Корея	США	1958	КНДР	Ядерная / весь спектр	Совместное ядерное	Нет
Австралия	США	1968 (1994)	КНР	Ядерная	Общие вопросы сдерживания	Нет
НАТО	США	1954	Россия	Весь спектр	Совместное ядерное	Да + СЯМ
НАТО	Великобритания	1962	Россия	Весь спектр	Совместное ядерное	Нет
НАТО/ЕС	Франция	1960 (2026)	Россия	Весь спектр	Совместное ядерное	Нет
Белоруссия	Россия	1993 (2000)	НАТО	Весь спектр	Без постоянного формата	Да + СЯМ
ОДКБ	Россия	1993	НАТО	ОМУ	Без постоянного формата	Нет

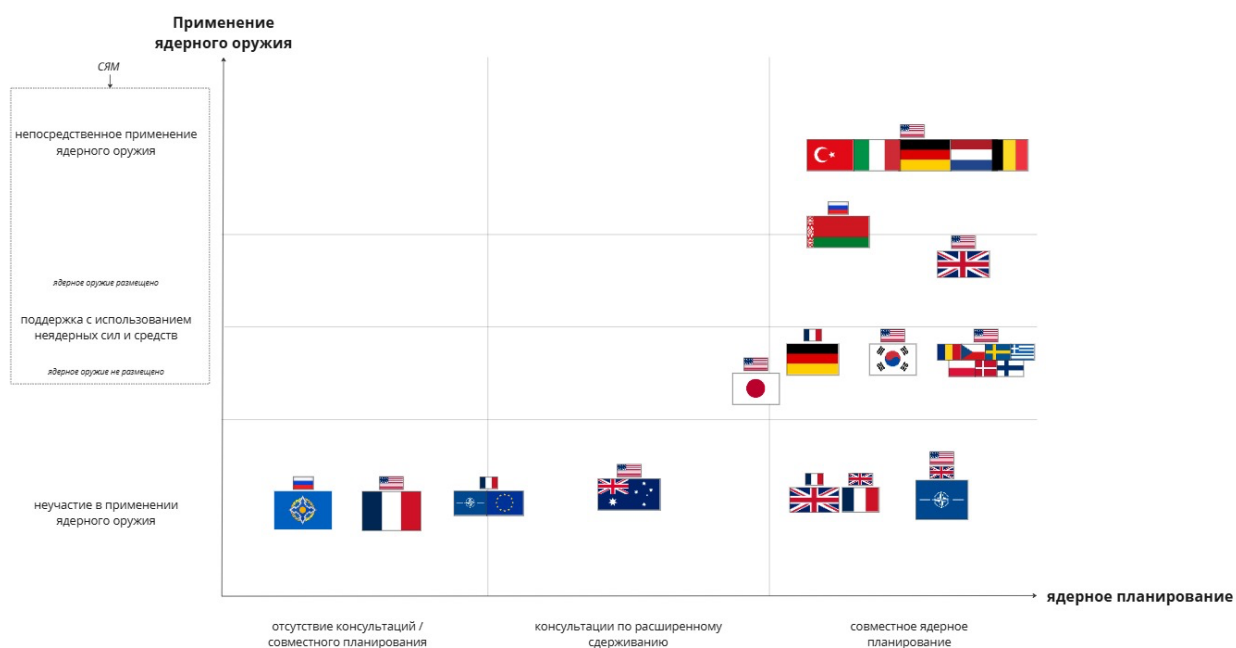
Необходимо пояснить, что в колонке о том, какая угроза сдерживается, в случае не всех стран можно дать однозначный ответ. В таком случае указывался сначала фактический характер угрозы, против которой направлен ядерный зонтик, а затем – формальный. В некоторых случаях также возможно однозначно сказать о моменте возникновения ядерного зонтика – в таком случае в скобках была указана альтернативная дата. Так, в случае Австралии его можно отсчитывать от рассмотренного в предыдущей главе письма Вашингтона в адрес правительства Австралии от 1968 г. или от первого упоминания существования ядерного зонтика в доктринальных документах Канберры. Аналогичная ситуация в случае России и Белоруссии: 1993 г. отсылает к первой военной доктрине России, а 2000 – к первому упоминанию ядерных гарантий Москвы в военной доктрине уже Союзного государства. В случае Франции 1960 г. указан в той связи, что, согласно Парижу, Франция «всегда» придавала своему ядерному сдерживанию европейскую роль, и именно в этом году страна вошла в ядерный клуб. Однако более осязаемое формирование ядерных гарантий Парижа своим союзникам относится к объявленной в 2026 г. доктрине «передового сдерживания». Список существующих институционализированных диалоговых форматов по вопросам расширенного сдерживания и ядерного планирования представлен в таблице 2.

	Название	Год создания
Япония	Консультативный комитет по безопасности	1975
	Диалог по расширенному сдерживанию	2010
Южная Корея	Консультативные встречи по безопасности	1968
	Комиссия по политике расширенного сдерживания	2010
	Консультативная группа по стратегии сдерживания	2016
	Консультативная группа по ядерному планированию	2023

Австралия	Двусторонние министерские консультации	1985
	Стратегический политический диалог	2019
	Диалог по оборонной политике и стратегии	2019
НАТО	Группа ядерного планирования (кроме Франции)	1966
	Руководящая группа по ядерным вопросам (Франция – Великобритания)	2025
	Руководящая группа по ядерным вопросам (Франция – ФРГ)	2026

Таблица 2 – Институционализированные диалоговые форматы, касающиеся расширенного сдерживания и ядерного планирования в рамках существующих ядерных зонтиков

Возвращаясь к двухосной системе классификации ядерных зонтиков, их современные варианты можно представить следующим образом (рисунок 3).

Рисунок 3 – Классификация современных ядерных зонтиков по уровню участия союзника в ядерном планировании и применении ядерного оружия государства, предоставляющего ядерные гарантии.

Настоящий график составлен «от лица» государства, которому предоставляют ядерные гарантии (маленький флаг сверху – государство, предоставляющее гарантии). К примеру, для Германии как союзника Великобритании по НАТО консультации по ядерным вопросам осуществляются в рамках ГЯП (где Великобритания присутствует наравне с США), однако ядерное оружие Великобритании не размещено на территории ФРГ и совместные операции в этом смысле не предполагаются. Южная Корея же, не имея пока на своей территории американского ядерного оружия, уже участвует в планировании совместных ядерных операций в рамках ИКЯС, где Сеулу отводятся именно вспомогательные функции (эпизодические заходы в южнокорейские порты АПЛ США, оснащенных ядерным оружием, в свою очередь приближают Южную Корею к грани размещения ядерного оружия). При этом ось «применение ядерного оружия» отсылает к участию союзника ядерного государства в применении ядерного оружия последнего, то есть потенциальные скоординированные ядерные операции Франции и Великобритании, где каждая страна будет применять собственные вооружения, здесь не учитываются. Флаги союзов (ОДКБ/НАТО) включают все те их государства-члены, которые не были отображены отдельно; в случае гарантий Франции речь идет о ее европейских союзниках по НАТО/ЕС, т.е. США и Канада не включаются.

Стоит также пояснить промежуточные случаи. Япония расположена между консультациями по расширенному сдерживанию и совместным ядерным планированием на том основании, что в 2024 г. был принят засекреченный и подобный южнокорейскому аналогу документ – Руководящие принципы ядерного сдерживания. Данный документ означает более тесный уровень взаимодействия в вопросах планирования, нежели просто регулярно созывающийся Диалог по расширенному сдерживанию; он же наряду с периодическими учениями американских стратегических бомбардировщиков и японских ВВС позволяет предположить, что Вашингтон и Токио все же прорабатывают возможность совместных ядерных операций, где Силам самообороны будет отводиться вспомогательная роль. Республика Беларусь расположена таким образом, поскольку достоверно неизвестен уровень участия вооруженных сил Республики в применении российского ядерного оружия – по меньшей мере, о поддержке соответствующих операций точно можно говорить. Однако из наличия и модернизации белорусских носителей, способных доставить ядерное

оружие³⁰⁹, *ipso facto* не исходит договоренность об участии Минска в его техническом применении подобно СЯМ в НАТО. В то же время, хотя институционализированной и постоянной площадки для взаимодействия в сфере ядерного планирования на данный момент нет, это не означает, что Минск не участвует в ядерном планировании³¹⁰ – просто российско-белорусский формат пока не предполагает аналогов американским «группам» и «диалогам». Взаимодействие Франции с ее европейскими союзниками по НАТО / ЕС (за исключением ФРГ и Великобритании) тоже находится в промежуточном положении, поскольку, с одной стороны, «стратегический диалог» по ядерному сдерживанию в настоящий момент запущен и ведется, но данные консультации пока не вылились в оформление постоянного и формализованного формата.

Нельзя не отметить, что для всех ныне существующих ядерных зонтиков характерен ряд как общих, так и специфических черт. С одной стороны, все ядерные зонтики ориентируются на сдерживание преимущественно (в отдельных случаях и исключительно) ядерной угрозы со стороны ядерного государства. Даже если речь идет о всем спектре возможных угроз союзнику, в ответ на которые может быть применено ядерное оружие, то они все равно «привязываются» к государству, обладающему ядерным оружием. Кроме того, соответственно, все ядерные зонтики имеют если не политический, то точно военный смысл, сводящийся к сдерживанию потенциальных агрессивных действий этих ядерных государств в отношении союзников государства, предоставляющего ядерный зонтик.

Однако есть и ряд отличий, которые можно выделить по двум осям. Первая ось – зонтики России и зонтики США. Исторически сложилось – и продолжает иметь место – такое положение дел, что ядерные гарантии США, в отличие от российских, предоставляются ныне неядерным государствам, имеющим, однако, значительный технический потенциал (ядерную латентность) для создания в случае принятия политического решения ядерного оружия³¹¹.

Соответственно, предоставление ядерных гарантий со стороны США основано в том числе на логике поддержания режима нераспространения ядерного оружия, что открыто признают в Вашингтоне³¹². Вероятно, именно в связи с этим, учитывая усиление озабоченности американских союзников собственной безопасностью, ядерные зонтики США несколько более «инклюзивны», поскольку подключают союзников к институционализированным обсуждениям и взаимодействию по вопросам расширенного

---

³⁰⁹ Тренин Д.В., Русакович А.В. *op. cit.* 129.

³¹⁰ Там же. С. 128.

³¹¹ См. об этом: Новая ядерная девятка? Оценка угроз распространения ядерного оружия в мире. Доклад. Издание 2-е (исправленное и дополненное) / Ред. В.А. Орлов, С.Д. Семенов. М.: ПИР-Пресс, 2023.

³¹² U.S. Extended Deterrence and Regional Nuclear Capabilities // Congressional Research Service. URL: <https://www.congress.gov/crs-product/IF12735> (accessed: 01.03.2026).

ядерного сдерживания (вплоть до совместного ядерного планирования), тем самым удостоверяя тех в прочности союзных обязательств Вашингтона и нивелируя стимулы для приобретения собственного ядерного оружия. Россия же, хотя и отработывает с Беларуссией свой вариант совместных ядерных миссий, пока не создала (или не предала огласке его существование) аналогичный постоянный диалоговый формат, что, опять же, не означает отсутствия самого совместного ядерного планирование. Оно лишь менее публично.

Наконец, нельзя не отметить, что система ядерных зонтиков США, хотя и будучи основанной на стратегических ядерных силах, не сводится исключительно к ним и реализуется в канве политики интегрированного сдерживания, принятой в Вашингтоне³¹³. Соответственно, у ядерного зонтика, помимо собственно ядерного, также значительно развит уровень неядерных дальнобойных и стратегических вооружений, который встраивается в общую концепцию расширенного сдерживания. Не случайно, что Вашингтон часто оперирует понятием именно «расширенного сдерживания», а не «расширенного ядерного сдерживания».

Поскольку США являются своего рода «лидером» на поприще ядерных зонтиков, вторая ось сравнения сводится к сопоставлению именно американских ядерных зонтиков. В этом контексте нельзя не отметить существование двух моделей зонтиков Вашингтона – европейской и азиатско-тихоокеанской. Европейская модель ядерного зонтика характеризуется передовым базированием американского ядерного оружия и самым тесным участием европейских союзников США в ядерном планировании и непосредственном применении ядерного оружия. Азиатско-тихоокеанская модель отличается хотя и неравномерным, но в целом более низким уровнем консультаций по ядерным вопросам, а также неразмещением американского ядерного оружия на территории союзников в регионе. На полях отметим, что ядерные зонтики США и России в европейском регионе (над НАТО и Беларуссией соответственно) схожи в том, что они представляют собой единственный современный пример размещения ядерного оружия вне национальной территории.

Вопросу убедительности современных ядерных зонтиков в настоящей главе было уделено значительное внимание. Обобщая, отметим, что все ядерные зонтики так или иначе играют сдерживающую роль даже при малой вероятности применения ядерного оружия ради защиты союзника. С другой стороны, о существовании автоматизма в применении и ядерных, и в целом гарантий в сфере безопасности (особенно касается союзов США)

---

³¹³ 2022 Nuclear Posture Review. P. 3.

говорить также не приходится. На наш взгляд, ранжировать ядерные зонтики по степени внешней убедительности, т.е. вероятности претворения ядерных гарантий в жизнь, можно следующим образом (от наиболее убедительных):

Белоруссия – НАТО – ОДКБ – Южная Корея – Япония – Австралия

Ядерные зонтики в европейском регионе отличаются особой убедительностью в связи с размещением там ядерного оружия США и России (оказывает «привязывающий» эффект) и особой важностью данных регионов для обеспечения безопасности двух стран. В случае Белоруссии данный аспект проявляется особенно четко, поэтому она поставлена на первое место. При этом в европейском регионе ситуация в сфере безопасности на данный момент наиболее критична, то есть речь идет о более угрожающей внешней среде для обоих блоков. ОДКБ следует за НАТО в связи с уже упомянутым соображением о том, что безопасность ближнего зарубежья России играет ключевую роль для поддержания ее собственной безопасности. Последние заявления высшего руководства России в связи с обновлением ядерной доктрины в 2024 г. дали понять, что Москва уделяет значительное внимание сдерживанию угрозы агрессии против ее союзников по ОДКБ.

Азиатско-тихоокеанская «тройка» союзников США под ядерным зонтиком была ранжирована, опять же, на основе остроты ядерных угроз, стоящих перед государствами (Сеул, очевидно, в этом смысле лидирует), а также глубины и масштабов консультативных форматов по вопросам расширенного сдерживания, где Южная Корея также лидирует и вместе с Японией опережает Австралию. Подчеркнем, что данное ранжирование основано исключительно на субъективной оценке автора.

На страницах настоящей главы мы попытались аргументировать, почему система ядерных зонтиков США, особенно в АТР, отличается малой убедительностью. Не повторяя приведенные аргументы, отметим, однако, что один из ключевых параметров, определяющих возможную нерешительность Вашингтона пойти на ядерную эскалацию – ощущение собственной уязвимости – не является константой. Стремление администрации Трампа реализовать «Золотой купол» и тем самым построить национальную систему ПРО в случае реализации существенно подорвало бы стратегическую стабильность и увеличило стимулы для нанесения первого ядерного удара ради защиты союзника³¹⁴. Однако не до конца ясно, готов ли Вашингтон предпринять такой шаг, если он приведет к ядерному удару по его союзнику (если он не будет включен в эту пока национальную систему ПРО). Кроме

---

³¹⁴ Антонов А.И. «Надо занять проактивную позицию и не ждать, когда проснутся в Вашингтоне» // ПИР-Центр. 27.06.2025. URL: <https://pircenter.org/editions/aia-pst/> (дата обращения: 01.03.2026).

того, мы исходим из того, что абсолютной уязвимости от ядерного возмездия достичь невозможно, а следовательно, соображения уязвимости все еще будут присутствовать в потенциальном процессе принятия решения о применении ядерного оружия.

В то же время на современном этапе (с 2022 г.) существующие ядерные зонтики развивались по ряду направлений. Во-первых, в случае форматов США стоит отметить общую тенденцию по качественному и количественному усилению диалога Вашингтона и его союзников по ядерным вопросам, преимущественно в АТР. Примером тому является создание в 2023 г. КГЯП (с Южной Кореей), а также принятие на южнокорейском и японском направлениях засекреченных документов, регламентирующих вопросы совместного ядерного планирования и сопутствующие сюжеты (так называемые Руководящие принципы). При этом заметно интенсифицировался и вышел на новый уровень трехсторонний диалог по вопросам сдерживания в формате Сеул-Токио-Вашингтон. Хотя сейчас «ядерным альянсом» с США в АТР может похвастаться только Южная Корея, просматриваются перспективы и его трехсторонней версии (см. главу 3). Намечились также основы для стратегического диалога между НАТО и союзниками США в АТР, хотя никакого соответствующего формата еще не было учреждено.

Во-вторых, помимо диалога речь идет о повышении «видимости» стратегических сил США в АТР и Европе путем все более частых визитов АПЛ (в том числе оснащенных ядерным оружием) в порты союзников, демонстративных пролетов стратегических бомбардировщиков над их территориями и всевозможных учений. На данный момент, правда, именно совместные ядерные миссии на практике отрабатываются только в рамках НАТО, однако аналогичные командно-штабные учения проводятся уже в Южной Корее и Японии. Передовое присутствие США при этом усиливается за счет развертывания ударных систем вооружений двойного назначения (авиации, ракет средней и меньшей дальности) и в то же время все большего делегирования неядерного измерения сдерживания союзникам, активно развивающим неядерные ударные потенциалы и в целом все более милитаризирующим свою политику безопасности (особенно иллюстративны здесь примеры ФРГ и Японии). Таким образом, «ядерный» компонент ядерных зонтиков США несколько размывается.

Тем не менее, на европейском направлении США усиливают свое присутствие в том числе в ядерном измерении, завершив замену устаревших термоядерных бомб B61 на модернизированные B61-12 и приняв решение о расширении за счет Великобритании сети авиабаз, складывающих данные боеприпасы. С 2025 г. американское ядерное оружие размещено на территории шести, а не пяти европейских государств, как. Расширяется круг потенциальных участников совместных ядерных миссий, причем не только в сфере CSNO,

но и в непосредственном применении ядерного оружия (Великобритания). В целом, вкупе с размещением ядерного оружия России в Белоруссии нельзя не отметить общий тренд на увеличение запасов развернутого на территории Европы НСЯО.

Объяснить эволюцию ядерных зонтиков США в сторону большей инклюзивности, большего конвенционального компонента и большей видимости стратегических сил можно, исходя из общего ухудшения (в глазах союзников США и самого Вашингтона) обстановки в сфере безопасности. Все более опасная среда содействует увеличению опасений американских союзников в дееспособности Вашингтона прийти на помощь с использованием действительно всех средств (вопрос внутренней убедительности). Параллельно в обществах и элитах этих стран – обладающих значительной ядерной латентностью – активизируются голоса в пользу обеспечения собственной безопасности кажущимся предельно надежным способом – созданием собственного ядерного оружия. США в свою очередь, осознавая ненулевую вероятность такого развития ситуации в случае сохранения прежней системы отношений с союзниками, стремятся избежать эффекта домино в сфере как ядерного распространения, так и кризиса доверия в рамках глобальной архитектуры военных союзов. Тем самым, помимо изначальной необходимости усилить сдерживающий эффект на общего противника, то есть внешнюю убедительность, США стремятся усилить и внутреннюю убедительность.

Взаимосвязь большей «инклюзивности» и успокоения союзников была пояснена ранее. Размещение ядерного оружия имеет примерно схожий смысл, поскольку представляет собой ядерную гарантию США, которую, простыми словами, можно «потрогать» (в случае СЯМ это даже не метафора), и которую США с большей вероятностью задействовали бы для защиты союзников хотя бы потому, что при бездействии в случае вооруженного конфликта и неблагоприятной оперативной остановки Вашингтон может столкнуться с ситуацией *use-it-or-lose-it*. Иными словами, Вашингтон в случае гипотетического конфликта с Россией и продвижения войск последней в Европе с большей вероятностью решится на применение развернутого там НСЯО в том числе потому, что будет опасаться его потерять. Правда, недооценивать логистические возможности США по – при нежелании разменивать Берлин на Вашингтон – вывозу НСЯО из Европы тоже не стоит. Аналогичный расклад применим и к французскому ядерному оружию, если оно также будет размещено на территории других европейских государств.

Усиление неядерных наступательных (ударных) возможностей США и их союзников предполагает повышение ядерного порога и основано на том соображении, что вместо ядерного ответа на возрастающие угрозы можно прибегнуть к менее политически затратным, но не менее эффективным обычным вооружениям. Иными словами, речь идет о

необходимости обеспечить такую ситуацию, чтобы до момента принятия решения о (не)применении ядерного оружия дело не дошло в принципе, а ответ на угрозу был бы успешно дан. Таким образом убедительность военных союзов Вашингтона также повышается. Парадоксально, но то же можно сказать про убедительность ядерного зонтика, поскольку в случае, если дело все-таки дойдет до принятия решения о применении ядерного оружия, соответствующие операции могут быть проведены с большей эффективностью (за счет применения обычных вооружений при выполнении вспомогательных функций). При этом от большей ставки на интегрированное сдерживание сами доктринальные условия, определяющие возможность применения Вашингтоном ядерного оружия, не изменятся.

Наконец, еще одна тенденция. На данном этапе мы наблюдаем стремление Франции усилить и конкретизировать собственный ядерный зонтик над своими союзниками в Европе, равно как ответный интерес этих стран. В рамках ли НАТО или ЕС, точно неизвестно, но Париж, вероятно, склонен ко второму варианту, хотя и без признания открытого конфликта между французскими и американскими / британскими ядерными гарантиями³¹⁵. Отметим, что Франция ранее также на доктринальном уровне предоставляла ядерный зонтик своим европейским союзникам. Сейчас же речь идет о попытках закрепить французский ядерный зонтик над Европой в многостороннем формате, а не только в национальной доктрине, а также операционализировать его. Последнее предполагает уточнение формата взаимодействия Парижа с неядерными союзниками в Европе, и именно этой цели служат мартовские предложения Макрона по совместным ядерным учениям и размещению ядерного оружия на территории европейских союзников.

Что же касается британского ядерного зонтика, столь же громких инициатив (помимо общих обсуждений «европейского сдерживания»), как в случае Франции, самим Лондоном пока не выдвигалось ни в теоретическом, ни в практическом измерениях, и стабильно декларируемые в национальной ядерной доктрине гарантии Лондона в рамках НАТО все еще во многом привязаны к США. Явным свидетельством тому являются решения о размещении американского НСЯО сразу на двух британских авиабазах и закупке F-35A.

Указанные тенденции в развитии современных зонтиков логичным образом ставят ряд вопросов об их будущем. Данный вопрос развернуто анализируется в следующей главе.

---

³¹⁵ Тем более, что перечень союзников Парижа в рамках НАТО и ЕС почти идентичен, и все государства, участие которых в совместных ядерных учениях с Францией предполагается на данный момент, входят и в НАТО, и в ЕС.

Глава 3. Перспективы практики ядерных зонтиков

3.1. Существующие форматы

Перспективы существующих ядерных зонтиков уместно представить в рамках трех подгрупп, а именно 1) системы американских ядерных гарантий в АТР, 2) ядерных зонтиков в рамках НАТО и 3) российских ядерных гарантий.

Ситуация в АТР развивается стремительно. Сближение в понимании угроз³¹⁶ в Вашингтоне, Сеуле, Токио и Канберре укрепляет основу американского расширенного сдерживания в регионе, а все более критическое восприятие этих угроз порождает все большие опасения союзников США о своей безопасности и прочности американских гарантий – как в целом, так и в ядерной сфере. Отталкиваясь от этого положения дел, мы можем ожидать дальнейшее усиление системы американского расширенного (ядерного) сдерживания в регионе в кратко- и среднесрочной перспективе. Как было неоднократно упомянуто, такое усиление соответствует интересам и Вашингтона, и его союзников: первый обеспечивает не только более надежное сдерживание, но и достигает – по крайней мере временно – целей нераспространения и поддержания доверия к общей архитектуре военно-политических альянсов; союзники же в большей степени верят в обеспеченность собственной безопасности.

Одним из конкретных результатов, которые мы можем ожидать в предстоящие года, с большой вероятностью может стать многосторонняя ядерная интеграция в формате Вашингтон-Сеул-Токио. О такой перспективе все более активно говорят в исследовательской литературе³¹⁷, хотя американские эксперты занимают более сдержанные позиции и видят более вероятным существование двух двухсторонних форматов³¹⁸. По существу, однако, никаких препятствий по меньшей мере для трехсторонних консультаций (планирования) по ядерным вопросам, выводя за скобки полноценные СЯМ, не существует. И Япония, и Южная Корея с недавних пор имеют «руководящие принципы» с США в области расширенного сдерживания, с 2010 г. ведутся и соответствующие диалоги. На данный момент в вопросах сближения с США в ядерном планировании Япония выступает в роли «догоняющего» («руководящие принципы» были приняты чуть позже их

---

³¹⁶ Ныне такими угрозами видятся КНР и КНДР, а также все больше – Россия. Примечательно, в частности, что Южная Корея ранее фокусировалась исключительно на КНДР как угрозе своей национальной безопасности, однако сейчас, не без усилий Вашингтона, она также втягивается в общее противостояние с КНР и Россией.

³¹⁷ Малолетко А.В. *op.cit.* С. 82.

³¹⁸ The U.S. «nuclear umbrella» in Asia: How reliable is it for Japan and South Korea?: Interview with Dr. David Santoro by Ilya Subbotin.

южнокорейской версии, а аналога КГЯП еще не создано), но направление движения одинаково. В связи с этим вполне вероятным видится или учреждение аналога КГЯП на японо-американском треке с последующим слиянием двух групп в «ядерный треугольник», или подключение Токио к американо-южнокорейской КГЯП.

Что же касается Австралии, она также играет роль догоняющего, но еще более значительно отстает от формата «ядерного альянса» между США и РК, что было показано ранее. Однако нарастание противоречий с КНР и выявленные в предыдущей главе тенденции свидетельствуют о том, что диалог США с Австралией в сфере расширенного (ядерного) сдерживания тоже будет усиливаться – примечательно, что такие рекомендации Канберре даются и рядом западных исследователей³¹⁹. Вероятность создания полноценного аналога КГЯП на данном направлении несколько меньше в силу сравнительно менее непосредственного характера угроз, с которыми сталкивается Канберра, однако исключать такое развитие событий нельзя. В целом, однако, в кратко- и среднесрочной перспективе «ядерный квадрат» в области совместных ядерных консультаций и планирования в АТР образован не будет, но «треугольник» - вполне.

Более неоднозначен вопрос о том, перерастет ли сотрудничество США с их азиатскими союзниками в полноценный аналог СЯМ НАТО. Некоторые исследователи утверждают, что аналог такого ядерного альянса, по существу, уже выстраивается на примере Южной Кореи³²⁰, однако это не совсем корректно: хотя совместные ядерные операции предусматриваются, Сеулу отводится только вспомогательная роль, а не непосредственное применение развернутого на его территории ядерного оружия с санкции Вашингтона. Тем самым, простор для развития еще есть.

Оговоримся, что в случае Австралии перспектива развертывания американского ядерного оружия на ее территории и передача австралийским ВС функций применения ядерного оружия очень маловероятна. Во-первых, играет роль географический фактор – размещение ядерного оружия в Австралии, доставка которого предусмотрена средствами воздушного базирования, имеет ограниченный военный смысл в силу отдаленности страны от потенциального театра военных действий. Во-вторых, соответственно, это существенно усилит напряженность в регионе и противостояние с КНР без пропорционального усиления сдерживания, то есть потеря будет больше, чем приобретений. Австралийскому руководству куда более привлекательно усиление конвенционального потенциала национальных ВС и присутствия США в регионе.

---

³¹⁹ Dean P.J., Frühling S., O'Neil A. op. cit. P. 31-32.

³²⁰ Desmaele L. op. cit. P. 27-28.

Хотя общественное мнение и ряд консервативных политиков с радостью одобрили бы такой шаг, и некоторые западные эксперты его поддерживают³²¹, Южная Корея также столкнулась бы с трудностями в вопросе возвращения американского ядерного оружия. Так, это бы похоронило навсегда идею денуклеаризации Корейского полуострова, которая продолжает быть основой курса Сеула. Более того, стороны столкнулись бы с «новыми старыми» проблемами в части военного смысла такого размещения. Корейский театр военных действий компактен, так что в случае неблагоприятного развития событий США и РК могли бы стать заложниками непреднамеренной ядерной эскалации (*use-it-or-lose-it*). Более того, опять же, для сдерживания КНДР имеются внушительные конвенциональные силы и средства. В то же время отношения Сеула с Пекином не настолько обострены, чтобы для сдерживания Китая Южная Корея видела бы необходимым такой опасный с точки зрения эскалации в регионе шаг, как размещение ядерного оружия.

Однако, опять же, исключать возвращение американского НСЯО в Южную Корею и ее подключение к полноценному аналогу СЯМ нельзя, особенно в случае, если произойдет резкое ухудшение обстановки на полуострове. Интенсификация пограничных инцидентов, новые ядерные испытания или другие шаги КНДР могли бы стать триггером для такого решения, тем более что никаких нормативных и законодательных препятствий для его реализации нет. И даже если с военным смыслом размещения ядерного оружия США все не так однозначно, этот шаг все равно мог бы рассматриваться как политический сигнал, адресованный и КНДР, и самому южнокорейскому руководству (подтверждение союзных обязательств).

В Японии размещение американского ядерного оружия (и ее участие в применении этого оружия) еще более маловероятно. Причиной тому все еще действующие Три неядерных принципа, а также негативный эффект, который такое решение оказало бы на обстановку в регионе. Речь шла бы о серьезнейшей дестабилизации обстановки в сфере безопасности, в то время как с точки зрения военного смысла добавочная стоимость такого шага была бы незначительна. Однако все большие сомнения Японии в «реальности» американских гарантий и проборы на высшем уровне идеи о возможности пересмотра Трех неядерных принципов не позволяют однозначно исключить такую перспективу. Теоретически возможно, что Токио в ситуации острого кризиса может пойти на размещение ядерного оружия как подтверждение союзных обязательств Вашингтона. Учитывая, что техническая способность Японии создать ядерное оружие является сильнейшей среди американских союзников в регионе, США могут пойти на дальнейшую ядерную

---

³²¹ Цит. по: Semenov S. op. cit. P. 52.

интеграцию из соображений нераспространения. В любом случае, даже если Принципы будут пересмотрены, более вероятно не непосредственное размещение ядерного оружия вслед за этим, а договоренность в духе джентельменских соглашений по Окинаве, то есть о возможности размещения ядерного оружия в кризисных ситуациях или военное время.

Ядерные зонтики США в АТР будут также развиваться по пути дальнейшего повышения видимости стратегических сил США, включая пролеты стратегических бомбардировщиков над территориями союзников, визиты подводных лодок (в том числе оснащенных ядерным оружием) в их порты, усиленное присутствие АПЛ, оснащенных БРПЛ с боезарядами малой мощности (W76-2) и совместных учений. На фоне сближения Сеула, Токио и Вашингтона в сфере ядерного и неядерного сдерживания стоит ожидать интенсификации соответствующих учений в регионе, в том числе своего рода аналогов CSNO в рамках НАТОвских *Steadfast Noon*. Постоянное базирование сил и средств США в неядерном оснащении, но способных нести ядерное оружие (в первую очередь стратегических бомбардировщиков), на территории союзников также станет нормой, причем здесь первопроходцем является Австралия.

Параллельно будет продолжен курс на усиление конвенциональной проекции силы США и их союзников в регионе. Логика такой тенденции была объяснена ранее. Здесь же оговоримся, что это не будет означать отказа от логики расширенного *ядерного* сдерживания – ядерные гарантии все еще будут иметь военный и политический смысл, хотя последний, пожалуй, будет сравнительно более важен как подтверждение «высшей» значимости альянса.

Подчеркнем, что усиление ядерных зонтиков США в регионе будет рисками распространения ядерного оружия, поскольку Япония и Южная Корея развивают соответствующие технические возможности (и имеют почти все или все для создания ядерного оружия уже сейчас) и все больше задумываются о таком шаге политически³²². В этих условиях ядерные гарантии США продолжают иметь нераспространенческий смысл. Хотя на уровне общественно-политических дискуссий в США все более активно пробрасываются идеи по «избирательному распространению»³²³ среди союзников для более эффективного сдерживания, такое мышление не характерно для официального Вашингтона и вряд ли станет таковым в силу опасности дестабилизации в регионе с перспективой ядерного конфликта. Акценты на «разделении бремени» и большем вкладе союзников в оборону касаются конвенционального измерения, но никак не ядерного.

---

³²² См. об этом: Orlov V., Semenov S., Tsukanov L. op. cit.

³²³ Graefrath M.S., Raymond M.A. America's Allies Should Go Nuclear. Selective Proliferation Will Strengthen the Global Order, Not End It // Foreign Affairs. 19.11.2025. URL: <https://www.foreignaffairs.com/canada/americas-allies-should-go-nuclear> (accessed: 21.03.2026).

Ситуация с ядерными гарантиями в рамках НАТО и перспективы европейского сдерживания в последнее время обсуждаются повсеместно. С возвращением Трампа в Белый Дом трансатлантические отношения существенно ухудшились. Можно сказать, что на данный момент Вашингтон и его европейские союзники все больше расходятся в понимании стоящих перед ними угроз – если Трамп смещает акценты с России на КНР, то Европа продолжает делать первоочередную ставку на сдерживание России. Отсюда в Европе логичным образом усиливаются сомнения в реальности американских гарантий (в том числе ядерных), то есть вероятности, что США «вступятся» за Европу в случае конфликта с Россией. Соответствующая тенденция будет продолжаться по меньшей мере до конца срока Трампа, но, вполне вероятно, переживет и его в силу глубины нынешних разногласий по широкому спектру вопросов. С точки зрения ядерного зонтика США такая тенденция выражается в стремлении европейских государств к хеджированию, то есть нахождению перестраховочной альтернативы традиционному расширенному ядерному сдерживанию.

Тем не менее, в кратко- и среднесрочной перспективе речь ни в коем случае не будет идти о замене американских ядерных гарантий французскими, и рассмотрение соответствующего сценария некоторыми европейскими экспертами³²⁴ имеет исключительно умозрительный характер. Хотя сомнения в убедительности ядерных гарантий США как никогда высоки, от них не откажутся ни европейские государства, ни сам Вашингтон. Все-таки на данный момент имеет место разница в приоритетности угроз, но не в их самом наличии – сдерживание России в той или иной степени актуально и для Вашингтона, и для его европейских союзников. Кроме того, отказ США от своего ядерного зонтика мог бы повлечь за собой глобальный кризис доверия к союзным обязательствам Вашингтона как таковым, то есть негативно отозваться на системе американских альянсов в АТР, что неприемлемо для США. В конце концов, такое решение побудило бы ряд европейских государств, и в первую очередь ФРГ, всерьез задуматься о собственном ядерном оружии в условиях, когда французского ядерного сдерживания может оказаться недостаточно.

Тем самым, хотя вероятность действительного воплощения американских ядерных гарантий в рамках НАТО в случае кризиса понижается, они все еще играют важную политическую роль и для США, и для Европы, которая все-таки более комфортно ощущает себя под теоретическим, но все же зонтиком могущественного союзника. В практическом отношении тот факт, что ядерные гарантии США продолжают иметь место в обозримом

---

³²⁴ Horovitz L. (2025). *op. cit.*

будущем, является недавно завершённое переоборудование авиабаз на территории европейских государств, где размещено ядерное оружие, и переоснащение их новейшей модификацией ядерных авиабомб. Здесь же стоит отметить решение ФРГ в 2022 году о закупке F-35A для усиления СЯМ, что является долгосрочной политической инвестицией, а также присоединение Великобритании к СЯМ и модернизацию двух ее авиабаз для размещения американского ядерного оружия. Открытым остается вопрос о присоединении Польши к архитектуре СЯМ, и такой шаг, на наш взгляд, нельзя исключать несмотря на множество препятствий к его реализации.

Особый интерес представляет будущее концепции «передового сдерживания», выдвинутой Макроном в начале 2026 г., и в целом идеи европейского сдерживания. В первую очередь отметим, что усилия на данном направлении будут выстраиваться прежде всего вокруг Франции, поскольку Великобритания продолжает делать ставку на неразрывную связку своих стратегических ядерных сил с американскими, в том числе в вопросе командования и планирования³²⁵. Во-вторых, под европейским сдерживанием, тем самым, будет подразумеваться более конкретная проработка сотрудничества Франции и ее союзников в Европе в ядерной области, но не создание общеевропейского ядерного оружия с коллективным контролем за его применением. На такое не пошел бы Париж уже в силу потери суверенитета над собственным ядерным оружием и особых военно-политических позиций в Европе. Да и для потенциальных «ядерных новичков» в Европе, прежде всего ФРГ, в ближайшем будущем будет предпочтительнее иметь над собой два ядерных зонтика (США и Франции), нежели создать собственный ядерный потенциал в силу эскалационных рисков такого шага и вероятных политических и экономических санкций, вплоть до потери гарантий безопасности со стороны других ядерных государств.

На данный момент в Европе функционируют два консультативных механизма с участием Франции – двусторонние Руководящие группы по ядерным вопросам с Великобританией и Германией. В силу того, что об интересе к участию в «передовом сдерживании» (посредством размещения на своей территории ядерного оружия, подключения к ядерному планированию и совместным ядерным операциям) заявили и другие европейские государства, уместно ожидать или создания очередного, уже многостороннего формата по линии Франция – неядерные союзники, или включения последних в недавно образованную группу с германским участием. Дальнейшее создание и наслоение других двусторонних «руководящих групп» (например, со Швецией или Польшей) исключать тоже нельзя, но, на наш взгляд, никакого особого смысла плодить

---

³²⁵ Данилов Д.А., Загорский А.В. *op. cit.*

сущности для Парижа тут нет. Другое дело, что двусторонняя группа с Лондоном, вероятно, продолжит функционировать отдельно в силу, во-первых, ядерного статуса Великобритании (следовательно, с точки зрения координации в ядерной сфере обсуждаются другие вопросы, нежели в случае сотрудничества с неядерными государствами), а во-вторых, особых отношений Лондона и Вашингтона. То есть Великобритания едва ли готова будет пойти так же далеко в вопросе именно европейского измерения сдерживания, как Франция и ее союзники.

Вопрос о перспективах размещения воздушного компонента ядерной диады Франции (на ротационной или постоянной основе) на территории заинтересованных европейских союзников и создания своего рода аналога СЯМ НАТО неоднозначен. В первую очередь отметим, что ссылки на «суверенность» французской ядерной доктрины в обосновании невозможности участия той же ФРГ в техническом применении французского ядерного оружия, подобно американскому, скорее несостоятельны. При должной политической изворотливости и воле Париж вполне может согласиться на такой формат с оговоркой (подобно американской) относительно того, что контроль за французским ядерным оружием, включая санкцию на его применение, будет принадлежать исключительно Парижу. Создание аналога PAL вполне реализуемо.

Другое дело, что согласие на такую глубокую ядерную интеграцию в Париже может быть дано лишь в исключительной ситуации и будет иметь политически высокую цену. Соответственно, пока имеет место какое-никакое американское ядерное присутствие в регионе и СЯМ в рамках НАТО, их полноценный французский аналог вряд ли появится. В конце концов, не все европейские страны заинтересованы в таком развитии событий и не готовы отказываться от трансатлантизма в политике безопасности, менять Вашингтон на Париж. К таковым все еще можно отнести ФРГ и Польшу, которые придают большое значение ядерному сдерживанию в рамках НАТО с использованием американских ядерных сил и средств и не до конца уверены, что стратегические ядерные силы Франции могут заменить американские гарантии – тем более, что французская ядерная доктрина не видит возможности для «гибкой» ядерной эскалации. Другие же страны, заинтересованные в «передовом сдерживании», не будут готовы разместить у себя французское ядерное оружие по внутривнутриполитическим соображениям – Швеция, к примеру, следует линии на запрет размещения ядерного оружия в мирное время.

В дополнение к этому отметим, что техническая сторона потенциального размещения французского ядерного оружия на территории европейских союзников позволяет заключить о маловероятности такого шага. Во-первых, для такого размещения необходимы подходящие, хорошо оборудованные и защищенные объекты, строительство

которых занимает много времени и финансовых вложений. Сейчас таких объектов, опускающая авиабазы с ядерным оружием США, в Европе нет. Во-вторых, встает вопрос о средствах доставки. Конечно, теоретически возможна модель использования данных авиабаз исключительно ВКС Франции (по аналогии с базами Лейкенхит, Инджирлик и Авиано). Однако в случае участия французских союзников в данной версии СЯМ проблема с носителями будет стоять очень остро – американские носители (F-35A), как в случае ФРГ, очевидно, не подойдут. Альтернативой могли бы в теории стать закупки *Rafale* или дитя проекта Future Combat Air System (FCAS), однако на данный момент, как сообщает Reuters, инициатива находится на грани развала из-за решения Берлина закупить дополнительные F-35A и других разногласий³²⁶.

Как итог, в кратко- и среднесрочной перспективе видится вероятным присоединение ряда других европейских неядерных государств (Швеции, Польши и других) к системе совместного ядерного планирования с Францией, однако без полноценного аналога СЯМ в рамках НАТО, то есть без ротационного или постоянно размещения ядерного оружия на их территории и наделения их правом его технического применения с санкции Парижа. Тем не менее, стратегическая авиация Франции в неядерном оснащении, скорее всего, будет развертываться по меньшей мере эпизодически на территории участвующих в совместном ядерном планировании союзников Парижа. Отрабатываться и планироваться будет и конвенциональная поддержка ядерных операций французских ВКС со стороны европейских государств. В случае усугубления обстановки в сфере безопасности в Европе и (или) существенного обострения отношений с США работы по подготовке размещения французского ядерного оружия также могут начаться, но вероятность осуществления такого решения, в общем и целом, пока мала.

Проблему также представляет конкретная структура стратегических ядерных сил Франции. Как справедливо отмечает Л. Хоровиц, для того чтобы потенциальный французский ядерный зонтик был реально убедителен, Франции необходимо «отказаться от минимального сдерживания и существенно нарастить свой ядерный арсенал»³²⁷. Заявления Макрона в 2026 г., в целом, можно трактовать как шаг в направлении повышения убедительности, поскольку французский президент как раз объявил о ядерных наращиваниях и засекречивании информации о конкретных возможностях стратегических ядерных сил Франции. Однако пока что ядерные силы Франции продолжают основываться на контрценностной доктрине, которая, по мнению европейских аналитиков, в меньшей

---

³²⁶ Siebold S., Stone M. op. cit.

³²⁷ Horovitz L., Wachs L. (2023). op. cit. P. 4.

степени способна сдержать Россию, нежели контрсиловая, которой придерживаются США³²⁸.

В целом, ядерные гарантии неядерным государствам-членам НАТО со стороны США, Франции и Великобритании, вне зависимости от их конкретного оформления, продолжают иметь нераспространенческий смысл, особенно в силу нарастания ядерных амбиций ФРГ. В германском случае, при обострении сконструированной «российской угрозы», вполне можно ожидать усиления поддержки если не создания собственного ядерного потенциала, то подлинно европейских ядерных сил – еще в процессе присоединения к ДНЯО Берлин заявил, что «европейская ядерная опция» не попадает под запрет ДНЯО, и был поддержан США. По прошествии более чем 55 лет со дня заключения договора такая позиция не была пересмотрена в Берлине. Другое дело, что ни одно другое государство в Европе – по меньшей мере ядерное – не воспримет с радостью такого решения ФРГ. В связи с этим в обозримом будущем, вероятно, Германия продолжит следовать политике нахождения сразу под двумя ядерными зонтиками при усилении позиций в сфере неядерного сдерживания и «прощупывании» новых допустимых возможностей в сфере ядерного сдерживания.

В заключение подчеркнем, что, хотя в рамках настоящей и предыдущих глав довольно часто указывалось на нераспространенческий смысл ядерных гарантий США, данная логика не так проста. Действительно, в определенный исторический момент нераспространение ядерного оружия с помощью данных гарантий было заморожено и продолжает исключаться на данный момент. Проблема состоит в том, что неядерное государство под американским зонтиком всегда сомневается в реальности ядерных гарантий США, и при условии сохранения или усугубления внешних угроз (а вернее сказать, их восприятия) политика «малых ядерных шагов»³²⁹, то есть интеграция неядерного союзника в ядерное планирование Вашингтона и другие меры имеют своего рода точку насыщения, за которой достичь большей убедительности зонтика уже невозможно, а ощущение уязвимости и соответствующие сомнения нарастают дальше. Такая ситуация ведет к истощению убедительности ядерного зонтика, что может усилить стремление национальных элит к созданию собственного ядерного оружия или по меньшей мере поиску альтернатив сдерживания (другой ядерный зонтик или усиление конвенционального измерения).

---

³²⁸ Horovitz L. (2025). *op. cit.* P. 6.

³²⁹ Заключение // Новая ядерная девятка? Оценка угроз распространения ядерного оружия в мире. Доклад. Издание 2-е (исправленное и дополненное) / Ред. В.А. Орлов, С.Д. Семенов. М.: ПИР-Пресс, 2023. С. 202.

Тем самым в будущем – хотя и не обозримом – нельзя исключать, что даже французский ядерный зонтик в Европе в его максимально развитой форме не будет восприниматься как надежный инструмент сдерживания, что может усилить стимулы ФРГ к созданию собственного или «европейского» ядерного потенциала. Как справедливо отмечал У. Кюн, необходимость ядерного сдерживания для Берлина при его параллельной зависимости от США, которые все больше сфокусированы на Азиатско-Тихоокеанском регионе, а не Европе, может создать «взрывоопасную» смесь с точки зрения рисков ядерного нераспространения³³⁰. Продолжая тезис Кюна, отметим, что и недостаточная убедительность французского ядерного зонтика (в силу «миниатюрности» французских ядерных сил и особенностей доктрины Парижа), может стать не менее взрывоопасной.

В АТР ситуация схожа, хотя простор для дальнейшей ядерной интеграции Сеула и Токио с Вашингтоном пока присутствует, как и альтернатива чисто ядерному сдерживанию в виде усиления конвенциональных сил и средств, расширяющих поле неядерной эскалации и отличающихся порой не меньшим стратегическим значением, нежели ядерное оружие. Однако союзники США пока не отказываются от важности расширенного *ядерного* сдерживания, а значит, чисто усиления неядерных наступательных и оборонительных возможностей (как собственных, так и американских) в ближайшее время будет недостаточно, чтобы нивелировать их опасения относительно собственной безопасности.

Что же касается ядерных зонтиков России, следует различать общие доктринальные гарантии странам ОДКБ и ядерное измерение Союзного государства. В первом случае в кратко- и среднесрочной перспективе никаких существенных изменений ожидать не приходится, будет иметь место лишь доктринальный и односторонне объявленный ядерный зонтик. Половина членов ОДКБ находится в Центральной Азии – Зоне, свободной от ядерного оружия, и уже этот факт является существенным препятствием для какой-либо практической ядерной интеграции. Более того, с политической точки зрения, у России нет и в ближайшее время не будет достаточного единства в понимании внешних угроз и мер по их сдерживанию со странами-участниками ОДКБ (за исключением Белоруссии). Армения, Казахстан, Киргизия и Таджикистан не видят целью своей политики безопасности ядерное сдерживание США и НАТО и не нуждаются в соответствующем сотрудничестве с Россией. За последние годы имели место, наоборот, кризисные тенденции, как в случае охлаждения отношений с Арменией или неоднозначных высказываний лидера Казахстана (страны-участника ДЗЯО) о роли ядерного оружия в мире.

---

³³⁰ Kühn U. Of Dependence and Conservatism. Conclusions for German Nuclear Policies in the 21st Century // Germany and Nuclear Weapons in the 21st Century: Atomic Zeitenwende? / U. Kühn (Ed.) Abingdon: Routledge, 2024. P. 310.

С Белоруссией, однако, дело обстоит иначе. С 2022 года и Россия, и Белоруссия, сталкиваются с особенно агрессивной политикой коллективного Запада, требующей должного отпора. При этом перед лицом попыток смены режима и военной угрозы со стороны НАТО Минск пересмотрел свою прежнюю «многовекторную» линию и в целом сделал ставку на углубление сотрудничества и интеграции с Россией. Таким образом, коль скоро продолжается конфликт на Украине и в целом гибридная война коллективного Запада с Россией (и фактически Белоруссией тоже), имеется благоприятная почва для дальнейшей ядерной интеграции Москвы и Минска. При этом ее смысл, в отличие от американской модели, будет состоять не в поддержании режима ядерного нераспространения, но в непосредственном сдерживании США и их союзников от агрессии. Кроме того, ядерное измерение Союзного государства, на наш взгляд, продолжит иметь политическое значение, то есть закреплять высочайший уровень союза России и Белоруссии в целом.

В кратко- и среднесрочной перспективе российский ядерный зонтик над Белоруссией, учитывая усугубление обстановки в сфере безопасности и особенно стремительную милитаризацию и воинственность многих европейских государств, будет развиваться и в количественном, и в качественном отношении. Продолжат проводиться учения по совместному применению ядерного оружия, и нельзя исключать, что его в целом будет размещено больше на территории Белоруссии, как и самих носителей – прежде всего «Искандеров» и Су-25. О ядерном оснащении ныне размещенных РСД «Орешник» говорить в ближайшем будущем вряд ли придется в силу эскалационного потенциала такого шага. Тем не менее, в случае если США решат аналогичным образом оснастить размещаемые в ФРГ РСД, не должно быть сомнений в готовности Москвы предпринять аналогичные меры с «Орешником». Вероятно и дальнейшее усиление неядерных сил и средств ядерного сдерживания, в том числе сотрудничество в сфере ПВО/ ПРО и дальнобойных высокоточных вооружений.

3.2. Потенциальные «новички»?

Пример того, что под ядерными зонтиками с момента их основания было и остается «сухо»³³¹, обуславливает вопрос о перспективах создания новых таких зонтиков – особенно в условиях полномасштабной агрессии Израиля и США против Ирана под надуманным предлогом нарушения им режима ядерного нераспространения. Часто отмечается, что данный пример побуждает некоторые государства всерьез задуматься о привлекательности

---

³³¹ Орлов В.А. Да здравствует ядерный зонтик? // ПИР-Центр. 13.01.2026. URL: <https://pircenter.org/editions/long-live-the-nuclear-umbrella/> (дата обращения: 21.03.2026).

ядерного оружия, однако зачастую не рассматривается более «мягкая» альтернатива – предоставление ядерных гарантий со стороны ядерного государства, которое в теории могло бы обеспечить безопасность страны (защитить от агрессии, особенно со стороны ядерного государства) и в то же время нивелировать ее стимулы создать собственное ядерное оружие.

С другой стороны, «порог» предоставления ядерного зонтика тоже довольно высок – это не сиюминутное политическое решение. Как было сформулировано ранее, для этого должен благоприятно сложиться целый комплекс факторов и интересов. Сейчас в мире не существует ни одного государства, предоставление ядерных гарантий которому в обозримом будущем видится нам реально вероятным. Однако целесообразным представляется все-таки рассмотреть примеры отдельных акторов и попытаться выявить факторы, которые могли бы обусловить или наоборот сделать невозможным предоставление им ядерных гарантий.

В первую очередь, Иран. На первый взгляд предоставление Россией ядерных гарантий кажется логичным: это предотвратило бы последующую агрессию Израиля и США и в то же время могло бы позволить решить проблему ядерной программы Тегерана. На деле, однако, это все еще маловероятно. Во-первых, заключенный в 2025 г. Договор о всеобъемлющем стратегическом партнёрстве между Российской Федерацией и Исламской Республикой Иран³³² не представляет собой военный союз в строгом смысле слова, и даже по букве, тем самым, ядерная доктрина России на Иран не распространяется. Обязательств о коллективной обороне, не говоря уже о ее ядерном измерении, в нем не содержится. Причем официальный Тегеран сам никогда не заявлял о желании получить российские ядерные гарантии.

В целом, во-вторых, России и Ирану недостает общего понимания угроз, которым стороны готовы противодействовать с использованием ядерных сил и средств. Очень сомнительна ситуация, когда Москва будет всерьез рассматривать применение ядерного оружия против Израиля для защиты Ирана. Как итог, не имеет место неотъемлемая почва для предоставления ядерных гарантий – высокий уровень союзных обязательств и общее понимание угроз. В конце концов, Россия явно не заинтересована в дальнейшей эскалации на Ближнем Востоке, что явно последовало бы за предоставлением уже даже доктринальных гарантий Тегерану, не говоря об умогрозительном размещении ядерного оружия. В обозримом будущем представить ситуацию, при которой безопасность Ирана

---

³³² Договор о всеобъемлющем стратегическом партнёрстве между Российской Федерацией и Исламской Республикой Иран // Президент России. 17.01.2025. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/6258> (дата обращения: 21.03.2026).

будет играть для России настолько критическую роль, что она будет готова применить ядерное оружие, очень затруднительно.

Продолжая тематику Ближнего Востока, остановимся на примере Саудовской Аравии и Пакистана. С одной стороны, в 2025 г. было заключено двустороннее оборонное соглашение между странами. Оценить его значение сложно в силу отсутствия в открытом доступе полного текста документа, однако, исходя из имеющихся данных, о практическом сотрудничестве в сфере ядерного сдерживания и распространении гарантий речи пока не идет. Пакистанские официальные лица продолжают отрицать возможность «экспорта ядерного сдерживания»³³³. Тем не менее, данное соглашение является военным союзом, поскольку нападение на одну страну отныне рассматривается как нападение на обе. Тем самым, определенная почва для гипотетического предоставления Саудовской Аравии ядерных гарантий все же складывается. Правда, учитывая, что до недавних пор Саудовская Аравия скорее предпринимала усилия по нормализации отношений с Израилем, открытым остается вопрос о том, действительно сходятся ли Исламабад и Эр-Рияд в понимании тех угроз, которым в теории могло бы противодействовать расширенное ядерное сдерживание со стороны Пакистана.

Таким образом, заключенное соглашение уместнее рассматривать скорее как хеджирование рисков со стороны Саудовской Аравии и, вероятно, некоторое сигнализирование в адрес Вашингтона³³⁴, в гарантиях безопасности со стороны которого Эр-Рияд все больше сомневается, но от которых и не собирается отказываться. При этом, конечно, «стратегическая двусмысленность», то есть отсутствие не только подтверждения, но и отрицания сотрудничества в сфере ядерного сдерживания со стороны Эр-Рияда и Исламабада, сама по себе может играть сдерживающую роль. Будущее военно-политического сотрудничества двух стран требует отдельного детального анализа, однако очевидно, что без дальнейшего радикального ухудшения обстановки в сфере безопасности на Ближнем Востоке, которое поставило бы под угрозу жизненно важные интересы обоих государств, никакого дальнейшего прогресса в сфере их ядерной интеграции ожидать, вероятно, не стоит.

Особого внимания заслуживает Тайвань. Данная территория является, пожалуй, самой обсуждаемой в контексте перспективы предоставления американских ядерных гарантий. Эта идея все чаще пробрасывается в западном общественно-политическом

---

³³³ Хан М.Т. Оборонное соглашение Пакистана и Саудовской Аравии: сила стратегической неопределённости // Россия в глобальной политике. 22.09.2025. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/pakistan-saudovskaya-aravia-han/> (дата обращения: 21.03.2026).

³³⁴ Там же.

дискурсе³³⁵. Однако речь идет не только об идеях экспертов и аналитиков. Официальные лица самого острова, включая главу его внешнеполитического ведомства в 2023 г.³³⁶, тоже задумываются о перспективе подключения Тайваня к системе расширенного ядерного сдерживания. Причем соответствующие непубличные консультации уже ведутся³³⁷. Отдельные конгрессмены в США также выступали с инициативами о распространении американского ядерного зонтика на Тайвань.

Вопрос, однако, состоит в смысле потенциального подключения Тайваня к системе американских ядерных гарантий. С одной стороны, действительно, это усилит общую архитектуру американского сдерживания против КНР в регионе, а возвращение ядерного оружия на остров предоставило бы дополнительные возможности для ведения войны и «контролируемой эскалации». С другой стороны, сама вероятность этой войны тоже будет приближена, поскольку размещение ядерного оружия на острове или даже просто явное подтверждение существования ядерных гарантий спровоцируют КНР на ответные шаги и запустят взрывоопасный процесс эскалации. Тем самым, предоставление ядерных гарантий не обеспечит лучшую безопасность Тайваня и защищенность интересов США в регионе, а наоборот поставит их под угрозу, вплоть до разгорания полномасштабной войны.

При этом, как справедливо отмечает А.В. Волошина, КНР уже в нынешнем военном планировании учитывает «перспективу американского вмешательства в конфликт вокруг Тайваня, в том числе с привлечением ядерных вооружений»³³⁸. Нынешняя «стратегическая двусмысленность» в отношении возможного ответа Вашингтона на действия КНР против Тайваня, исходящая из Закона об отношениях с Тайванем 1979 г., также не налагает никаких ограничений на параметры такого ответа и вполне может обусловить применение ядерного оружия со стороны США, без необходимости каких-либо дополнительных шагов и подтверждений на этом направлении. В конце концов, в то время как США предоставляли ядерные зонтики тем государствам, которые имели возможность и волю создать собственное ядерное оружие, нераспространенческого смысла в ядерном зонтике Тайваню вообще нет, у острова нет технических возможностей по созданию ядерного оружия.

В обозримом будущем, на фоне обострения отношений между КНР и США, безусловно, можно ожидать множество пробросов со стороны отдельных аналитиков и политических деятелей относительно предоставления ядерных гарантий, однако на официальном уровне позиция США вряд ли изменится. Ядерный зонтик над Тайванем –

---

³³⁵ См., например: Fang Y.-L., Tzu-Yao L. Why Taiwan Should Be Included in the US Nuclear Umbrella // The Diplomat. 09.06.2023. URL: <https://thediplomat.com/2023/06/why-taiwan-should-be-included-in-the-us-nuclear-umbrella/> (accessed: 21.03.2026).

³³⁶ Цит. по: Волошина А.В. *op. cit.* С. 1.

³³⁷ Там же.

³³⁸ Там же. С. 5.

открытый ящик пандоры и путь к полномасштабной войне в регионе, что еще хуже, нежели определенная уязвимость острова без таких гарантий.

В заключение рассмотрим, на наш взгляд, примечательный пример, а именно КНДР. С одной стороны, КНДР уже является государством, обладающим ядерным оружием (опуская ее международно-правовой статус). Однако на примере НАТО мы видим, что предоставление ядерных гарантий ядерным государствам уже имело место в истории. Тем самым возникает вопрос о перспективе распространения российского ядерного зонтика на КНДР.

На самом деле, институциональных и доктринальных препятствий этому нет, поскольку Северная Корея является полноценным союзником России с 2024 г., а ядерная доктрина России предполагает, что ядерное сдерживание направлено на предотвращение агрессии в том числе против российских союзников, как и ответ на нее (в случае применения ОМУ против союзников).

Другое дело, что нет достаточной общности в понимании угроз (несмотря на имеющуюся тенденцию в этом направлении) – если для КНДР Южная Корея является первоочередным врагом, то Россия все еще занимает относительно сдержанные позиции в отношении Сеула и в обозримом будущем вряд ли будет готова пожертвовать остатками отношений с Южной Кореей, распространив на КНДР свои ядерные гарантии. В конце концов, у КНДР есть собственное ядерное оружие, так что с точки зрения сдерживания гарантии со стороны России не нужны. Лишь в случае радикального ухудшения обстановки в Северо-Восточной Азии и нарастания противостояния двух «треугольников» - Москва-Пекин-Пхеньян VS Вашингтон-Токио-Сеул – можно представить дополнительные заявления России относительно того, что ее ядерные гарантии распространяются на КНДР. Однако это, при всей маловероятности, будет скорее служить целям политического сигнализирования (призыв к переговорам и деэскалации), а не сдерживания в строгом смысле. В любом случае, подчеркнем, что пример КНДР примечателен прежде всего столкновением «буквы» российской ядерной доктрины с ее «духом» и действительностью. В кратко- и среднесрочной перспективе никакие итерации российского ядерного зонтика над КНДР не представляются реальными.

Заключение

Практика ядерных зонтиков – формат военно-политического союза, возникший в специфических исторических условиях. Первенцем в деле предоставления ядерных гарантий своим союзникам являлись США. Изначально, в 1950-е гг., речь шла о передовом развертывании ядерных вооружений (Европа, Республика Корея, Окинава, Тайвань) с сугубо утилитарно-военным смыслом – для компенсации предполагавшегося превосходства противников (СССР и КНР) в обычных вооружениях. Со временем расширенное ядерное сдерживание было помещено в рамку концепции сдерживания, а предоставление ядерных гарантий на доктринальном уровне стало иметь более выраженный политический смысл, в особенности в части решения нераспространенческих задач. Необходимость поддержания внутренней и внешней убедительности ядерных гарантий обусловило высокую степень «приобщения» союзников Вашингтона к его ядерному планированию, вплоть до проведения совместных ядерных миссий.

Вторым государством, решившим воспользоваться моделью ядерного зонтика, являлся СССР. Однако советский «зонтик» в куда большей степени имел военное, нежели политическое значение – о предотвращении распространения ядерного оружия речи не шло. Соответственно, не было столь острой необходимости в ядерной интеграции с союзниками, и аналога совместных ядерных миссий создано не было. Россия как правопреемник СССР не размещала за пределами своей территории ядерное оружие вплоть до 2023 года и ограничивалась доктринальным закреплением гарантий.

Франция и Великобритания исторически предоставляли гарантии своим союзникам по НАТО лишь на доктринальном уровне и не конкретизировали их до недавнего времени.

В любом случае, о полной самостоятельности «ядерных зонтиков» данных европейских государств и в прошлом, и в настоящее время говорить пока некорректно.

Основной целью настоящего исследования было выявление отличительных черт практики ядерных зонтиков на современном этапе. Данные особенности уместно кратко обобщить в рамках двух групп: во-первых, те, что характерны для всех ядерных зонтиков; во-вторых, специфичные для их отдельных моделей: США и их союзники (АТР, Европа), Россия и ее союзники по ОДКБ, Франция и ее союзники по НАТО/ЕС, Великобритания и ее союзники по НАТО.

Что касается первой группы, стоит выделить два важных аспекта. Во-первых, ядерный зонтик – «корона» более общего военно-политического сотрудничества с его союзником, то есть становление такого формата невозможно без должного фундамента – прежде всего, общего понимания угроз и высоко-институционализированного союза. Во-

вторых, любой ядерный зонтик имеет по меньшей мере военный смысл – на данном этапе скорее в смысле сдерживания, а не непосредственного ведения боевых действий «на земле» с помощью применения НСЯО. При этом в части конкретных параметров реализации ядерных гарантий поддерживается «стратегическая двусмысленность». И хотя о стопроцентной вероятности применения ядерного оружия ради защиты союзника также говорить не приходится, данная «двусмысленность» все равно не может не играть сдерживающую роль. В этом смысле, перефразируя старую поговорку, для союзника ядерного государства лучше худой ядерный зонтик, нежели добрая война.

Что касается американских ядерных зонтиков, их общей чертой является то, что исторически и на современном этапе они раскрыты над государствами, обладающими значительной ядерной латентностью. Соответственно, продолжает быть ярко выраженным нераспространенческий смысл, причем в силу географической удаленности США от потенциальных военных действий сомнения союзников в убедительности американских ядерных гарантий особенно высоки. Отсюда, как подчеркивалось ранее, другая особенность американской модели – ее особая инклюзивность. Однако, в зависимости от региона, она выражается по-разному: в Европе речь идет о полноценных ядерных миссиях с использованием развернутого американского НСЯО, в то время как в АТР – пока лишь о совместном ядерном планировании без аналога СЯМ в отношениях с одним государством – Республикой Корея. Тенденция, правда, состоит во все большей ядерной интеграции и сближении европейской и азиатской моделей расширенного ядерного сдерживания, что было продемонстрировано ранее.

Американские ядерные зонтики в определенном смысле можно лишь условно называть ядерными. На данный момент – и соответствующее положение дел не ново – особое значение в рамках расширенного сдерживания имеет неядерное измерение. И США, и их союзники укрепляют конвенциональные силы и средства – как ударные, так и оборонительные, тем самым расширяя поле возможной эскалации. Вашингтон тем самым стремится отодвинуть потенциальный момент, в который необходимо будет принимать решение о применении ядерного оружия в случае военных действий с участием его союзника. В свою очередь союзники США, развивая также свой конвенциональный потенциал, а не только размещая на своей территории американские системы, руководствуются логикой хеджирования, то есть перестраховываются на случай, если Вашингтон не будет готов преодолеть ядерный порог в случае конфликта.

Что же касается России, подчеркнем, что ключевой чертой ее ядерных гарантий, особенно в случае Белоруссии, является их высокая убедительность в силу того, что безопасность союзников в ближнем зарубежье неразрывно связана с безопасностью самой

России, и условия, определяющие возможность применения ядерного оружия, четко прописаны в российской ядерной доктрине. При этом размещенное на территории Белоруссии ядерное оружие еще сильнее укрепляет надежность российского ядерного зонтика и связывает две страны. В то же время, в отличие от американских ядерных гарантий, в российских гарантиях Минск не сомневается – проблем с внутренней убедительностью, соответственно, нет. Соответственно, на данный момент Россия не исходит из соображений нераспространения, предоставляя союзникам свои ядерные гарантии. В случае остальных стран ОДКБ особенностью является то, что российские ядерные гарантии им закреплены односторонним образом – лишь в ядерной доктрине России.

Особенностью ядерных гарантий европейским союзникам со стороны Франции на современном этапе является их все еще недостаточная доктринальная и практическая проработанность, равно как низкая убедительность в силу не только сомнительности готовности Франции разменять условный Берлин на Париж, но и ограниченных возможностей национальных ядерных сил. В то же время по состоянию на март 2026 г. отличительной чертой французской модели ядерного зонтика уже является довольно высокий уровень ядерной интеграции с отдельными заинтересованными европейскими государствами. Правда, неядерные союзники (ФРГ) пока не наделяются задачами по непосредственному применению ядерного оружия подобно СЯМ – речь идет о вспомогательных функциях и отказе – пока – от передового развертывания ядерных вооружений.

Ядерный зонтик Великобритании в рамках НАТО во многом умозрительен, несмотря на недавнее усиление сотрудничества с Францией в ядерной сфере. В силу ряда технических и политических причин Великобритания едва ли будет готова применить ядерное оружие для защиты своих союзников по альянсу, кроме как в случае, если на это пойдет сам Вашингтон. Вкупе с подключением Великобритании к системе СЯМ и размещением американского ядерного оружия на ее территории вполне уместно говорить об американско-британском ядерном зонтике в рамках НАТО.

Выявленные тенденции в развитии ядерных зонтиков позволяют заключить, как было подробно изложено в Главе 3, о том, что они продолжат существовать и развиваться, в том числе – в случае США и их союзников АТР, а также Франции и ее инициатив по европейскому сдерживанию – в части дальнейшей ядерной интеграции. О конце американских ядерных гарантий или их «мифическом» характере говорить непродуктивно, поскольку уходить из Европы или других регионов Вашингтону стратегически невыгодно, и даже если сомнения в его реальной готовности прийти на помощь беспрецедентно

высоки, вероятность такого исхода никогда не будет равна нулю. В то же время это не означает, что перспектива создания союзниками Вашингтона собственных ядерных потенциалов полностью исключена. Наконец, поскольку ядерный зонтик является дорогой политической и военной инвестицией, а также в силу ряда негативных политических и технических факторов, оформление новых зонтиков – в том числе над Ираном или Тайванем – исключительно маловероятно в обозримом будущем.

Проведенное исследование позволяет выдвинуть ряд заключительных рекомендаций для лиц, принимающих решения в сфере внешней политики и политики безопасности России. В первую очередь, России не стоит исходить из того, что нынешний кризис доверия в отношениях США и их европейских союзниках свидетельствует о полной неготовности Вашингтона в случае кризисной ситуации встать на защиту своих европейских союзников, вплоть до применения ядерного оружия. США не откажутся от предоставления ядерных гарантий Европе, как и своим азиатским союзникам, и это необходимо учитывать в соответствующем планировании. Во-вторых, в то же время необходимо внимательно следить за инициативами Франции и ее союзников в сфере европейского сдерживания. В средне- и долгосрочной перспективе соответствующая архитектура может получить вполне конкретное практическое воплощение и представлять дополнительную угрозу безопасности России. В-третьих, соответственно, в силу стремительной милитаризации Европы для достижения целей сдерживания России стоит и дальше усиливать ядерное измерение Союзного государства. Внешне целесообразно сохранять «стратегическую двусмысленность» относительно возможных параметров применения российского ядерного оружия для защиты Белоруссии. Однако необходимо, чтобы в неопубликованных отношениях с Минском эти параметры были детально проработаны и имел место постоянный и доверительный по ядерным вопросам.

Приложения

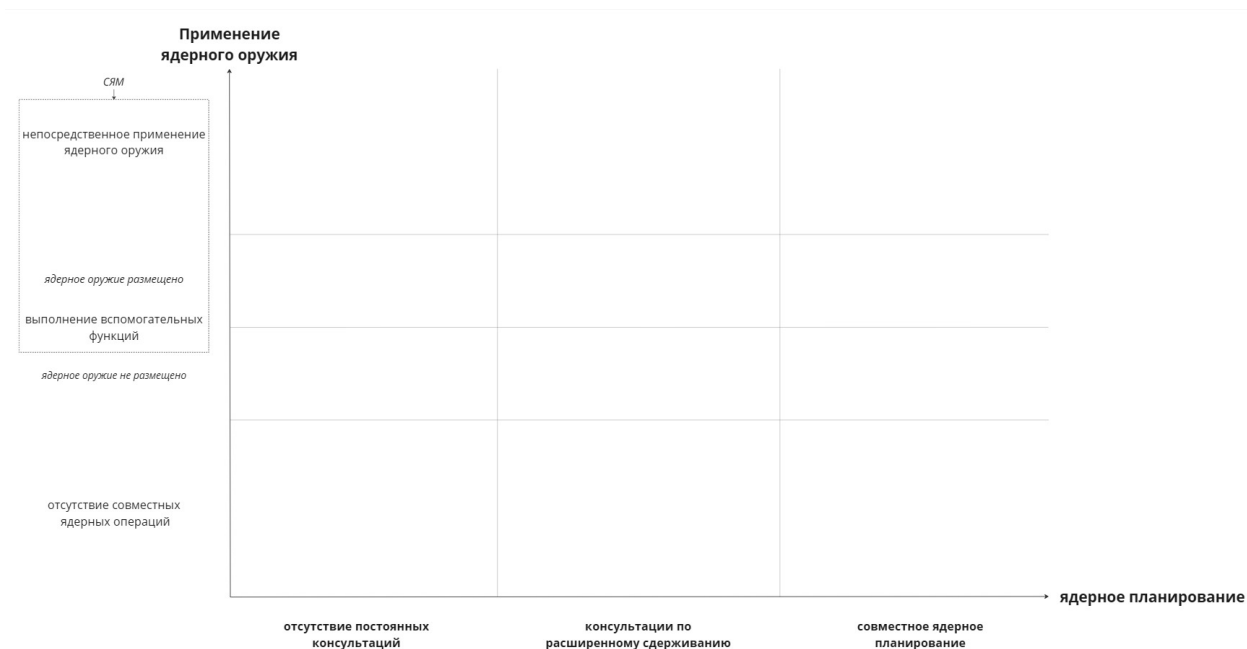
Приложение 1. Ядерные зонтики на современном этапе

Получает ядерные гарантии	Предоставляет ядерные гарантии	С какого момента	Главный источник угрозы	Сдерживание какой угрозы	Характер консультаций	Размещение ядерного оружия
Япония	США	1968	КНДР, КНР	Ядерная / весь спектр	Общие вопросы сдерживания	Нет
Южная Корея	США	1958	КНДР	Ядерная / весь спектр	Совместное ядерное планирование	Нет
Австралия	США	1968 (1994)	КНР	Ядерная	Общие вопросы сдерживания	Нет
НАТО	США	1954	Россия	Весь спектр	Совместное ядерное планирование	Да + СЯМ
НАТО	Великобритания	1962	Россия	Весь спектр	Совместное ядерное планирование	Нет
НАТО/ЕС	Франция	1960 (2026)	Россия	Весь спектр	Совместное ядерное планирование	Нет
Белоруссия	Россия	1993 (2000)	НАТО	Весь спектр	Без постоянного формата	Да + СЯМ
ОДКБ	Россия	1993	НАТО	ОМУ	Без постоянного формата	Нет

Приложение 2. Институционализованные диалоговые форматы, касающиеся расширенного сдерживания и ядерного планирования в рамках существующих ядерных зонтиков

	Название	Год создания
Япония	Консультативный комитет по безопасности	1975
	Диалог по расширенному сдерживанию	2010
Южная Корея	Консультативные встречи по безопасности	1968
	Комиссия по политике расширенного сдерживания	2010
	Консультативная группа по стратегии сдерживания	2016
	Консультативная группа по ядерному планированию	2023
Австралия	Двусторонние министерские консультации	1985
	Стратегический политический диалог	2019
	Диалог по оборонной политике и стратегии	2019
НАТО	Группа ядерного планирования (кроме Франции)	1966
	Руководящая группа по ядерным вопросам (Франция – Великобритания)	2025
	Руководящая группа по ядерным вопросам (Франция – ФРГ)	2026

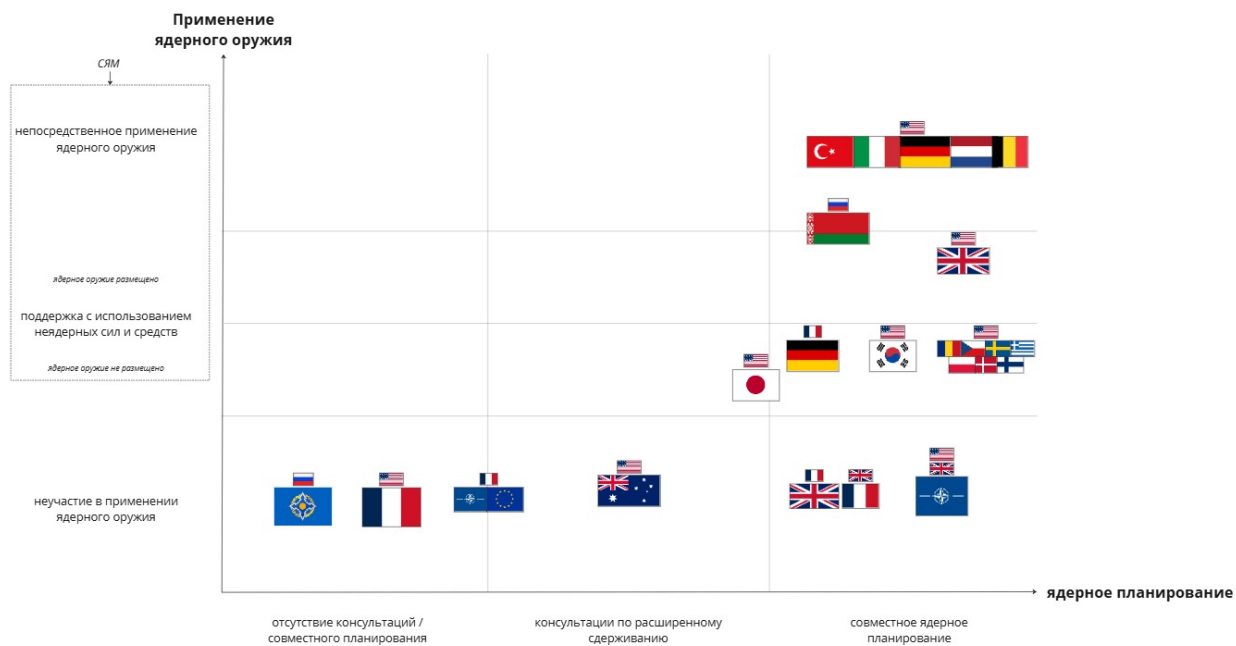
Приложение 3. Классификация ядерного зонтика по уровню участия союзника в ядерном планировании и применении ядерного оружия государства, предоставляющего ядерные гарантии

Приложение 4. Аналитическая рамка для анализа практики ядерных зонтиков

Приложение 5. Классификация современных ядерных зонтиков по уровню участия союзника в ядерном планировании и применении ядерного оружия государства, предоставляющего ядерные гарантии

Об авторе

Студент 1 курса магистратуры программы «Международная безопасность» МГИМО МИД России и ПИР-Центра.

Окончил факультет международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета.

Участник ряда международных научных конференций, автор более 10 научных публикаций по внешней политике ФРГ. Трижды лауреат премии Законодательного собрания Санкт-Петербурга за победу в конкурсе научно-исследовательских работ им. В.С. Ягья, победитель множества других профильных конкурсов и олимпиад.

В качестве активиста и главы (2024-2025) Студенческого научного общества ФМО СПбГУ являлся организатором 9 мероприятий международного уровня (научных конференций, моделей ООН). Особо отмечен представительством МИД России в Санкт-Петербурге за организацию Международной модели ООН в Смольном в 2025 году. Также ведет активную волонтерскую деятельность.

Отзывы на доклад ПИР-Центра

«Работа в высшей степени оригинальна, базируется на глубоком анализе широкого круга документов, материалов и литературы большого числа стран. Автор демонстрирует умение анализировать проблемы системно, в их взаимосвязи. Затрагиваемые в работе проблемы рассматриваются с учётом их эволюции на протяжении последних 75-80 лет, а также в динамике и с перспективой на будущее. Выводы, которые делает И. Субботин, имеют практическое значение с точки зрения оценки развития военно-стратегической обстановки в наиболее важных для России регионах – в Европе, на Ближнем Востоке, в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Автор, на мой взгляд, уже является зрелым исследователем-международником, доказавшим способность к объективному анализу самых сложных вопросов стратегического характера».

*Дмитрий Тренин,
президент Российского совета по международным делам, директор Института мировой
военной экономики и стратегии НИУ ВШЭ, член Совета ПИР-Центра*

«Рассматриваемая работа, несомненно, удалась и достойна высокой оценки. Проведенное исследование хорошо фундировано. Автор демонстрирует широту профессионального кругозора и зрелость аргументации».

*Алексей Кривопалов,
старший научный сотрудник Центра постсоветских исследований, ИМЭМО им. Е.М.
Примакова РАН*

Серия

«Доклады ПИР-Центра»

Видео семинара

*«Кажется, дождь
собирается: особенности и
перспективы практики
ядерных зонтиков»*

Оценка угроз
распространения ядерного
оружия в мире: кто новые
игроки

Серия «Доклады ПИР-Центра»: https://pircenter.org/category_editions/doklady/

